

ИСТОРИЯ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО»

А. НОВОЖИЛОВ

КОМИССАР ЦЕНРОБРОНИ

И.Х. ГАУГЕЛЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Н. Новгород - Сормово
2018 г.

**Комиссар Центроброни
Иван Христианович Гаугель**

«Может быть, молодым читателям не нравится, что я так часто возвращаюсь к прошлому? Но я делаю это сознательно. Мне кажется, что молодежь недостаточно хорошо знает прошлое, неясно представляет себе мучительную и героическую жизнь своих отцов, не знает тех условий, в которых работали отцы до дней, когда их организованная воля опрокинула и разрушила старый строй».

М. Горький
«По Союзу Советов»

Гаугель Иван Христианович — моряк Черноморской флотилии. На Соромовский завод он прибыл как представитель Центроброни. Его, пробежавшего по цехам завода, любопытно осматривали встречные и уже знали, что это никто иной, как присланный из Москвы комиссар.

На Гаугеле была потертая черная бекеша, сшитая из дубленой кожи, со складками и хлястиком сзади. Однако его плотная и теплая одежина не смогла скрыть сухую и мосластую фигуру. Комиссар выглядел неказисто. Даже черная кожаная фуражка сидела на голове скомкано, а козырек ее, уже сероватый, смотрел вверх. Но зато сам он казался многим подвижным и бойким, смело перекидывал взгляд с одного лица на другое. Казалось, что хочет узнать каждого и запомнить его на долгое время.

О комиссаре в первый же день заговорили:

- Кости в мешке, - заключали одни.

- Кандидат в «Могилевскую», - подвели итог другие.

Черные и сердито окидывающие взглядом глаза Гаугеля показались неприятными многим, и им представлялось, что комиссар в каждом встречном видит врага. «Как будто шарит в нутре человека своим острым взглядом, выщупывает что-то».

Однако, как часто бывают ошибочными первые впечатления о человеке!

Враг хозяйничал на Каме, нацеливаясь на Казань. Колчак мечтал взять Нижний Новгород. Деникин окружил Царицын, закрыв доступ по Волге к Астрахани. И куда ни кинь взгляд на карте — всюду были видны полчища гадов, сползавшихся к молодой Советской республике. Да и в тылу были недовольные, колеблющиеся, еще не определившиеся, где правая, где левая сторона.

Гаугель вошел в Пушечный цех, где должно начаться бронирование буксирных судов и паровозов. В гавани уже стояли самые сильные пароходы Волги, национализированные у нижегородских паромщиков Бугрова, Башкирова, Стахеева, Чернонебова и многих других миллионеров.

«Ваня Коммунист» - сильнейший из всех буксирных пароходов, был первым в очереди для навески брони.

Гаугель, войдя в цех, впервые нарушил обычные правила: зайти к начальнику и представиться. Его потянуло к верстакам, около которых лежало много, как ему показалось, готовых к отправке на суда листов брони. Тут-то и показал себя впервые Гаугель, близко подойдя к человеку, стоящему спиной, задумчиво смотрящему все на те же листы.

- Давай! Вези бронь на берег! Что ты ее маринуешь, - крикнул комиссар на кряжистого, лет сорока мужчину с круглым лицом, серыми спокойными глазами.

- Не повышайте голос! Знаем, когда везти надо. - И, повернув голову на крик, осмотрел не торопясь Гаугеля с головы до ног, наставительно добавил:

- Как повезешь, если листы не проверены? Вот сейчас приложим кромку к кромке, уточним, зачистим и айда тогда их на берег, на суда. Надо, чтоб плотно, без зазора, без просвета, чтоб комару негде проскочить было, не то что пуле, - поясняет человек комиссару и, чтобы стало ему понятнее, на своих пальцах показывает, прислоняя их один к другому.

- Понимаю, понимаю. Чтоб слитно стало, как одно тело, - смотря в лицо человека, крикнул Гаугель.

- Так, так, - довольно покачав головой и чуть улыбнувшись, ответил человек, одобряя ответ.

- Но я смотрю на тебя и вижу: душа твоя спокойна, стоишь, как Наполеон на паперти среди нищих ...

В двух шагах от них стояли несколько слесарей и неистово дымили махоркой. Услышав про Наполеона, стоящего среди нищих, рабочие громко засмеялись.

- Неверно. Душа наша для вас пока еще потемки. Не успели как следует оглянуться вокруг себя, а уже о душе ...

- Это, пожалуй, верно, - согласился Гаугель, поглаживая свои черные густые усы, чтобы согнать навязчивую улыбку с лица. — Вы кто тут?

- Старший мастер.

- Как звать?

- Иваном Ильичем.

- Ивашка! Я тоже Ивашка ...

- Тезки, значит ...

- Да-да. Иванов на Руси, как грибов поганых.

- Вот-вот! Эти Иваны новый мир творят.

- Правильно! Давай поздороваемся, Иван Ильич.

И они крепко пожали руки. Мастер внимательно посмотрел на комиссарову руку, на которой неуклюже торчал уродливый указательный палец, а рука выглядела желтой култышкой.

- Да - а ... А ты комиссар ... Я уже осведомлен о тебе. Но следует заметить, не в укор, а для порядка: надо перед тем, как начать шуметь, тебе, комиссар, представиться начальнику цеха, предъявить свой мандат с полномочиями, потребовать от начальства для себя удобств: кабинет и все прочее ...

На лице комиссара расплылась широкая и умиротворяющая улыбка. Он долго и удивленно смотрел в чисто побритое лицо мастера, чему-то радуясь, как будто нашел клад. А в общем Гаугелю понравилась в Иване Ильиче простота и смелость в обращении, его прямота, толковость в объяснении. Он показался комиссару с открытой душой.

Иван Ильич почувствовал, что на плечо его легла не человеческая рука, а острый стальной болт. Нажимая этой култышкой на плечо мастера, Гаугель тихо проговорил:

- Привык с нижними чинами сначала подружиться. Они для меня как компас, путь указывают. А насчет кабинета — не беспокойся. Все кабинеты будут наши. Завод велик — цехов очень много. Засиживаться на одном месте вредно. Мы с тобой, Иван Ильич, в разных кабинетах будем сидеть: то тут, то там. Как это говорится, одна нога здесь, другая там ...

Мастер сочувственно качнул головой, затем еще раз оглядел комиссара с головы до сапог, давно не чищенных, с заплатками — и в этот момент в его простой, чуть неуклюжей фигуре увидел что-то простое, бесхитрое, но прямое и твердое, располагающее к себе. Одни только глаза словно сверла так и жгут, добираясь до души, до сердца.

И Волков, смотря на Гаугеля в упор, прищурясь, сердито сказал:

- Чего сверлите? Смотрели бы в готовое отверстие ...

Комиссар звонко засмеялся. Утерся чистым носовым платком и предложил мастеру:

- Давай скорее везти бронь. И вместе пойдем на берег. «Ваню Коммуниста» отправим на фронт, потом еще и еще ... нам много надо судов на Каму, Волгу ... Бить Колчака, бить Деникина — бить и бить без усталости и промаха ...

- Знаю, не агитируй. Идем, - указав на группу слесарей, уже взявшихся за приделку листов брони, добавил - они просмотрят листы, проверят. Подойдет грузовик — погрузят и привезут их на берег.

Гавань завода представляла из себя что-то хаотическое, как свалочная яма. Акционерное общество «Сормово», видя, что не удержит уже завод в своих руках, бросало на берег весь хлам: проржавевшие котлы, разбитые

платформы и вагоны, тендеры паровозные, и обгорелые паровозы. Словно стремились показать акционеры - такая, мол, будет и новая власть, именуемая советской.

- Ишь, что наделали! В свалку все площади завода превратили. Посажу весь транспортный отдел, если в два дня не очистят берег! Вчера сказал - уберите! «Куда-куда», - закудахтали ... А по-моему, на свалку, под копер — вот куда. Шихту готовь. Чистоту давай. По берегу нам с тобой простор нужен. Так ли?

- Так-так, нажми покрепче, - согласился Иван Ильич, видя в комиссаре настоящего беспокойного хозяина.

Они шли по берегу затона. Гаугель, чтобы мастер понимал быстрее, говорил громко и тыкал его своею култышкой в бок, плечи, живот. Потом остановился, глянул пристально в лицо мастера и тяжело вздохнул:

- Да - а ... тяжелое время! Надо делать всего много ... Не жалеть себя. Надо с кроватями быть тут — при деле. Куда там восемь часов! Я бы удлинил день на пятьдесят часов. Солнце бы переставил ... пусть светило бы на нас кругло и во всю харю — суточно!

Ивана Ильича развеселила такая перестройка. Он крепко взял в свои руки всего комиссара, легко поднял и, ставя на ноги, указал на паровоз, примчавшийся так быстро, на платформу с листами брони.

- Вот как у нас! Планет переставлять не умеем, но зато смастерим так, что, комар носу не подточит!

Иван Ильич объяснил слесарям, с чего и как надо начинать. Не медля ни минуты, они принялись разгружать платформу, взваливая на свои плечи листы брони.

Медленно, но зато крепко «Ваню Коммуниста» одевали в стальные латы.

Стрекотали частой дробью молотков клепальщики. Акомпанировали звонкими ударами кувалд котельщики, выправляя неровности бортов судна. Развертки в руках слесарей попискивали, расправляя отверстия, чтобы заклепка и болт входили в них свободно и плотно. Судно, казалось, на глазах росло, становясь грозным, непроницаемым для пуль и снарядов.

Время подходило к «шабашу». Клепальщики уже сократили темп клепки, и только эхо от нее еще доносилось из заволжья. Некоторые стали собирать свой инструмент в «лошатки», намереваясь гурьбой сойти с пароходов и направиться по домам.

Гаугель стоял на берегу, устремив взгляд в сторону Нижнего Новгорода, позолоченного солнечным закатом. Он как будто любовался городом. На самом же деле его возмущало поведение клепальщиков, уходящих с судна, доделать которое надо к утру следующего дня.

Когда раздражался Гаугель, тогда он подпирал бока руками, в глазах его загорались злые огоньки, лицо покрывалось красными пятнами. Нутро его вскипало, он срывался с места, припрыгивал, нередко хватая култышкой кобуру с револьвером. Так и в этот раз, он подбежал к пароходным сходням, заградил сходящим путь и крикнул:

- Куда - а?! Куда сползаете?! Работать будем до тех пор, как сдадим корабль фронту!

- Эко, как ты разохотился, стоя фертом на берегу, - съязвил молодой, с русыми волосами клепальщик.

Подошел от слесарей Иван Ильич. Он спокойно стал уговаривать клепальщика, что закончить клепку надо сегодня, что комиссар отвечает за сдачу судна своею головой, что на молодую республику лезут со всех сторон враги. И даже пристыдил парня, как, мол, тебе не совестно оставлять других рабочих, давших слово закончить судно к вечеру этого дня.

- Штрейкбрехерами звали таких раньше — изменщиками революции! Как вам не стыдно! — увещевал мастер столпившихся клепальщиков на сходнях. А в это время Гаугель поднял вверх револьвер и, потрясая им над головами, крикнул:

- Обратно! Я должен сдать судно завтра. Оно утром уйдет на фронт бить врагов. А если враги проникнут сюда — я буду бить их. Поняли? ... Говорите, поняли или нет?

Рабочие на сходнях стали пятиться на пароход, а через две-три минуты снова застрекотали клепальные молотки, жарко засверкали веселыми огоньками их расшурованные горна.

И Волга как раз в этот вечер начала пробуждаться. То и дело слегка стал потрескивать ноздрястый лед, рассыпаясь тысячами мелких, ослепительно сверкающих льдинок. Солнце медленно уходило на Запад, но светило все еще ярко, радуя теплом, озаря лица бронзовым налетом. Вот могучая сила сверху Волги толкнула и прорвала покров льда — лед гулко треснул, стал вздыбливаться и, хрустя, шумно пошел вниз по раздольной реке.

- Пошел! Пошел! — вскрикнул комиссар, смотря в даль, сопровождая каждую точку восхищенным взглядом. - Ивашка! Беги скорее сюда. Хрустит как ...

Гаугель бегал по палубе судна, как мальчишка, махая култышкой, взвизгивая, взбегая на капитанский мостик, с него махал своей кожаной фуражкой, провожая взглядом огромную льдину вниз по реке.

- Да ну тебя к лешему! Чего булгачишь людей от дела. Не впервой нам смотреть на ледоход, - ворчит Иван Ильич, взбираясь на капитанский мостик. А с ним уже влезли и некоторые клепальщики. Они так же вытягивали шеи, смеялись по-детски звонко, ахали от восхищения освобождающейся от покрова льда любимой рекой.

А лед и в самом деле хрустел, точно пережевывал сам себя. И от того река становилась вся в искрах от измельчающегося льда.

В эти минуты Гаугель находился в окружении рабочих. То и дело восхищаясь, обнимал то одного, то другого, позабыв неприязнь, возникшую было час тому назад.

2.

Иван Ильич подружился с комиссаром. Уже несколько смен они провели до «шабаша», беседуя то между собой, то вместе с работающими. Сейчас они сидят на берегу затона и смотрят на половодье, затопившее луговую сторону Волги. По широкой и раздольной реке они проводили на фронты не одно судно, а десять. И у обоих друзей головы обеспокоены о завтрашнем дне, о новых судах, одеваемых в броню, о сроках их сдачи Красному флоту.

После некоторого раздумья, Иван Ильич негромко, и не в укор Ивану Христиановичу, сказал:

- Вот ты часто кричишь на рабочих, а не подумал о том, что они есть хотят.

- Да-да ... Это ты верно сказал! Надо подумать о добавочной кормежке их. Родина в опасности. Надо сурово требовать с каждого честного отношения к делу. Но не следует забывать, что надо лучше кормить тех, кто работает за двоих.

И тут, сидя на бревне, комиссар перекинул ногу и сел верхом, как на лошадь, ткнув друга головой в грудь, и стал тепло дышать ему в лицо, что он поедет завтра в Губпродком и будет требовать дополнительное питание для столовой вечерних работ.

Иван Ильич одобрил:

- Вот это будет дело! — воскликнул он. И опять намекнул другу, что не помешает, если этой вечерней кормежкой займутся женщины-активистки. Стоит, мол, только заикнуться в Райкоме партии о таком мероприятии, и к нам придут десятки женщин — домохозяйек - добровольныхстряпух, поваров.

Ивану Христиановичу понравилось такое предложение. От удовольствия он лишний раз ткнул своею култышкой в грудь друга и в заключение даже обнял его и притянул к себе. Но кряжистый мастер только крякнул, не пошевелился и не качнувшись своим крепким корпусом тела.

Иван Ильич не любил ласкаться и мурлыкать по-кошачьи. Однако и он расчувствовался. И в это вечер они рассказали друг другу о своем прошлом.

Комиссар поведал, как он ушел от родителей подростком искать счастья. Его в юности тянул к себе порт города Одессы с разноцветными флагами морских судов, с их неумолчными вскриками гудков и сирен, потока-

ми загорелых и обветренных моряков, с неугомонным и непонятным говором их. Все это оторвало его в один незабываемый день от родной деревеньки и заставило шататься по портовым причалам, кормиться тем, что «Бог пошлет», а ночевать где придется.

Тяжелые переживания в эти длинные дни не сломали гибкого и тонкого Ваньку Гаугеля. Потому, как он объяснил, что слишком велики и горячи были у него в то время желания: больше видеть, много знать.

Однако его бродяжничанье было непродолжительным. Подняли его как-то осенним утром под торговым ларем русские моряки, потрепали за отросшие волосы, привели на корабль, остригли, обмыли, одели как юнгу. И, видимо, на его счастье по разрешению строптивного начальства, он был зачислен в штат торгового судна.

Правда, некоторое время его звали «салагой». Это его не обижало. Так он и плавал несколько лет по морям и океанам без жалования и определенной должности, потрафляя морякам, которые его стали считать родным и всегда неунывающим. И потому, что быстро освоился с качкой, не «тянул канат», как новички взрослые — и был всегда бодр при любом шторме. Это всякий раз ставило его в разряд взрослых, а вскоре и в шеренгу моряков дальнего плавания.

А годы летели белыми чайками. Вот уже пришла пора Ваньке Гаугелю и на призыв на действительную военную службу. Не задумывался еще, кому идет служить Ваня. Все равно, лишь бы только на флот, — в гущу моряков, с которыми сдружился, считая их родной семьей.

Желание сбылось. Ивана Гаугеля забрали и назначили на военный корабль. Первое время долго и утомительно обучали суровой службе. Много и строго вдалбливали словесность: как звать царя с царицей, какой у него чин, звание и величание командного состава. Видел Иван и зорко присматривался к лицам старых матросов, как они отвечают - охотно или безразлично? Но чаще у старых моряков к этим чинам по лицу проскальзывала брезгливость. А потом и стал слышать от них презрение и ропот на царя и на его свиту.

Потом Ивана причислили к одному из орудий. Он разбирал и чистил его ствол, под руководством «старого» матроса «дяди Вани». И как-то, собирая разобранное орудие, учитель сказал ученику:

- Аккуратнее собирай. Не сделай где нито задиру. Орудие, оно не только может служить царю, да буржуям. Оно и нам против них может послужить верой и точностью своих выстрелов.

Не раз Ваня Гаугель задумывался над словами своего учителя: «Как это, мол, и нам послужит орудие». Но время опять-таки быстро летело. Гаугель стал уже старым моряком. Вечерами дядя Ваня напевал ученику вольные песни, тихо шептал ему недозволенное, вольное, отчего у парня зажигались

глаза, светилось в них что-то особенное, яркое. Видел дядя Ваня загоревшийся гневом взгляд — и уже откровеннее ругал начальство и царя, предвещая им крах.

Такие речи учителя были по душе Ване Гаугелю. Они дополняли парня, наращивали в нем гнев, делали его настоящим моряком. А он уже и не знает, как и не помнит, что не «тянет канат» при любом шторме. Так и предстоящий величайший шторм Ваня Гаугель приготовился встретить притоком в него большой силы и радости.

Разыгрывающийся шторм был всегда для него родной стихией. Стоя на палубе у орудия, любясь бушующим морем, он шептал под свой красный, облупившийся от ветров нос: «А ну, поборемся! ...»

В первые дни февральской революции Иван Гаугель стоял у своего орудия, дожидаясь команды дяди Вани, чтоб дать залп по Зимнему Дворцу. Получилось удачно. Но потом в боях за власть Советов Гаугель получил ранение правой руки, и рука стала култышкой.

- Моя жизнь была не слаще твоей, комиссар — тихо проговорил мастер, после некоторой паузы Гаугеля: — Я не воевал, как ты, не странствовал, жил с родителями, с детства ушел на завод, нагревал заклепки, бил кувалдой, и за каждый плохой удар получал подзатыльник или зуботычину. Казалось, и врагов-то вокруг тебя нет, а тебя бьют! Дома гложет нужда. Летом жжет немилосердная жара — от усталости валишься с ног; а лютая зима гонит в больницу. Бывало, придешь в нее, в эту горе-больничку, в коридоре две-три скамьи, а людей сотни. На ледяном полу лежат, сидят, жмутся один к другому — греются. А прием больных производит один фельдшер — от турецкой войны барабанщик. Смотришь на эту горе-больницу, и мерещится тебе огромный каменный гроб с общим отпеванием. Вообще не лечили, а помогали быстрее умирать. Только пошмысленнее, да поупрямистее, те боролись за жизнь и выживали.

Выжил и я. Присмотрелся ко мне паренек, постарше меня. Льнет, ухаживает за мной. В то время я новичок в цехе был, на слесаря учился. Пробу за меня сделал. Подбодряет; «Не робь,- говорит, -со мной не пропадешь. Если и в тюрьму сядешь, то из нее выйдешь благовоспитанным человеком!» Так смешком, да шутками и подружились. А на работе — золотая голова, бриллиантовые руки. Антошей звали. «Ты, - говорит, - в глаза начальству не гляди, в них только плевать можно». «Да за это и на самом деле в острог угодишь», - отвечаю. «А ты так — мысленно плюй, но чтобы тому, в кого метишься, было ошутимо».

На самом деле Антоша жил в цехе свободно и неуязвимо. С начальством спорил, не кланялся. Знал свое дело лучше их. В любой машине видел, где и что в ней неладно, как ее наладить. И не даст, бывало, в обиду

товарища. Парень он был вихрастый, ловкий, говорил красноречиво, о многом знал и при разговоре с начальством всякий раз ему шпильку в нос.

Это раздражало их, потому что поведение его было для них равносильно плевку в лицо.

Вот так, говорит ... Выучись работать так, чтобы на тебя обратили внимание. Но не только должна быть на разуме одна работа. Учиться следует всему. И начал он мне книжки приносить. Читаю — и радуюсь. Передо мной другой мир стал открываться! Захлебываясь читаю. Прочтешь, продумаешь — и к Антоше бежишь поделиться с ним, так ли я понял. Поправлять меня начнет — и еще хорошего много прибавит, так что идешь домой, а самому не хочется расставаться с другом. Так бы всю ночь его слушал.

Бывали у нас и вечеринки. После одной такой Антошу арестовали. Его обвинили в организации подпольной типографии. Это произошло в первые дни империалистической войны.

- Так вот, Иван Христианович, помогать надо уметь. Помощь была бы так оказана, чтобы воспринимающий смог передать другому вдвойне — втройне. Я, например, заимствовал такое у Антоши, и поставил для себя и других заповедь: «Давать человеку столько, сколько хватит у тебя возможности».

А ты вот сообрази. Люди у нас дотемна проработали. Сейчас «смаываться» начнут, а потом побредут усталые в Ляхово, Костенево, Козино. Это за двенадцать верст на своем «одиннадцатом»! Не успеют выспаться — опять надо идти в обратный путь!...

Надо ведь и пожалеть таких-то. Транспорт у нас — пока свои ноги. Позвонил бы ты к директору и попросил бы у него этот, стоящий на приколе пароход «Монгол». Команда на нем есть. Только знает, что свои онучи сушат, бездельничая.

Ткнул в свою голову култышкой Гаугель, сорвался с места и убежал к телефону.

Через каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут комиссар бежал обратно, размахивая руками и смеясь, как парнишка, радуясь удаче.

А через полчаса пароход «Монгол» - с голой палубой, как баржа, доставил рабочих по родным деревням.

3

В Женотделе райкома партии шумно. Каждая женщина пожелала выкрикнуть по адресу места работы мужа, отца, свекра и брата самое едкое, насмешливое, колкое, чтобы всей этой остротой невидимыми стрелами дошла до родного человека женская насмешка, больно уколола — вразумила его и привела к должному порядку.

За обширным столом, покрытым красной материей, сидели три женщины. Несмотря на реплики в зале, в президиуме еще не избавились от улыбок, лица все еще кривились, подергивались приступами смеха. Слева направо сидит Анна Лебедева, лет двадцати семи, смуглая, с черными бойкими глазами. Вторая — председатель — Женотдела Ольга Михайловна Лаптева, пожилая, с густыми, но уже поседевшими волосами, так скромно и гладко прибранными на крупной голове. Ее широкое и добродушное лицо не сразу становилось серьезным. Третья — миловидная и краснощекая девушка. Она разругалась от женских реплик, сыплющихся из зала. Стыдясь и ярко рдея, она взяла в руки свои длинные и толстые, как жгуты, русые косы и перекинула их на грудь, снова перевязала розовые ленты. Это она сделала для того, чтобы спрятать свой стыд. Правда, она только что вышла замуж и теперь на правах молодой, но по возрасту ей надо быть в среде молодежи. А вот за ее скромность, работоспособность и грамотность председатель Ольга Михайловна настояла на своем желании, чтобы Маша работала в Женотделе.

Рядом с молодой женщиной сидел единственный мужчина на этом шумном собрании — комиссар Гаугель, он только что рассказал, как тяжело в цехах завода с питанием работающих, как трудно и неумело обслуживают их наши столовые — раздатки. В кухнях нет надлежащей чистоты. Над котлами висят деревянные зонты, на них развели полчища прусаков — тараканов. Они падают в пищу. Длинные живые очереди тянутся вкривь и вкось по коридорам и столовым. Люди нервничают, спорят, ругаются с администрацией. Не всем достается щей, каши, излюбленных лепешек.

Комиссар рассказал и о посуде. Уж очень тяжело с этой посудой. Тарелки глиняные быстро изнашиваются. Ложек мало, и те обкусанные и обгрызанные, с трещинами. Пока несешь ко рту — все выльется и выпадет. По неволе человеку приходится есть по-персидски — пятерней. Ложки — они деревянные — семеновские. Что бы вам, гражданочки, не слетать в Заволжье к кустарям и рассказать им, как мы здесь из-за ложек страдаем? А может, они сжалятся над нами и чашек нам наделают ...

Гул одобрения пронесся в зале, шум, вскрики:

- Пуцай мужики не жадничают!
- Чай уж не по полной ложке ...
- Курочки по зернышку клюют и то сыты бывают.
- Да ты что-о, Матрена! Целый день, по-твоему, следует мужиков кормить ...

Но комиссар прервал реплики. Он продолжил свой рассказ.

- Где же хорошие ложки? — спрашивают рабочие.
- Да вы же их разворовали, - отвечает администрация.

- Что нам нечего, что ли украсть, кроме обрызганных ложек? Дурни! — возмущаются многие.

- Вчера, - доложил собранию комиссар, - не работала целая смена сталеваров из-за недостатка посуды. Щей, каши хоть отбавляй или обливайся. Хоть в шляпы наливай, накладывай, а чем? Ложек нет! Один сталевар пришел с бадейкой, которой металл из печки черпает для пробы. На смех подняли администрацию. В пузырь загнали — попряталась. И из окон кричат: «Вы все из столовых разворовали».

Но кто тут жулики? Надо в этом разобраться, гражданочки. Вам будут виднее они. Рабочие простаивают в очередях по несколько часов. Им некогда работать. Они требуют порядка, а мы не знаем, как этот порядок восстановить. Вы хозяйки, вам это дело сподручнее. С вашим добрым взглядом, уменьем, лаской, вы сумеете укротить мужиков своих, чтобы они с досады ложки не грызли. И администрацию столовых урезоните, чтобы она, как можно меньше лепешек поедала, а больше их на стол перед рабочими ставила.

Окончив свой рассказ Гаугель сел рядом с девушкой с длинными косами Машей.

В этот момент и зашумело собрание. Сначала кричали, кто во что горазд, что на ум придет. Без содержания и всякой политики.

- Чем наших мужиков кормят — прусаками!

- Сала давай, жиров!

- Мяса-а-а!

В момент этих выкриков встала на стул степенная пожилая женщина, повязанная клетчатым серым платком, и спокойно промолвила:

- Какие тебе жиры и мясо, коли люди голодают, радоваться надо, что щи и каша есть. Зачем мутить болото, коли оно и без твоих выкриков мутно. Освежать болото следует, чтобы в нем свежие струи текли, в этом и состоит наша общая задача.

- Правильно, тетя Даша!

Следом за одобрением слов тети Даши выступила председатель собрания Ольга Михайловна и посоветовала женщинам пойти по раздаткам группами, быть строгими и осмотрительными. Примером показывать, как надо обращаться с людьми, как взяться за любое дело, словом, показать чистоту, водворить порядок.

Раздались со всех сторон выкрики:

- Дайте мне сталелитейный! Я своему мужу при народе на гайтан, вместо креста свой половник привяжу! Пусть ест на здоровье и не жалуется, что ложки нет.

- А я поутру своему за голенища пол дюжину ложек навтыкаю.
- А мне бы котельный. Там мой свекор. Он все говорит, что он один за троих работает. А того дни из-за похлебки работу бросил ... Так я его, урезоню - у ...

- Кузницу, кузницу мне! — бойкая молодая хозяйка в красной косынке, смеясь, добавила:

- Я ему покажу, лохматому лешему, какие-то там прорывы делать.

Ватага женщин-домохозяек быстро сгруппировались и шумно двинулись вместе с комиссаром в завод.

По дороге к нему комиссар прислушивался к степенному разговору Анны Лебедевой. Эта молодая женщина казалась ему не только привлекательной, но и рассудительной, знающей больше других, бывшей в курсе всех событий района.

- Бабы - ы! — воскликнула она, не заметив сзади комиссара.

- Что мы тебе за бабы? Ты, поди, себя все еще девкой считаешь? ...

- Ну-ну, ладно — бабеночки. Не перебивайте, давайте постановим так: перво-наперво, как придем, вычистим и выскоблим все до блеска. Эти деревянные абажуры над котлами, что тараканов плодят — выкинем. Потом, как все очистим и освежим, накроем столы клеенками. Они давно получены, но боятся, что клеенки разворуют. Расставим обеды, впустим людей, прикрепим каждого питающегося к одному столу. Пусть запомнит свое место. Поговорим с ними о хорошем, о том, как дальше будем жить? А дальше - как врага победим, нам все лучше и лучше станет.

Понравилась комиссару Анна Лебедева. Стороной он узнал, что у нее есть мальчик, а муж где-то погиб с первых дней на гражданской войне.

... Ватага женщин вошла в столовую горячего цеха. Подобрали выше юбки, подтыкались, поддегались, крепко подвязались. Засверкали голые икры молодых розовых ног. Комиссару хотелось — и он несколько раз порывался подойти к Анке по делу и заговорить с нею, но всякий раз она ему напоминала, что в ее руках мокрая грязная тряпка, которой, мол, она ненароком может его обрызгать.

Так и любовался он ею только издали, а разговаривал мысленно, мечтая встретиться где-нибудь наедине и поговорить по душам.

А дело у женщин шло, как по маслу. Администрация с официантами ходили за общественницами «на цыпочках», покорно подчиняясь приказаниям Анки Лебедевой, выволакивая торопливо и расстилая по столам новые клеенки.

А когда рабочие стали, было, врываться в столовую с гоготаньем и криком — их резонно, раздвинув подолы веером, женщины предостерегли:

- Входите чинно, без шума! Видите, жены к вам пришли?

- И впрямь бабы наши - и! — воскликнули мужики.

И уже когда сидели за столами, раздался смех и гомон, сопровождаемые репликами:

- Дорогая женошечка, Дарья Игнатьевна! Жалуюсь тебе, как большому начальству. Возьмем строгость и взыщи втридорога с администрации за то, что она вчера съела мои лепешки ...

- Марья, Марьяша! Не забудь, забронируй для меня лишнюю ложку, — летит возглас из дальнего угла!

- Вот тебе и раз! Богоявленная моя явилась! Чем черт не шутит, когда Бог погребен!

- Дунька, Дунька! А ты, бывает, как лепешки начнешь подавать — погуще их коровьим маслом намажь для меня ...

Радостным был этот день для комиссара. Он почувствовал, как женщины осветили его, украсили, озарили свежестью, влили в него самого что-то неиспытанное, незабываемое.

4.

У Гаугеля было много хлопот и в Нижнем Новгороде: то его вызывали на собрание губернского комитета партии, то и самому по хозяйственным делам получать тот или иной продукт для питания работающих. Приходилось спорить в кабинетах, доказывать возглавляющим, насколько остро у него стоит вопрос с питанием. Он в кабинетах не понижал голоса, требуя, чтобы его участку было особенное внимание.

Чаще Гаугель кричал и постукивал по столу в кабинете Воинова Василия Кузьмича, ведающего продуктами питания первой необходимости, человека крупного по росту, с большой круглой головой, с широким добродушным лицом, с глазами серыми и всегда спокойными. А когда Гаугель, потрясая в воздухе култышкой, выпрашивал надбавку того или другого продукта, Воинов поднимал свою широкую ладонь правой руки, с более развитыми пальцами, чем на своей левой, ударял ею слегка по столу и, успокаивая комиссара, тихо произносил:

- Ладно. Поезжай. Надбавлю всего понемногу. Но ты убыстряй отправку на фронты изделий, гони корабли и бронепоезда.

- Мне всего давай, как я написал, - уже спокойнее повторял Гаугель. Давай муку, крупу. Все давай. Не забудь: махорку, папиросы. Сам курю, не выпуская изо рта, я курящих понимаю, как тяжело без курева ...

Гаугель бывал и у возглавляющих Губпродком товарищей Ковалева, Замошникова, но с ними как-то не умел сговариваться, они не уступали

ему, а он им. Потому и обегал их кабинеты, карауля Воинова Василия Кузьмича, считая его более чутким к сормовичам и их работе.

Выйдя из Губпродкома и пройдя на откос, Гаугель сел на одну из скамеек и загляделся на многоводную широкую Волгу ...

- После трудов тяжелых и скандальных захотелось отдохнуть, - рассказывает он другу своему Волкову. - Один раз попробовал, и больше не сяду ни на какой откос! Сижу, гляжу и уже вздремнул было ... И вдруг вижу ... протираю глаза руками ... Не привидение - ли? Не сплю ли? Щиплю от наступающего прилива злости свои ноги выше коленей ... Нет, не сплю ... Ползет снизу вверх по реке, эдак боком, боком, «Ваня Коммунист»! Что еще за оказия такая? Почему ползет обратно?.. Тут я и тебя, Ивашка, в требухи и прочее... Все внутренности, кажется, перевернул у начальника цеха. Всех вас покрыл в хвосты и гривы. Кстати, тебе не икалось?

- От меня отскакивает всякая ругань, как горох от твердого тела, - ответил спокойно Иван Ильич.

- Как же так? Торопились: вооружили, бронь навесили, для того, чтобы с врагами сражался, а он с фронта утек?! Видимо какую-то поломку сами в машине сделали? — Комиссар пристально смотрит в лицо друга, но зная, как тщательно принималась машина механиком судна и командованием его от Ивана Ильича Волкова, решил: - Сам завтра разберусь. И ты со мной пойдешь.

- Да куда я от тебя денусь?

- Вот так... Дезертиром оказался «Ваня Коммунист»!

Позор какой! Беспартийный «Медвежонок» напролом идет. Баржу белогвардейскую вывел из строя ... А наш холеный, глаженный, сутками лелеемый, боком - боком, колес не видно, ползет опять в ремонт!

Бегу я с горы, земли, под ногами не чувствуя, кричу, фуражкой ему махаю, думаю, подойдет к берегу, вскочу на борт. А капитан, видимо, узнал меня, подставил мне свою спину - и наутек в Сормово.

- И как не стыдно? Земляки стоят на берегу, смотрят на боевое судно, вооруженное орудиями и пулеметами — и что о нем говорят: вон, говорит один другому, смотри, «Ваня спекулянт» плывет с мукой, рожью, крупой. На рынках хлеб подешевеет. А нагрузился-то ка-ак? И в пушках, наверное, мешки с мукой.

- Вот ведь что говорят! Спекулянты! Командиру судна нос сворочу в сторону. Команду попрошу списать. Это не моряки, а черт знает кто... Ты не заметил их, как судно на фронт уходило? А я долго вглядывался в них: рожи холеные от усиленной жратвы, лопнуть норовят. На пальцах золо-

тые перстни, на руках золотые часы, а клещи шире бабьего подола. Сдеру все с плеч и с ног, голых пушу на берег!

Иван Христианович приуныл, взял подбородок в обе руки и задумался.

И через минуту-две заговорил уже тише:

- Грустно, Ивашка, стало, как понял, что за команда на этом корабле. Вот соображаю сам с собой о том, как я их, мерзавцев, прочучу, как эту их кособокость выправлю...

Иван Ильич о многом подсказывал другу. Так и в этот раз он не упустил случая и наставительно промолвил:

- Для того, чтобы списать команду с судна, необходимы факты. А у тебя их нет. Судно пришвартовалось в затоне раньше тебя. Они, наверное, не дремлют и уже разгружаются. А ты все только возмущаешься. Звони в ЧК, пусть отряд вышлют...

Не произнеся ни слова, Гаугель встрепенулся и стал быстро крутить ручку телефона. Этот номер давали без замедления. Когда оттуда узнали, кто сообщает, Гаугеля поприветствовали и поблагодарили. Он попросил позвонить ему о результатах. Номер телефона не повторил. Гаугеля знали, где он. Каждое утро он сообщал в необходимые организации, где его можно найти.

- Вот как хорошо, что ты подтолкнул меня на действие, а то я и на самом деле больше кричу, - проговорил Гаугель, положив трубку телефона на свое место, смотря другу в лицо с улыбкой благодарности. — Ты всякий раз вовремя поспеваешь с умным советом. Если будет от меня зависеть, я тебя, друг, к награде представляю.

- Сули и обещаю — ввек не разоришься, как говорит старинная пословица, а мне одна дорога будет награда, если врага победим, а потом с азартом за мирный труд возьмемся. Вот это награда!

В этот момент свистнул цеховой гудок, известив о начале полдневого перерыва. Иван Ильич ближе подвинулся к столу комиссара и развернул завернутый в газете свой завтрак.

- Да-да! Это будет огромнейшая награда! Я тебе не рассказывал, что я еще увидел сегодня в Нижнем Новгороде. — И Гаугель, смотря другу в лицо, начал:

- Вот опять сию я и гляжу в хвост убегающего «Вани Коммуниста» уже с причала. Вдруг слышу оркестр где-то играет «Интернационал». Оборачиваюсь, смотрю, а с Похвалинского съезда моряки идут. Много их. Я не вытерпел и побежал им навстречу. Гляжу не нарадуюсь в лица, молодые, здоровые, свежие, как яблочки только что с яблоньки. Глаза у всех — огонь! Оказия! Тысяча их, а может, две. Все одеты с иголки:

тельняшки полосатые, фланельки темно-синие, форменки — даже небо от них стало ярче, и тучи разогнало. За морями тачанки с вооружением: с орудиями, пулеметами. Что такое? — спрашиваю. Куда идут?

- Отряд, - отвечают. Отряд! Первый десантный отряд моряков волжской военной флотилии. Идет на Колчака. Крышка будет этому прохвосту. Пух от него полетит, а требуху его втопчем в землю для удобрения. Эдакие молодцы всех старых генералов в мыловарни отправят на мыло. Эх, красота! Ой, радость наша и надежда!

- Так народ кричал морякам, провожая их до берега. А я запомнил и передаю тебе, Ивашка, в точности. Сам народ это кричал! А ты знаешь, как это приятно слышать? Сердце в груди голубем затрепыхалось, волосы фуражку на голове поднимают. Сам народ — тысячи! Значит, он верит в нас, коммунистов. Эх, как верит! Нутром всем своим, сердцем и телом с нами!

А «Интернационал» могуче гремит: «Это будет последний и решительный бой».

Ближе я протискался к ним. Снял с головы свою фуражку и махал ею, кричу им: «Здорово! Братки - братишки! Примите сердечный привет от старого черноморца! Бейте врага не щадя, в хвост и гриву!»

К вечеру Гаугеля вызвали к телефону. Ему сообщили из ЧК, что у команды «Вани Коммуниста» отобрано муки ржаной 50 мешков и столько же ржи. Команда сопротивлялась. Список команды переслан высшему командованию.

А через несколько дней Гаугель подошел к Волкову и потянул его за рукав:

- Пойдем поскорее на берег! Будем смотреть на новую команду на «Ване Коммунисте». Пожелаем им доброго пути и успешнее сражаться с врагом.

5

Как-то вечером, в конце мая девятнадцатого года, друзья сидели на палубе парохода «Монгол», любясь разливом половодья. Вода удалась большая, хотя вода такая и не всем счастье, но рабочие и мои герои считают: зальет обильно луга, вырастет сочная и густая трава, будет чем прокормить скот, появится в должной мере в магазинах мясо.

Половодье обильно затопило луга. По берегу затона к цехам завода бегают люди по зыбким мосткам весело и проворно, считая это ежегодное явление не бедствием, а радостью весны, и самое важное, что беспокоит всех — это недоделанные суда, которые необходимо сдать раньше срока.

Волга в этот вечер была настолько величественной и прекрасной, что сумела приворожить к себе и моих героев — людей крепко преданных делу,

обильно насыщенных любовью к молодой Родине. Они долго сидели молча, любуясь красавицей. Казалось, что она глубоко вздыхала, рябила поверхностью, улыбалась. Герои мои подражали ей. Прищуривались, смотря в даль, то восклицали от восторга на прошумевший ветерок, вдруг сильно зарябивший поверхность реки.

На луговой стороне обрисовались села с маленькими церквушками. Золотисто блестит на горе Нижний Новгород. Эта картина величественна и так хороша! Ей аккомпанируют звуки клепальных молотков, жужжание сверл, разверток. Идет напряженный труд сотен людей в защиту своей Родины.

Я вижу, как комиссару и его другу Ивану Ильичу хочется сделать большее, более яркое, чем-то, что делают сейчас. У них на то разное основание. Они только что получили письменную весточку с берегов Камы. (Письмо было послано от группы моряков десантного отряда — добровольцев рабочих сормовичей: Андропова Алексея, Дмитриева Дмитрия, Лягина Ивана, Платонова Георгия и Новожилова Александра - автора очерка. В нем сообщалось, что наша доблестная Красная Армия, хорошо вооруженные моряки-десантники, и бронированные рабочими речные суда отогнали колчаковцев с берегов Камы, бьют их в хвост и гриву.)

Наконец Иван Ильич беспокойно заерзал на своем жестком сиденье и шепотом, назло, проговорил комиссару:

- Все хорошо идет. Принято говорить — как по маслу. Наши парни лохматят врага. Мы здесь, как будто, не снижаем темпы. И думается, что не ударим в грязь лицом и в дальнейшем. Однако в среде нас есть сволочи! Они шипом, ползком, по-змеиному подкрадываются и вредят нашему общему делу всеми способами.

Иван Христианович насторожился.

- А что? Известно, человек делается не как сапог по колодке

- Вот-вот. Не каждый лапоть сплетен на одну ногу. Разве тебе еще не говорили, что завод грабят днем и ночью?

- А! - да-да. Но ведь это не наше дело жуликов ловить. На то есть охрана.

- Это все так. Но слушок-то идет и о нас. Они, мол, воров-то на «Монголе» по домам развозят. Что, мол, им не воровать, нагрузись до предела, доставят на казенном транспорте. Ты, не знаю, как на это смотришь, а я-то с презрением. Не только за себя дорожу, но и за всех честных, которые не причастны к этому грязному делу.

- Это правильно! Но как приступить?

- Полбеда! Позвони-ка в Райком партии. Пусть еще пришлют к нам женщин-активисток. Бабы — золото. Им и сподручнее углядеть, и оцупать глазом мужиков. Побалагурят они с ними и увидят: уж если какой

нагружен ношей, он лишний раз с места не сойдет, сторониться станет, поживать. Так шутками, прибаутками и доберутся до сути дела. А мы бабенок, как следует, проинструктируем.

- Да - а... проворчал комиссар. Нелегкое дело, но все же поднялся с места, покрутил для чего-то свои усы и весело помчался к судовой верфи. Эта неожиданная веселость появилась у него при мысли о вторичной встрече с Анкой Лебедевой.

Возвратился комиссар быстро. Он сообщил другу, что секретарь райкома с удовольствием выслушал его просьбу и пообещал прислать с собрания самых активных женщин.

- Так, Ивашка, сделаем, значит, дельце, - садясь на тот же кнехт рядом с мастером, задумчиво проговорил комиссар, но подумал он в этот миг опять-таки об Анке Лебедевой. Не станем арестовывать, я и охране не позвонил. Посовестим. Выворотим пойманных наизнанку. «Чего делаете, мол, грязные пазухи! Свою родную, первую в мире советскую власть губите! Сами себя обворовывайте. Под собой сучки рубите! — гневно проговорил Гаугель.

Подошел и тот желанный час. На берегу показалось десять женщин. Несколько из них идут с ведрами, покрытыми белой материей, наполненными чем-то тяжелым. Впереди опять та смуглая, остроглазая Анка Лебедева, повязанная красной косынкой. Сейчас она стала похожа на молодую цыганку.

Комиссар с мастером сошли с «Монгола» и пошли женщинам навстречу. Все они сели на лужайке и разговорились о предстоящем деле.

- Мы не знаем, какое дело вы для нас приготовили, - сказала Лебедева.

- Мыть палубу вас не заставим, - ответил комиссар, и приступил к рассказу, как следует подходить к тем, которые будут замечены перегруженными, чем-то тяжелым.

Инструктаж был коротким. Гаугель не умел говорить пространно. Не любил многословие. Он дал пояснение: «Каждый рабочий, который честен, смотрит в глаза другим смело. А тот, перегруженный ворованным, будет от вас сторониться. Да при том такие-то тепло одеты: они в длинных пальто, в полупиджаках, стеганных ватных штанах».

- А ты опять старшая? — опросил комиссар Лебедеву.

- Поручили мне, но мы все одинаковы по чину. Мы пришли к мужикам не только помочь им, но принесли и гостинцы. Лепешки от нашего ужина остались. Вот, думаем, и угостим мужичков с устатку.

Иван Ильич широко заулыбался. На его глазах показались светлые слезинки. Он с молодости стал сильно впечатлительным. Каждое что-то хорошее выжимало из него слезы.

Вытирая лицо носовым платком, он проговорил:

- Лепешками таких не балуют. Вы ими угостите тех, которые будут не замараны в грязных проделках. Пусть у жуликов слюнки потекут.

Вечер был тихий и ясный. На лугах зелено, и оттого радостно каждому смотреть на берега, петь под свой нос песенки. Однако не у всех были радостны лица. Некоторые, еще вступая на палубу парохода тяжело и грузно, косили глаза на женщин с ведрами. «Что за подвох готовит комиссар», - спрашивали сами себя косые глаза.

У этих рабочих на уме покос травы, ремонты сельскохозяйственной утвари. На колесах у телег нет железных обручей, нет и лемехов, косников и всего того, что необходимо крестьянину. Но эти крестьяне только наполовину. Они работают на заводе, а по вечерам обрабатывают свои участки земли. Крестьянская утварь поизносилась. На нее большой спрос. За каждый лемех — полпуда муки. За каждый железный обруч к колесу — мешок картофеля. Как же тут устоишь, чтобы не унести с завода? Говорят же, что все наше. Вот мы и берем по силе и возможности столько, сколько унесем. Греха, мол, в этом нет. То же общее дело делаем. А тут бабы решили прогуляться. Да и комиссар с мастером вошли на палубу, думают, видимо, ехать с нами. Что за оказия подготавливается?

У вора глаза становятся волчьими. Они страшны, но и пугливы.

А женщины уже расселись среди рабочих и разговаривают с теми, кто грузно и тяжело стоит, истекая от жары потом. Подступая то к одному, то к другому, женщины сначала ласково уговаривали:

- Да вы сядьте, разденьтесь. Что себя так морить?

Ласка и такой теплый женский привет не действовали на мужиков. Тогда Анна Лебедева бесцеремонно и быстро расстегнула на одном пальто, распахнула его и остолбенела. И женщины ахнули враз: перед ними предстал оголенный мужик, весь обвешанный стальными конусными обрезками. На нем висело на лямках через плечи около двух пудов листового железа. Сидеть ему было нельзя, потому что острые кромки впивались в тело.

- Разгружайся! — крикнул подбежавший комиссар, взявший в култышку кобуру с револьвером.

Мужик покорно, смотря в палубу, отошел от борта, стал медленно снимать с себя стальные латы.

- От кого забронировался? Строишь личное благополучие? Спекулировать пошел бы по деревням...

Комиссар разъярился. Но в эти две-три минуты произошло смятение в среде рабочих. Загрохотало на палубе железо. Многие побросали все, что имели. Женщины столпились вокруг молодого здоровенького парня, которому хотя и тяжело было, а он все же увертывался от них, планируя, звенел металлом. Звон раздражил женщин. Они схватили его за полу пальто, и он

звонко и со стоном растянулся на палубе. Его вмиг расстегнули. Он весь оказался в кольцах из шинного железа, привязанных веревками к плечам.

Анна Лебедева отошла от разбронированного парня и села рядом с мужичком с козлиной бородкой. Сосед оказался словоохотливым. Он время от времени придерживался рукой за свой чемодан. Стало заметно Анне, что этот пассажир из другого цеха, и подпевает ей, чтобы расположить ее к себе. Анна улучила минуту, когда тот снял руку с чемодана, чтобы вытереть лоб от пота, взяла чемодан за ручки и не смогла его поднять.

- А ну-ка, раскупоривайся! — строго приказала она.

Как раз подошли комиссар и мастер. Они успели оба ухватиться за чемодан, владелец которого намеревался, перевалить его за борт.

Иван Ильич острой кромкой лемеха вскрыл чемодан. В нем оказалась крупная партия готовых зажигалок, изготовленных в цехах завода из цветных металлов.

Комиссар отобрал у владельца заводский номер, профбилет.

При возвращении обратно лепешки пришлось есть самим. В этой пирушке участвовали и комиссар с мастером. Пили чай, разговаривали.

- Как зовут тебя, дорогая? — спросил Гаугель Анну.

- Зовут — зовуткой, а величают уткой, - смеясь, ответила она.

- Смотри, я охотник — подстрелю.

- Не напугаешь — стреляная.

- А ну-у! А кто из нас не стрелянный! Вот и я — и он протянул к ней обезображенную правую руку.

- Где это вас? — сострадательно покачав головой, спросила она.

- Не скажу до той поры, пока не узнаю твое имя, отчество и фамилию.

- Анна Алексеевна Лебедева, - мягко, почти нежно, ответила она.

6

С каждым днем становилось все больше дел у Гаугеля и Волкова. Им поручено бронирование паровозов и поездов. Круг обязанностей теперь стал не по плечу двоим. Надо было связаться с активом других цехов. Этим делом и занялся в первую очередь сам комиссар.

«Паровозные котлы, сборка самих паровозов под бронирование должны быть здоровыми в полном смысле этого слова. Их начнут изготавливать люди, проверенные мною. Я должен их видеть каждый день, сдружиться с ними», - размышляя шел, придумывая для себя внеочередные обязанности.

Он вошел в котельный цех. В нем изготавливались котлы. Собрал в обеденный перерыв профсоюзный и партийный актив. Надо было поставить вопрос так, чтобы котельщики поняли и возглавили движение за опережение графика по выпуску котлов.

Собрался актив. Шумно стало от громкого людского говора. Тут были все знаменитые «глухари», старые и молодые. Они говорят криком, мимикой лиц, маяками, жестами рук. Любопытство каждого одолевало: они вставали, вытягивая шеи, вскрикивали, бесцеремонно протягивая бронзовые от масла жилистые руки: «А вон тот комиссар, что в кожанке!»

Гаугель начал свое слово с того:

- Паровоз начинает расти от котла. А вы опаздываете, не подаете их паровозникам в должное время. Так вам работать не полагается. Родина с часу на час ждет от нас бронированных поездов. Мы обязаны напрячь свои силы, чтобы опередить график выпуска котлов. Поставить их у ворот паровозников, два-три котла в загон. Вот так!..

Раздались возгласы. Кричали о недостатке листового проката. Вызывали немедленно на собрание старшего мастера Тихона Третьякова. Через несколько минут прибежал бородатый крепыш и, улыбаясь широким и румяным лицом, заверил котельщиков, что прокатчики помогут им, если мартеновцы не задержат болванку для их листа. Мастера Третьякова отпустили с миром. Гаугель стал звонить по телефону в мартеновский. Тот ответил, что болванка погружена на шаланду № 675 и направлена в прокатный вчера.

- Где гуляет болванка? — кричит комиссар. Звонит в прокатный Третьякову.

- А-а! Третьяков? Еще раз здравствуй! Болванка у тебя?.. Ага! Только что подошла?.. Так-так. Когда подаешь листы котельщикам? Завтра -а...

- Нет! Сегодня в ночь давай. Пусть горячие, но давай. В пути остынут.

- Уломал бородатого. Но в ночь я буду с вами, товарищи. Не подаст листы — отвечать будет.

Котельщикам понравилась требовательность комиссара. Они все толпились теперь около него, знакомились, пожимая его руку. Приглянулся комиссару бригадир сборщиков Павел Ермолаев. Еще молодой, вихрастый, с голубыми ясными глазами молодой человек член партии, вступивший в ее ряды в первые дни Октябрьской революции.

Гаугель распрощался до вечера с котельщиками и побежал к Ивану Ильичу. А у него как раз происходило знакомство с молодым бригадиром, подающим большие надежды.

Иван Ильич представил этого бригадира комиссару. Познакомились. Волков отрекомендовал:

- Михаил Иванович Телогреев, лучший дизелист, бригадир передовой, он и машинист, и шофер — на все руки мастер.

- Приветствую такого! — похлопывая по плечу здоровенького русого молодого человека лет тридцати без улыбки, пожимающего кулачку комиссара.

Телогреев встретил приход комиссара в цех так же, не улыбкой, а серьезно и делом. Он подружился с инженером Чепурновым Алексеем Алексеевичем — изобретателем, человеком плоть от плоти, кровь от крови рабочего класса, бывшего в молодости замечательным слесарем. И этот инженер вошел в бригаду Телогреева и вместе, работая ночами, создали свое план-бюро. Стали следить за поступлением деталей. Указывали и продвигали, какие должны быть обработаны в первую очередь. И так дружба бригадира с инженером родила первую передовую бригаду слесарей, ставшую известной по выполнению заданий для гражданской войны.

Наступал вечер. Комиссару надо было пообедать. Он пригласил с собой Ивана Ильича. Тот охотно согласился, чувствуя, что не устоит и уйдет вместе на ночь с Гаугелем в котельный. Они направились в столовую прокатного цеха. Комиссар увел друга в этот цех умышленно. Захотелось проверить бородатого Третьякова: идет ли подготовка проката листа котельщикам.

У листового стана шла смена валов. В группе рабочих стоял Тихон Третьяков. Он о чем-то кричал. Гаугель подошел. Тот увидел и громко крикнул: «Будут листы!».

Друзья, удовлетворенные, плотно пообедали и оба вошли в котельный цех. Войдя в шумный, грохочущий звонкими ударами кувалд о металл цех, Иван Ильич повернул голову обратно к двери и увидел на ней приклеенный лист бумаги. Лист был ярко разрисован красками. Оба подошли к двери посмотреть на рисунок. Он изображал целое стадо бородатых и рогатых козлов на сенокосе, мечущих сено в стога. Под рисунком написано: «Занимайтесь больше котлами, а не сеном». И никакой подписи. Автор, видимо, побоялся этих бородатых и решил действовать тайно.

Отойдя от рисунка, комиссар, улыбаясь, сказал:

- Новое явление. Желательно бы встретиться с этим скрытым доброжелателем.

К первому подошли Павлу Ермолаеву. Он, ползая по листу железа, размечал его под сверловку. Увидя комиссара и незнакомого ему Ивана Ильича, Павел встал, улыбнулся, протянул руку с молотком к двери, спросил:

- Ну, как, комиссар, крепко нас отчеканили?

- Замечательно сделано! Если бы я знал, кто этот мастер, учиться бы послал в академию...

- Тогда я познакомлю! — радостно воскликнул Павел и, сделав пол-оборота, сунув в рот два пальца, пронзительно свистнул. Подбежал косматый паренек лет шестнадцати, грязный, в залатанных штанишках, в опорках на босую ногу и выпучил черные глаза на комиссара.

- Это он?

- Тот самый! — ответил Павел.

- Ну и молодец! — комиссар погладил парнишку по голове. Как тебя зовут?

- Васькой...

- Пряслов Василий Иванович. Мать имеет на своем содержании, - дополнил Павел.

- Хороший паренек! Делом занимаешься! Так и продолжай. Не робь! Возьму под свою опеку.

Комиссар вынул из кармана записную книжку и записал в нее имя, отчество и фамилию. А через несколько дней по приказу директора ученику котельщика была вынесена благодарность и повышение разряда по специальности.

Наступила бурная ночь. Авралом разгружали только что подошедшего шаланду с горячими еще листами железа из прокатного. Работали все котельщики рьяно, с уханьем и воем неизменной «дубинушки». Ермолаев подбежал к друзьям и проговорил комиссару:

- Идите-ка, поспите. Я за все буду перед тобой ответчиком.

Друзья согласились и ушли.

А утром, с первым гудком, садясь за свой стол, комиссар снял трубку с дребезжащего телефона:

- Слушаю... Да-да, я. Что там натворили в котельном? Обокрали инструментальный цех! Да что ты!.. Такого при мне не было. Проверю и сообщу, Николай Дмитриевич...

Дверь железной кибитки, в которой была резиденция комиссара, бесшумно открылась, и на пороге встал растрепанный, грязный Павел Ермолаев.

- А ну, садись. Чего стоишь? Ишь, как устал. Поешь вот - и выложил на стол хлеб, кусок жареной рыбы.

Павел подошел и сел на деревянную скамью.

- Что случилось?

- Беда. Вызывают в милицию. Самолично обокрал инструментальную кладовую.

- Это только полбеды. А как котел?

- Подкатили к воротам паровозного.

- Вот за это молодец! Но ты ешь и рассказывай, как дело было. Ешь, говорю!

Павел стал вяло жевать хлеб, не дотрагиваясь до рыбы.

- Ешь рыбу! — крикнул Гаугель. — Я бы тебе налил с устатку, но боюсь, опьянеешь, еще больше набедокусишь.

- А я и не употребляю.

- Вон что — о ! Ах, ты святой Павел — великомученик! Ну, валяй, выкладывай, что у тебя там в душе.

- Как только вы ушли из цеха, мы принялись еще азартнее за работу, - начал Ермолаев. — Уж так-то взялись, кости у каждого слышно, как потрескивают. И вдруг этот дьявольский крик со всех сторон: «Развертки лопаются, как сахар! Сверла ломаются! Не хрустальные ли они!». Побежал искать — в кладовой ни одного человека нет. Инструмент, видимо, думали запасти, да забыли. Прибегаю в инструментальный, а там только сторожика дремлет.

- Разверток давай, сверл наших! — кричу

- Чаво-о? — гнусит.

- Сверл, разверток нам приготовленных, - говорю.

- Какие тебе сверлы? - вишь никого нет!

- Давай без разговору!

- А ты иди-ка, с цепи что ли сорвался...

- Ах ты, старая ведьма! Тут котел надо к утру, чтобы паровоз бронированный на фронт отправить, а она еще оскорбляет — «с цепи сорвался». — И я, чтобы долго с ней не вольничать, сшиб замок с кладовой, вошел. Знаю я свой инструмент, набираю, а она уже по телефону в милицию верещит: «Караул, грабят, замки сшибают, инструмент уволакивают».

Старой бы дуре в обморок упасть, так нет! Растопырила подол и меня с тяжелой ношей не пускает.

- Не пропушу-у! — визжит.

- Да отстань ты от меня лядащая, видишь государственной важности дело сполняю!

А ты поперек встаешь. Пихну вот ногой, и с копылков долой.

- Костями тут лягу, а не дам вольничать.

- Уйди, старая! — подналег я на нее всем собой с ношей, не выдержала, рухнула.

Перешагнул через нее и вышел.

Ну а следом за мной пришла в цех милиция.

- Та-ак... - протянул комиссар, - перегиб у тебя существенный получился.

Иди-ка, выпишь как следует. А потом за новый котел принимайся. Сделаем опережение и отдохнем. Люди наши на фронтах меньше отдыхают.

- А что мне будет? — спросил печально Павел.

- Ничего. Только ты так не поступай. Я сам пошугаю ответственных. Я заставлю их, чтобы они больше беспокоились.

Комиссар любовно проводил Павла Ермолаева за дверь и, вдохновленный этим событием, стал говорить по телефону с начальником милиции о закрытии дела Павла Ермолаева.

Котел в паровозном цехе ставили уже на раму. Комиссар подошел к месту работы. Настроение его повысилось. Он видел, с каким усердием каждый рабочий делает свое дело. Все знали, что они готовят паровоз для фронта. Он должен быть выпущен сегодня и самым лучшим из всех, что они выпустили из своих ворот.

Первый и самый лучший бронепоезд для славной Красной Армии! Это желание было выражено на стенах цеха, над самим, только еще местом паровоза, на лицах рабочих. На каждом углу, на верстаках, у крупных станков висели ярко-красные лозунги, боевые, задорные: «Даешь первый бронепоезд Красной Армии!». Это и повысило настроение комиссара. Теперь он видел налицо подготовку партийной и профсоюзной организации в деле помощи Родине в борьбе с врагом. Теперь он яснее и радостнее осознал и ощутил результат своего беспокойства, беготни и ругани с начальством, уговоров передовых людей, криков над маловерами, потрясением в воздухе кобурой с револьвером над «строптивыми», которым личное - превыше всего.

Только что прогудел гудок на работу. На месте, где должен быть собран первый бронепоезд, стояла скрепленная на полускатах рама. Кран медленно опускал на нее котел. Под выкрики людей котел плотно сел на свое место. Паровоз в начале облепили люди. Каждый взялся за свое дело. Кто ставил золотники, кто поршни, кто смазочные приборы, ведут сеть тонких медных труб и трубок, соединяя их с главным механизмом паровоза. Спереди котла, который уже на колесах, большое, как огромный глаз, отверстие, двое слесарей покрыли круглой крышкой. Крышку они надели на шарниры, крепко свернули болтами, приладили и закрыли. На крышке серебристо засверкал крупный барельеф Владимира Ильича Ленина.

Радость озарила лица присутствующих в цехе. Комиссар глубоко вздохнул и прошептал: «Хорошо!».

В этот момент Алексей Маркеев сидел на котле верхом и кричал:
- Эй, трубу давай!

Подъемный кран, позванивая цепью, опускал ее ниже к полу. Лежавшую трубу в стороне двое рабочих окрутили канатом, продели в него крюк, и труба поплыла вверх, остановилась над котлом, опустилась и легла плашмя на котле возле Маркеева. Он быстро ее перевязал и командовал, чтобы ее подняли на стояк. В момент так ловко Маркеев соединил в котле и фланце отверстия болтами, свернул проворно и сильно гайками. И котел стал с головой и прикрытым глазом. Спереди котел был похож на паровоз. Лишь только кургузый зад, как обдерганный хвост огромный птицы, оси-

ротело округлился, как будто пряча свою недоделанность, стыдясь своей наготы. Но кран проворно, с большим звоном, подвез к нему железную коробку — тендер. Его быстро свертывали болтами. Девушка - подавальщик заклепок, разбрызгивая искры от раскаленной добела заклепки, вставляла проворно их в отверстия, и клепальщики клепали.

Кургузый зад преобразился, влипла в него другая бригада, разукрасила зад котла вентилями разных размеров. Заблестели вмиг разные краники и краны — это арматура, через нее потечет энергия по жилам - трубкам и задвигает все части паровоза.

Так рождался первый бронепоезд.

Алексей Маркеев, получивший ордер от комиссара на новые ботинки и ползая по паровозу в жениных, без подметок, весело кричал:

- Ботинки получу тогда, когда провожу бронепоезд на фронт!

А паровоз уже пыхтел. Труба его дымилась. Расшуровывали топки. Одновременно паровоз одевали в стальные крепкие латы. Сейчас он сдвинется и пойдет в обкатку. Комиссар уже в кабине вместе с машинистом. Идут горячие поздравления рабочих с успехом. Товарищ Афонин Петр Иванович — старейший паровозник говорит напутственное слово:

- Я жалею, что стал стариком. Хочется, но нет сил, работать так, как работали. Но я так рад, что хочется плакать, не потому, что мне не весело, а потому что у меня сегодня большой праздник — выпуск первого бронепоезда. В добрый путь, победы над врагом, товарищи!

На бронепоезд повскакала группа грузчиков.

Гаугель прислушивался к ровному, спокойному ритму стуков бронепоезда. Машина работала безупречно. Проскользили неисчисляемое количество рабочих районов. Везде был почет и уважение: «Путь свободен». Бронепоезд, вгрызаясь в бесконечную даль. Гудел, скользя по светлым стальным рельсам, привлекая к себе внимание жителей деревень и сел области своею величавостью и красотой. Идет первый бронепоезд, созданный сормовичами. Дорогу ему — свободную дорогу! Машинист, испытанный вожак первых, только что выпущенных машин, лавируя у аппаратов, восхищался: «Хороша машина! Послушна».

Тогда Гаугель дал распоряжение: «Идти обратно, нагрузиться топливом и сдать бронепоезд командованию». Сердце его трепетало от радости. Этот день принес ему так много приятных минут, часов, которые он вместе с рабочими провел в цехах завода, помогая осуществить это замечательное сооружение.

К Сормову уже ехали спокойно. Постукивали стройным ритмом стыки рельс. Бронепоезд «Ленин» зычно оглашал окрестность. Его голос был не

только силен и приятен, он оглашал окрестность новыми призывными звуками. В бронепоезде было что-то музыкальное, милое, сотворенное от души работающих. В звуках его голоса пела душа всего рабочего района, любящего так сильно свою Родину. Сормовичи исстари любили хорошие свистки и умело их делали.

Вот он остановился и, взвизгивая паром, дал легкий гудок. Кто-то вдали крикнул:

- Получ-ка-а!..

Рабочие, что ехали исполнить нагрузку бронепоезда топливом, повскакали с тендера и бросились к конторе, в которой обосновался кассир с деньгами. Произошло смятение. Машинист и комиссар остались на поезде одни. Как погрузить поленицы дров, приготовленные на бронепоезд?!

Комиссар вылез из кабины машиниста на тендер и, махая револьвером в воздухе, кричал:

- Куда вы, черти, смотались! Стрелять буду! Обратно-о!..

Но никого уже из рабочих нельзя было вырвать из плотной очереди, слипшейся за получкой.

Гаугель спрыгнул с тендера бронепоезда. Посмотрел вокруг. Кругом серебристо сверкали рельсы железнодорожных путей. Было пустынно и тихо. Кое-где перескакивали через эти пути один, другой спешащие люди, намереваясь быстрее проскочить этот опасный путь. «Как и где взять людей, чтобы нагрузить бронепоезд топливом? Гаугель не видел, таких, и свирепел, потрясая в воздухе култышкой с револьвером.

Но вот идет к нему один чернобровый гражданин. Гаугель преградил ему путь:

- Куда направляетесь?

- В транспортный... По особо важному вопросу, - ответил прилично одетый рабочий.

- Никаких важных вопросов сегодня не должно быть, кроме бронепоезда, - ответил резко Гаугель.

- Об этом знает мое начальство, а я исполняю волю его.

Комиссар снизил тон.

- Вот что, уважаемый товарищ. Начальство иногда смотрит только со своей колокольни и видит в беде свой узкий и малый участок. Но следует смотреть дальше и шире. Та-ак... Как зовут тебя?

- Григорием.

- Вот и хорошо, Григорий. Будешь у меня временно бригадиром...

- Да позвольте, уважаемый... Мне же срочно надо быть в транспортном.

- Это ничего. Задержимся.

И комиссар, видя еще двоих, приближающихся, вынул из кобуры револьвер.

- Становись! — крикнул им, потрясая над головой пистолетом. Те остановились.

- Чего вы? Что вам нужно от нас, гражданин? — запротестовали все трое.

- Дрова будете грузить, дрова. Бронепоезд сию минуту уходит на фронт. Бить врага надо не мешкая, внезапно, чтобы тряпье от него летело во все стороны. Вот так: Григорий, ты будешь бригадиром. А я сейчас еще подберу людей. Получите благодарность, по два цибика махорки, аттестат о вашей доброжелательности. Давай, давай.

Один из первых пленных Каширов Григорий Васильевич, ушедший только что на пенсию, — технолог дизельного цеха, вспоминает:

- Когда он — тот человек в кожанке с револьвером в правой руке командовал мне «Стой!», я остановился. Мне показалось, что этот сухой, с густыми черными усами, в бесформенной смятой кожаной фуражке, просто свихнувшийся с ума. Я подумал: «Шутки плохи». Смотрю в его разъяренное лицо и размышляю: «Побегу, пожалуй, пустит пулю вдогонку. Но ведь и стоять тут не могу».

- Кто вы такой? — спрашиваю.

- А не все ли тебе равно, Григорий, кто я. Смотри, вот бронепоезд. Ему надо сейчас же идти на фронт, а без топлива он не сдвинется с места. Вот он — этот бронепоезд и заставляет меня применить к вам силу...

- Но я же подчиненный человек, меня будут разыскивать.

- Григорий, я о тебе позвоню, напишу благодарность и все такое.

Смотрю на бронепоезд. Машинист высунулся в окошке и тоже злой. Решаю: «Надо грузить дрова, а там что будет». В этот момент человек с пистолетом еще двоих пленил. Я и говорю всем пленным: «Товарищи, давайте начнем. Что для нас стоит перекидать поленницы дров? — час, полтора». Согласились. Одного послали на бронепоезд принимать, а мы стали подносить. Ходко дело пошло! Часа в два управились, отряхаемся.

И подошел к нам этот, в кожанке, уже без оружия. Подносит к каждому откупоренную пачку папирос. Закурили. А он, затаившись, проглотив жадно дым, засмеялся и как-то грузно выдавил из себя:

- Вот это чело-ве-ки-и! — и выдавив из глаз свою непрошенную слезу, вскочил на бронепоезд и мгновенно прыгнул с него с большой пачкой махорки, стал обделять нас по два цибика.

- А благодарность завтра смотрите в приказе директора. Теперь запишу вас, он держал карандаш в култышке, записывая имена, отчества и фами-

лии наши на пустой махорочной обложке и видно было, как тяжело ему это дело доставалось.

И действительно. На следующий день приказ директора пестрел нашими именами.

8

Гаугель, после того как Тихон Третьяков удовлетворил в срок котельный цех металлом, стал частым гостем в Прокатном. Его влекло к этому бойкому, мужественному бородачу не только само дело, связывающего комиссара с этим, так остро необходимым производством, на котором часто происходили аварии, долгие задержки в подаче металла, но и привлекал его внимание сам мастер, умеющий руководить этим делом в совершенстве и старающийся выводить цех из глубоких прорывов.

Иван Христианович размышлял: «Как ни упрям Третьяков в достижении того или иного им задуманного, все же ему необходима помощь сильного товарища». И такого ему предоставил комиссар — себя.

А в прокатном происходило все то же, что и в других цехах. Даже в большей мере, чем в иных. На мелкосортном стане катали усиленно шинное железо — заказы деревень. Точили и собирали артелями крупные партии зажигалок. Резали подходящее железо на лемех. Выполняли заказы — «шлыгу» отдельным лицам и все это тащили в пазухах на волю, опустошая свой кровный завод.

В это время тяжелой напряженности Родины, тяжело было не только Тихону Третьякову, но и самому комиссару. Гаугель считал счастьем встретить лучшего человека, и проглядев его своим суровым взглядом с головы до пяток, уже не расставался с таким до тех пор, как не поможет ему в чем-то. Но с такими людьми он стал встречаться чаще. Ему приходилось оставлять начатое и браться за новое, крайне необходимое. Таким образом, у него быстро создавался коллектив передовых людей завода.

Третьякову комиссар уделил самое острое и повседневное внимание.

Официально прокатный цех перешел на изготовление мелкосортного полосового железа, главным образом шинного.

Деревни ревмя ревели, что колеса телег без железных обручей, телеги перестают служить, и все, что городу нужно, не на чем возить.

И большими сверточками, официально на подводах и в вагонах, неофициально по-воровски — ночью на салазках везли в деревни, и казалось, не будет и конца заказам на шинное железо, как будто все хотят окутаться в эти железные ленты вместо брони.

Комиссар понимал, что честный мастер на производстве не только организатор дела, но и активный сотрудник милиции, сторож, охраняю-

щий продукты своего труда, главный ловец расхитителей государственной собственности.

Цех скрежетал обломанными зубьями шестерен. Зимой от худых, неистово парящих и свистящих труб обрастал ледяной корой. Стан за станом вставали в очередь на ремонт, генеральный или, как говорили рабочие, в бессрочный отпуск. Тут и там в уголках, темных и нерадостных, вспыхивали крики:

- Тихона позвать надо! — Ти-хо-на-а! — и неслись из одного к другому призывные крики, режа на части безмолвье цеха.

- Тихон Григорь-ич!

- Что у вас опять стряслось? — подбегая, спрашивает он.

- Подшипники расплавил...

И опять рысцой к стану. Ходит около него, потрясывая густой бородой. Лазит, щупает, обнюхивает каждую деталь, ищет больное место в огромном стальном детище.

Комиссар стал видеть мастера при его деле чаще. И удивляется, что Тихон Григорьевич не выходит из себя: не выругается, не схватится, в приступе безнадежности, за свою седую голову, не «заахает», а немедленно сам берется за дело, вооружая и других. При подобных случаях Гаугель не раз говорил про Тихона Третьякова: «Этот не только прекрасный мастер на производстве, но и полководец в любом деле».

А Тихон размышляет:

- Новые надо подшипники-то заказать в меднолитейный — с год не дожدهшься. Может, сами отольем?..

Смотрят на мастера удивленно рабочие. Чего, мол, это он придумал... В прокатном цехе и вдруг подшипники отливать. Но, пораздумав, что при желании и умении можно и в подтопке это сделать, соглашались.

И на другой день Тихон Григорьевич план приводил в действие. Он разыскивал кирпич, строил печку, подводил к ней трубку для нефти, ставил форсунку. И когда расщуровали печь, собственными руками, хотя и не литейщик по профессии, отлил подшипники.

«Упорство, непреодолимое желание все побеждать, ни перед кем не гнуться, но вместе с тем не грубить — поставили его в передовую шеренгу мастеров завода. Не только умение, но и железная воля сделали Тихона Григорьевича тем, чем есть», - говорит о нем Гаугель, ставя в пример другим.

Всякий раз, придя из прокатного, Иван Христианович рассказывал о Третьякове своему другу Ивану Ильичу Волкову.

- Был жуткий день. Все так же скрипело, екало, клокотало в прокатном. Взивались алыми лентами полосы шинного железа. Змеились в клещах подавальщиков. Стыли в сланях. Визжал, перебрасывая искры веером,

дисковый нож. Росли на моих глазах обрезки от листового железа в высокие, несуразные кучи... И вдруг визг... Не тот, что из-под дискового ножа, а пронзительнее... страшнее, большее...

- Эй! Эй! — Попал под горячий лист ногами человек!

- Вытас-кивай!

- Тяни-и!..

- Подсунь что-нибудь.

Толпились... махали руками... укрывали глаза... зажимали уши... грудились плотнее... Но бессильные, потерявшие самообладание, не знали, что делать, как помочь...

Вбежал Тихон Третьяков и, растолкав глазающих, спокойно, без лишних движений, сделал небывалое, не по его профессии дело. Из-под груды обрезков придавленный рабочий смотрел на Тихона Григорьевича с верой в его умение. Понимая затухающим сознанием, что пришел спаситель, который сумеет сделать больше и лучше один.

9

В кузнечном, при заведывании отделом горячей обработки Котова, этого красавца по внешности и дикаря по внутреннему содержанию, работали небывалый брак.

Вагонные оси в четырех местах завода лежали огромными штабелями... На сотни тысяч рублей труда и материала загублено, и некому было бросить на это хозяйственный взгляд, некому было ужаснуться. А оси все ковали и ковали. Потом откованные браковали и складывали, как дрова, где только находилась свободная площадь.

Третьяков узнал об этих осях. Ужас его объял, когда он увидел, что гибнет сталь, которой так мало... При первой встрече с Гаугелем, Тихон Григорьевич рассказывал ему об этом. Негодую на такое безобразие, комиссар и мастер долго размышляли о том, как бы эту осевую эпидемию прекратить, а сталь употребить на другое, более необходимое дело.

Как старейший производственник завода, неутомимый рационализатор, Тихон Третьяков посоветовал комиссару: «Предложить директору завода перекатать бракованные оси на бурильный инструмент для «Азнефти».

Гаугель стал шефом этого предложения. Неоднократно говорил с Котовым, который всеми способами старался затормозить — не дать бракованные оси в переделку, ссылаясь на то, что он сумеет сдать оси заказчику. Тогда комиссар поставил об этом в известность партийные и профсоюзные организации, довел это безобразное дело до Центроброни и, наконец, после долгих мытарств, бракованные оси перешли в распоряжение Тихона Григорьевича Третьякова, который и перекатал их на бурильные штанги.

Довольный, жизнерадостный старик, после такой общей с комиссаром победы над Котовым, рассказал ему о карьере этого «красавца»:

- Котов в молодости работал слесарем в паровозном. Ничем не был знаменателен: ни образованием, ни знанием своей профессии. Одна лишь красивая рожа его, сначала привлекала к себе, а как только столкнешься с ним в деле, мгновенно отталкивала от себя. И вот эту рожу свою он сумел не дешево продать!..

У главного инженера завода Аппак была дочь некрасивой наружности. Она уже собиралась стать старой девой. И вдруг такой красавчик явился с предложением! И Котов стал влиятельным инженером, получившим богатое приданное и плюс липовый диплом об окончании высшего учебного заведения. Так в старое время ловкачи, подобные Котову, добывали себе состояние, пробивались к управлению заводом.

Гаугель не упускал из вида и другое ценное в жизни и в характере Тихона Третьякова и всякий раз при разговоре с работающими завода, упоминал о нем.

- Другие и надумают что-нибудь полезное, но не спешат с проведением, работа, мол, не волк, в лес не убежит. Но у Тихона Григорьевича мысль тут же толкает к действию...

Помню я, как мы — рабкоры громили в газетах забракованные оси, всех, кто только попадет... Потом вскоре оси пропали. Мы думали, что их куда-то увезли. Что заметки наши попали в цель. Но мне стало ясно только тогда, когда началась восстановительная жизнь. Гаугель стал начальником одного из цехов завода, я заведовал заводской типографией. Наши цехи были рядом. Мы сдружились. Много разговаривали о прошлом. Я коротко записывал рассказы Ивана Христиановича Гаугеля.

- Казалось бы, что Тихон Григорьевич маленькая спица в колеснице, - говорил комиссар. — Ну что для «Красного Сормова» мастера? — Так себе.

Стране остро требовались суда. Судоверфь уже заканчивала одевать буксирные пароходы и баржи стальной броней. Победно заканчивались все военные фронты. Начинался новый фронт — хозяйственный, самый трудный, где кроме героизма надо не только силу, но и техническую учебу, сообразительность немалую к труду.

Стали снимать с некоторых пароходов и баржей бронь. От толков и пересудов подошли к делу — заложили новые суда. Но кто-то в заводе умело поворачивал колесо налаживающегося строительства под гору.

- Трах-трах! — и начинай снова.

Вот тут-то Тихон Григорьевич Третьяков и встал маленьким клинышком между спиц колеса, скатывающегося под гору, и затормозил надолго предстоящий «трах-трах».

Маленькое это дело. Он, Тихон Григорьевич, даже и забыл про него. И говорить о нем стеснялся. А я, как комиссар, ему напомнил.

Нужно было позарез листовое железо. А оно каталось в прокатном цехе завода «Красное Сормово». Взять его в то время было негде. Единственный листовой стан «Тома» только что «авторитетная» комиссия из инженеров забраковала, признав изношенным на 85 процентов.

Что же делать? А вредители знали, что делать. Они наложили лапу на стан — и стоп.

Но Тихон Третьяков не растерялся. Правда, он прибежал ко мне с воспаленными глазами, видимо, плохо спал. Сел около меня, и смотря мне в лицо, тихо проговорил:

- Вывели из строя стан...

- Что же делать? — спросил я его.

- Доказать, что комиссия, забраковавшая стан, врет.

- А как это сделать?

- Хлопочи, чтобы стан дали мне отремонтировать.

- А ручаешься?

- Голову свою кладу на отсечение. Пойдет! И листы у нас будут! — воскликнул Третьяков.

Я принял меры. Ответ пришел быстро. Ремонт стана поручен Тихону Третьякову.

Завертелись дни колесом. Запорхали молотки в руках, как воробьи по цеху. А Тихон Григорьевич, встречая меня своим румяным, улыбающимся лицом, жалуется:

- День стал короток. Не успеешь обернуться — гудок. А работа стоит недоделанная...

Дальше он не договаривает. Рассказывают за него уже сами рабочие:

- Смена кончилась, и айда домой с веселой рожей, как многие. Но Тихон уйдет, пообедает и, опять около стана!

- Что ты, старый хрыч, трехжильный что ли, или тебя в особенной квашне заквашивали на двадцатиградусных дрожжах?!

Да так по три смены подряд! Вот так! Дал человек обещание — им только и живет. А ведь говорят про Тихона, что он был в молодости членом церковного совета, свою хоругвь имел, кафтан голубой с «позументами» - в нем и в крестных ходах участвовал. «Но прошлое-то все затушевывается настоящими прекрасными делами его», - защищая и, восхищаясь Третьяковым, добавлял к характеристикам о мастере, комиссар.

Покуда Тихон Григорьевич стан «Тома» ремонтировал, весь заказ на прокатку листового железа передали на сторону. Не верили, что стан пойдет и удовлетворит прокатом Судоверфь

Но победа все же была за Тихоном Третьяковым. Он стан доделал и пустил его.

Однако дело опять затормозили. Инженеры технически доказывали, что стан нельзя загружать... Да притом же и не к чему, когда вот-вот подвезут листы со стороны.

И для смеху так (со злостью, с ехидными улыбками) разрешили загрузить стан «Тома» на двести пятьдесят тонн.

Тихон Третьяков не утерпел и выругался.

- Как это так, на одну шестую часть его мощности?!

Взмыла старика обида горькая. Видел он, что инженеры смеются, как будто бы над станом, а на самом деле над ним — Тихоном Григорьевичем.

- Эх, вы!.. горе-инженеры...,- выругался сердито.

Взял, да и ссамовольничал — загрузил стан до шестисот тонн.

Везет... пыхтит... побрякивает звонко валами. Не дрейфит! Выплывает широкие, красные блины — листы. Шалишь, старичок, шалишь! Мы тебя еще подкрепим, подмажем, а потом надбавим нагрузочку...

И так, с каждым днем нянчась со станом, довел Третьяков мощность его до тысячи пятисот тонн.

10

Гаугель любил своего героя. И, рассказывая о нем, казалось, хотел вбить в слушателей его качества: честность, преданность делу, упорство, упрямость в достижении надуманного, его свежесть и молодечество.

Он знал каждого рационализатора. Гордился его мыслью, поощряя, подталкивая повторять подобное, множить, не успокаиваясь на одном. И, как всегда, приводил в пример вот этот маленький рассказ:

- Во всех цехах и сейчас еще рабочему, чтобы провести в жизнь свое предложение, требуется упорство и даже, как говорят рабочие — «нахальство». Надо бить и бить в одну точку, чтобы пробить бронированные лбы, которых еще много на заводе.

Так рассуждают многие. И, несмотря на такие вредные рассуждения, цеховые организации очень мало сделали по борьбе с зажимами предложений. Во многих цехах даже мастера играют роли зажимщиков.

Иное дело в прокатном цехе. Тихон Третьяков сам наталкивает рабочих на подачу предложения. Был один интересный случай на производственном совещании. Третьяков указал на недостаток в работе машины одному из работающих на ней. И сказал, что и как нужно делать, что исправить. Но у рабочего не вышло. Тогда взялся Третьяков сам. Машина стала работать без дефекта.

Было ясно, что предложение это Тихона Григорьевича, но он из-за скромности и потому, что не все ли равно для него, кто будет автором предложения, от авторства отказался. Смысл не в этом, а в скорейшем проведении предложения в жизнь.

А вот и другой, не менее яркий рассказ комиссара, который он ставил в пример лентяям, боящимся за себя:

- Прокатный цех уже не похож на старую «вальцовку», в нем стали плотно притворяться ворота и двери, укрылись от ветров и метелей. Но все те же печи и такой же огонь лижет чугунные крышки. Белые квадратные болванки мелькают и с выстрелами проскальзывают в вальцы.

Зима. Морозы стоят непереносимые, лишь только у печей благодать. Отойдешь — коченеешь.

Так бы и стоять у огня, но закован кран, на ремонт его ни много, ни мало — три дня.

- И в такой-то холодище — хлоп листопрокатный вал! Встали! — рассказывает мне старый производственник Плесков Михаил Евстифеевич, такой же седой, как и Тихон Григорьевич, но только поменьше ростом и, кажется, постарее.

- Ну что делать... вал лопнул, значит, ложись и отдыхай. Вал сменить - не нитку в иголку вздеть. Сели и сидим. Идет как раз Тихон.

- Что сидите?

- Да вот что — смотри!

- Ахнул с горя и кого-то обругал. У него ругань — редко. Да ведь когда за дело, так и обижаться не след.

- Так что делать-то? — тоже кричим.

- Вал менять надо, вот что!

- А как ты его возьмешь, чем? Ведь кран-то поломался.

- Без крана возьмем! ... — и махнул рукой.

Тут многие запротестовали:

- Не пойдем в такой мороз! На низу тридцать градусов, а попробуй-ка влезть на кран — обморозишься.

Тогда Тихон встал между нас, улыбнулся да и говорит:

- Ну ладно, я полезу на кран один. А кто, ежели не трус, айда за мной, - и пошел.

- А вы? — не утерпев, спросил я.

- Да и мы пошли. Как не пойдешь, когда дело говорит ... Даже как-то совестно стало. Часа три проканителелись, кран отремонтировали, вал из стана вынули, но чем его заменишь, раз в запасе их нет!

Прокатный цех в это время переживал огромный недостаток в валах. Отливал их наш — чугунолитейный. Отлитые валы шли снова на перелив-

ку, как брак. Потели над отливкой литейщики и сам заведующий цехом инженер Каждан, но толку от этого было мало. Отдавали заказ на Лутохинский завод, но разве сумеет этот завод выполнить в срок заказ, когда он один на весь Советский Союз! ... Ждали прибытия валов по году ... А в это время вал за валом выходили из строя. Временами наступали жуткие дни.. Вот-вот останется цех с одними челюстями станов.

В такие дни Тихон Григорьевич не ходил по цеху, а бегал... Промелькнет и скроется... Куда унесли его быстрые ноги? А он спокойно лазит по «кладбищу».

«Кладбище» - это в шутку, склад испорченных валов... Большие штабелю ржавели от дождя, по железнодорожной линии от ковочного цеха вплоть до конторы железнодорожного.

Щупал Тихон Григорьевич, пристально вглядываясь в каждый вал. Знал он всех, не только по прозвищу, но и по качеству. Ведь не зря же проработал сорок четыре года в прокатном. «Каждый винтик, - говорят рабочие, - знает в цехе Тихон».

Забракованные валы отбирал, делая на них пометки мелом. Грузили их по указанию Тихона Григорьевича на платформу и привозили к станам. И станы клокотали без остановки, перекликаясь выстрелами.

И спокойно становилось, не висела над цехом тяжесть, не давила внутри каждого боязнь за остановку, и не ползли трусливые мысли о ликвидации столь нужного цеха. И радостные надежды окрыляли, что будут листы, будут и суда. А суда будут — все привезут.

- Вот что может сделать один человек! — радостно восклицал комиссар, заканчивая рассказ. Вот и надо, как можно больше растить таких, как Тихон Григорьевич Третьяков.

Гаугель и спустя десять лет, когда сам стал руководить производственным цехом, больше приводил примеров из практики своих героев, учась сам и поучая других.

- Как вы, уважаемые, работаете? — спустя рукава, с зажмуренными глазами. Да вы засучите их по локти, а «гляделки» шире растопырьте, чтобы сделать хорошо, и чтобы это «хорошо» навечно запечатлелось в своей памяти, - журил Христианович проштрафившихся.

- Сходите в прокатный к Тихону Григорьевичу, поучитесь у него, - и, становясь мягче, вспоминал и приводил пример:

- Сорвало с болтов томасовскую станину, пришел в цех инженер, составил смету на ремонт, исходя из двух месяцев. И Тихон от обиды, что инженер раз в пять увеличил время, только ахнул и руками всплеснул ...

Ну, поспорили они. Тихон взялся за ремонт сам, да и сделал вместо двух месяцев за неделю.

- Вот так и надо работать! — и уж переходя на ласковый тон, улыбаясь, повторял:

- А я вас обязательно на выучку пошлю денька на два к Тихону Третьякову.

В числе опекаемых рабочих, которых поучал Гаугель, находился Журавлев Павел Игнатьевич, работавший ранее в прокатном, он рассказал такой случай:

- По очистке канав под станами всегда я занимался, а тут на грех Тихон Григорьевич в Харьков уехал. Окалина и мусор все канавы доверху наполнили. Чистка их позарез необходима, но без Тихона Григорьевича ни один мастер не знал, как к ним приступить и сколько за работу уплатить. Так и ждали приезда, а приехал — живо распорядился.

Этот разговор происходил летом 1931 года, в курилке, на трех сбитых вместе деревянных скамейках, представляющих из себя букву «П», в середине которой стояла врытая в землю кадка, заполненная водой, для окурков. В жаркое время Ивана Христиановича можно было видеть тут очень часто. Он уже прихварывал, жалуясь на свой плохой желудок, покашливал, но часто курил. Куренье его было какое-то азартное. Не докурив одну папиросу, он раскуривал вторую. И так у него продолжалось до тех пор, как позовут его в контору. А я, как сосед ему — тоже курящий, сидел около него поговорить, посоветоваться с ним, услышать от него и записать его рассказы о наших героях, в особенности о Тихоне Третьякове, которого Гаугель представлял, как нового святого. Я же нередко возражал ему, что у этого героя прошлое мне не нравится. Да и то, что рассказал товарищ Журавлев об очистке канав, - вовсе не является положительным явлением в практике Тихона Третьякова. Выходит, что он, такое простое дело, как очистку канав, не доверял другим мастерам. А я знал, что Тихон Григорьевич был самолюбив, недоверчив, что я не считал положительным в герое.

Этот день и разговор с Гаугелем потому мне памятен: меня срочно вызвали по телефону в завком. Мне вручили вызов в издательство «Профиздат». Я обязан собраться и ехать в Москву. Это меня обрадовало и вместе с тем озадачило. Кому я там понадобился? Что за сюрприз? Правда, меня там знали по книжечке «Сормовский сентябрь», изданной «Профиздатом» в 1930 году, которую я писал с двумя писателями-москвичами. О книжке был хороший отзыв в «Правде».

И вот я в Москве, у директора «Профиздата», он очень любезен. Мы познакомились с ним еще перед тем, как подписать договор на «Сормовский сентябрь». Он тогда взял меня под руку и ввел в зал, где происходило собрание начинающих писателей, на котором выступал Федор Васильевич Гладков.

Для меня это было большим удовольствием. А во второй раз? Да, меня смутило предложение директора и поставило в тупик: «Написать книжечку о Тихоне Григорьевиче Третьякове».

- Я не могу, - ответил я.

- Почему? — спросил директор.

- А потому, что в старое время Тихон Григорьевич Третьяков был членом церковного совета, имел свою хоругвь, голубой кафтан, обшитый «позументами», в нем, с этой своею иконой и участвовал во всех крестных ходах с попами церкви.

Директор, мило улыбаясь, развернул передо мной номер «Правды», в котором было опубликовано постановление ЦК партии о присвоении ряду лиц Героя Труда. Среди многих портретов красовался и наш бородач Тихон Григорьевич Третьяков.

- И что ж? — спросил директор. — Может быть, сходим в ЦК партии и сообщим ему об этом?

И опять в эти минуты я вспомнил слова Ивана Христиановича Гаугеля, который выслушивая от меня «неположительное» о Третьякове, повторял мне: «Все то прошлое его — бледнеет перед настоящим героя». Нам нужны такие как хлеб, сахар, соль».

В момент нашей беседы вошел в кабинет директора «Профиздата» писатель Федор Каманин. Он был в Сормове. Мы сдружились с ним. Он около месяца гостил у меня, а за это время я его познакомил с Тихоном Григорьевичем Третьяковым, о котором он и написал рукопись.

Эту рукопись директор при Каманине передал мне на рецензию. Я сразу почувствовал, что все приятное между мной и Каманиным пропадет, как дым. Так оно и получилось. Рукопись не показывала героя.

А я все упрямылся, гулял по Москве пять дней. За это время подыскали писателя. Я ему посоветовал, как встретиться с Третьяковым, как посадить его между двух стенографисток, а он, как человек словоохотливый, расскажет о себе.

Я ехал домой и в вагоне признал свою ошибку: Гаугель и директор «Профиздата» были правы. Прошлое героя было так бледно в сравнении с его настоящим.

А как я приехал домой, мне сообщили, что меня вызывают в горьковское отделение Союза писателей, которое и поручило мне написать очерк о Тихоне Григорьевиче Третьякове.

Книжечка эта была маленькая. В ней всего шестнадцать страниц. Она вышла в 1931 году. На обложке ее:

Героям пятилетки.

Тихон Григорьевич Третьяков

Мастер прокатного цеха Завода «Красное Сормово»

Награжден Правительством Союза ССР Орденом Трудового Красного Знамени.

11

От удачной сдачи бронепоезда Иван Христианович размечтался. Обстановка, в которой он находился, как раз располагала к этому или же к дремоте. Он был в пустом классном вагоне поезда, отправляющегося из Канавино в Сормово ровно через полтора часа. Он сел к окну и окинул взглядом незатейливый пейзаж, остановил взор на прошедшей молодой женщине, похожей на Анну Алексеевну Лебедеву. Сердце впервые дрогнуло от налетевшей вмиг радости. Но тут же понял, что ошибся. Однако Анна встала перед ним, как живая, улыбаясь милой застенчивой улыбкой.

- Ну, что ты стоишь и улыбаешься? Шла бы ко мне... Я одинок, безгрешен... Ох, как одинок, если бы ты знала...

Но грубо выругал себя и разогнал свою плаксивость.

- Какой черт навеял на меня эту слюнявость? Одинок! Тысячи людей вокруг меня. Растет и множится великая пролетарская рать, начинающая свершать чудеса, а я вдруг захныкал! Жениться захотел, так иди и сватайся. Благо она человек общественный, партийный. За предложение не осудит: люб — скажет, согласна. Нет, так отвернет физиономию в сторону. «Иди, иди» - кто-то другой в нем, как будто, подталкивает его, а следующий в нем же упирается: «А как пойдешь, если это впервые, если ни разу в жизни на протяжении тридцати пяти лет не случилось произнести слов ласки к женщине. Я легче произнес бы ей тысячи крепких, просоленных морской водой слов».

Но как приятна мечта о той, которая крепко засела в сердце. Гаугель не заметил, как ушли в вечность полтора часа стоянки на одном месте. Поезд мчит к Сормову. Вот он сейчас с него и направится в свою комнату в Проездном переулке, ляжет на свою койку — одинокую и холодную... «Холодная крепче даст возможность заснуть», - прошептал комиссар, сходя с подножки вагона. Но шел он не по направлению к той улице, а опять на завод.

Был уже поздний вечер, ясный и теплый, всюду мелькали молодые парочки. Они точно дразнили комиссара. Ему кажется, что и он под руку с Анкой идет в цех к Ивану Ильичу. Он удивит его! «Анка — моя жена, мой друг и душевный товарищ. Мы теперь вместе будем строить Социализм. Великое и прекрасное это дело!»

Под правой рукой его так много скопилось тепла. Как будто на самом деле он крепко прижимал холодноватый локоть руки Анки.

Он вошел в свою «резиденцию». В ней сидел Иван Ильич, пишущий свой рабочий «дневник-вечерник», в котором проставлял рабочие часы над

каждой фамилией работающего, а также записывал и все случаи, произошедшие на производстве.

Комиссар присел на скамью, прислонив голову к железной стене, и закрыл глаза.

- Устал? — не отрываясь от записей, спросил мастер.

- Нет. Думы одолели.

- Отдохнуть тебе надо.

- Вот и думаю о том. Пойдем сейчас вместе, зайдем ко мне, а потом я тебя на машине к твоей квартире доставлю. У нас с тобой такая большая радость! Первый бронепоезд сдали на отлично. Этот день следует отметить, чтобы памятен был на всю нашу жизнь.

- Где ты машину возьмешь? Не забыл — я живу в Копосове — путь дальний, а я тоже устал, — проговорил Волков, свертывая свой крупный дневник-вечерник и пряча в боковой карман промасленного пиджака.

- А о машине мне сам секретарь Райкома напомнил: звони, говорит, в любое время в гараж, там, мол, мое имя записано. Машинешка, правда, старенькая, не русская, от какого то частника отобранная, но ничего — прокатимся. Для себя я ни разу не попросил, а для тебя с корнями выдеру.

Иван Ильич и бровью не повел. Он поднялся со стула, снял с крючка свою длиннокозырчатую кепку, накинул ее на лысеющую голову и хрипло сказал:

- Идем, кстати, надо рассказать тебе об одном человеке, который назначен возглавлять вооружение и бронирование баржи «Сережа».

Они вышли из цеха, и комиссар взял мастера под руку. Иван Ильич стал рассказывать...

- Этот, что будет возглавлять вооружение «Сережи» «святой человек». Ты подожди. Не возражай. Он христианин, член церковного совета, но я и помышлять не могу, чтобы он был против Советской власти. Честнейший человек, притом он неграмотный, с большим трудом пишет свою фамилию. Зато, как знает машины, какой мастер всех механизмов — чудо, а не человек! Ты к нему будь внимателен, не ори на него, а только наблюдай. Он поставит дело так, что нам с тобой придется пальчики облизывать. Зовут его Глебом Яковлевичем Кокушкиным.

- Постой, постой, — прервал Волкова Гаугель. — Он же старик, высокий такой, сгорбленный.

- Ну и пусть старик, а огонек в нем еще не угас. Завтра я тебя с ним познакомлю на барже. Ее уже привезли в затон. Эта здоровенная нобелевская железная баржа. Народ на нее прислали, вот увидишь, как дело пойдет. Ее на Волгу — под Царицын будем готовить.

- Знаю, знаю...

- Все ты знаешь, но только на горшок не просишься ...

Комиссар ввел мастера по крутой лестнице на второй этаж. Им открыла дверь седая старушка и молча прошла в другую комнату. Они оказались в маленькой комнатке. Ни стука и ни шороха. Полная тишина. Пахло чем-то нежилым. Кругом чисто. Разделись. Повесили одежду в уголок за дверью под белую занавесь. Прошли в прихожую к умывальнику, быстро умылись и вытерлись одним чистым полотенцем.

Хозяин стал накрывать на стол. Иван Ильич молча оглядывал жилье комиссара.

Над односпальной кроватью, безупречно опрятной, с одной подушкой, по стене протянут большой ковер с рисунком «Охотник стреляет на лету в утку, собака - рыжий сеттер - страстно следит за дичью». Но весь этот рисунок на ковре скраден висящим на нем оружием. Два охотничьих ружья, старинный пистолет, подсумки, патроны, ниже две набитые птицы, не то курочки, не то петушки.

«Безвкусица», - подумал Иван Ильич. На противоположной стене, оклеенной серебристыми обоями, большой портрет Владимира Ильича Ленина. Вся комната была похожа на номер гостиницы для одного временного постояльца.

Иван Христианович в эти несколько минут обозрения другом его жилья, заставил стол незатейливой посудой с нарезанной сухой колбасой, сеledками копчеными, черствым хлебом, двумя бутылками буро-красной, мутноватой настойки. Поставил два граненых стакана, две вилки, два ножа, судок с горчицей, перечницей, солоницей, и только последняя была полной.

- Любую горчицу и перец, но нигде нет, - проворчал хозяин. - Не обесудь. Будем довольны и тем, что нам на сей час досталось. Подвигайся ближе к столу. У нас с тобой праздник. Не осуди, Владимир Ильич.

- Он не осудит, - ответил Волков, подвигая свой стул, смотря любовно на портрет вождя.

Было заметно, что друзья не только любят работать, но и во-время выпить. Они, улыбаясь, звонко чокнулись.

- Не робей, пей по всей. Вишневая настойка на чистом спирте, - сказал хозяин.

Осушив стакан, гость крякнул и прослезился:

- Ого! Ты, видать, мастер по виноделию.

Нарезая колбасу скупыми ломтиками, что ему плохо удавалось, потому что нож оказался тупым, хозяин предложил:

- А ты возьми в руки любую, облупи и ешь. Некого нам с тобой стесняться. — И Гаугель сам показал пример.

Оба почувствовали аппетит. Колбаса была приятной, но сильно пахла чесноком. Несколько минут они ели жадно. Им казалось, что они на отдыхе, лежат на густой душистой траве.

- Хорошо! — проговорил Иван Ильич. — Но жизнь твоя одинокая мне не нравится. Все у тебя не так, как было бы при бабе, и уютнее, и теплее, и красивее. Развесил на ковре свои доспехи, а картину ими загородил!... Вот Дон Кихот — настоящий без прикраски!

- Да что я не видел их, что ли? Вот заведу собаку и пойду на охоту... Сколько там неподражаемых картин!

- Нет, ты заведи сначала жену, а то смахиваешь на скопца. Правда, у тех нет на рыле растительности, а ты же красивый мужчина. Да за тебя любая девка под венец пойдет.

- В цель попал! О том же и я думаю, но как к этому приступить — не знаю.

- А есть ли хоть у тебя на примете? — спросил Волков, вытирая лицо платком.

- Есть. Давай еще по стаканчику, а потом познакомлю тебя с ней.

Выпили еще. Лица разрумянились. Стало в комнате душно. Хозяин раскрыл единственное окно настежь. Ворвался «свежий» пахнувший сырým переулком воздух.

Иван Ильич насторожился. Он подумал, что его невеста где-то тут рядом — за стенкой, а может, и в том гардеробе, стоящем в переднем углу, откуда хозяин вынимал водку и продукты.

Когда Гаугель рассказал Волкову, что питает глубокое уважение к той женщине, которая возглавляла облавы на расхитителей заводского добра и на беспорядки в столовых — к Анне Алексеевне Лебедевой, - Волков от удивления ахнул, а потом застыл на минуту, смотря на друга мокрыми от удивления глазами.

- Ты что удивляешься? — сердито спросил комиссар.

- Да как не удивляться? Ведь та бабенка - родная сестра моему знакомому — Николаю Алексеевичу Лебедеву, хорошему токарю, страстному охотнику. Вот, думаю, магнит куда тянет! Будете два сапога — пара. Я тебя с ним в два счета сведу. А уж с Анкой? Ты как сам сможешь. Твое дело. Не сумеешь — давай посватаю.

Они выпили по заключительной. Комиссар вышел в прихожую, где у него висел на стене телефон. Войдя в комнату, Гаугель увидел Ивана Ильича спящим, положивши голову на стол.

Посмотрел на друга хозяин, ухмыльнулся в усы, и прошептал:

- Пусть отдохнет до гудка машины, - и стал тихо убирать со стола, бесшумно ступая на скрипучие половицы.

Машина оглушительно рывкнула, и ворвавшиеся в окно звуки, мгновенно подняли на ноги Волкова.

- Где? Чего? — испуганно спросил он, смотря удивленно на друга.

- Крепко ты устал, друг! Машина подошла. Подкину тебя до бабушки, и спи завтра целый день. А Михаилу Ивановичу Телогрееву поручу поработать за тебя.

- Нет. Хватит мне времени шести часов.

Будильник на гардеробе показывал двенадцать ночи.

Как только приходил на завод Гаугель, так и забывал свое - личное. Лихорадило завод каждый день, то не было каменного угля, нефти, и топки цехов замирали; то вдруг прекращали работу мартеновские печи из-за шихты. «Нет шихты! — где-то в пути». Надо было энергичнее действовать, и Гаугель кидался всюду, чтобы завод жил и работал без простоя.

Он вошел в свою «резиденцию» до гудка, а телефон на столе уже дребезжал, вздрагивая, как от боли. Ему сообщили, что нет угля. Осталась только патья — пыль угольная. Топки гаснут. Завод не может существовать на патье. Но комиссару теперь первому сообщают о всех неполадках. Звонит в отдел снабжения.

- Где уголь? — спрашивает он грозно.

- Нет угля! — отвечают в трубке телефона.

- Как нет? Почему нет? Отвечай! — кричит комиссар.

- Завод без угля. Всю норму сожгли. Патью мочим и жжем, - отвечает снабженец.

- Давай немедленно настоящего угля. Понял? Настоящего!

- Свяжитесь по телефону с Поляковым. Он уполномоченный от завода по топливу.

- Где такого взять? Где-э?..

- Найдите и познакомьтесь...,- и трубка умолкла.

- Что-о?! — Гаугель некоторое время держит ее около уха. Глаза становятся свирепыми. Он все еще ждет, что трубка заговорит. Тогда он крепко выпалит весь заряд из морских просоленных слов, от которых эта трубка разлетится вдребезги. Но трубка молчит. Гаугель положил ее на место — и отошел к окну.

- Поляков, Поляков... Кто этот Поляков? И где его резиденция? Надо звонить к Николаю, он найдет этого Полякова.

Николаем Гаугель называет директора завода — Данилова Николая Дмитриевича. Комиссар снова у телефона:

- О-о! Здравствуй, Николай! Уголь, уголь давай!.. Беда, говоришь, с топливом? Вот я тебе и брякнул: как быть? Договориться с Поляковым? А

где-такой? Откуда я его вытащить могу? Обещаешь прислать ко мне? Давай, давай быстрее его...

Гаугель отходит от телефона, удовлетворенно потирая руки. Он подготавливается к словесному бою с «хозяином топлива», которого во что бы то ни стало надо победить в предстоящем бою.

А пока разыскивают этого хозяина топлива Полякова, попробуем описать по памяти многих ту «клетушку», которую сам Гаугель назвал своей «резиденцией». Она достойна нашего внимания, в ней начинала зарождаться дружба комиссара с людьми. В ней крепла и закалялась любовь к Родине. В ней росла и мужала рабочая молодежь, перенимая производственные опыты от старших.

Этот «кабинет» представлял из себя железную коробку не более трех квадратных метров. Здесь был стол пятидесятилетней давности, на котором возвышался телефон «вертушка». Около стола деревянная скамья, вся изрезанная перочинными ножами, а ножки ее все в черных пятнах - ожогах. О ножки тушат, тыкая в них, докуренные папиросы и махорочные сигарки. В правом углу железный шкаф и несколько табуреток. Когда-то тут был какой-то склад, то ли будка сторожа.

Но Гаугель не побрезговал ее невзрачным видом. Как раз она отвечала всем его запросам: он мог свободно, сидя за столом, наблюдать за жизнью цеха, кто идет, кто стоит, что привезли, где сложили.

Эту свою «резиденцию» Гаугель кое-чем оживил и украсил. Ему ее побелили. На левой стороне он повесил крупный портрет Владимира Ильича Ленина. Взял из завкома несколько ярких плакатов и наклеил их ниже вождя партии. Один из плакатов в особенности привлекал к себе внимание. Это ярко-красный красноармеец. Он смотрит на входящего, указывая на него пальцем, спрашивая «Чем ты помог фронту?» - и в какую бы ты сторону не отходил от плаката — палец красноармейца направлен на тебя.

С тех пор, как поселился комиссар в этой конуре, стали тикать часы-ходики, с добавленной к гирьке гайкой. Стол покрыли красной материей, которую быстро испачкали маслом и нефтью. Но зато перестали жечь сигарками ножки скамейки и табуреток.

Комиссар мог бы занять любой кабинет цеха, но они вверху, где был такой покой и тишина, как в спальне архиерея, от которой у него щемило сердце, лезли в голову непрошенные мысли.

Из этой же клетушки он делал несколько шагов и был среди слесарей Ивана Ильича.

В резиденцию вошел ниже среднего роста молодой человек лет тридцати, с усиками, с острыми черными глазами. Маленькое смуглое личико уставилось на комиссара с улыбкой и чуть плутовато. Он был похож на цыганенка, но опрятно одетого.

- Мне надо видеть товарища Гаугеля, - звонко сказал он, держась за скобу двери.

Комиссар, не отрывая взгляда от бумаг в папке, которые перелистывал, спросил:

- А зачем он тебе этот Гаугель?

С молодыми он не церемонился и обращался на ты. Но это не было грубостью с его стороны, а когда молодежь платила ему тем же, Гаугель становился к ним более внимательным.

- Директор приказал разыскать вас и познакомиться.

- Меня разыскать? — и грозно окинув взглядом с ног до головы, спросил еще громче: Кто такой?

- Я Поляков, уполномоченный завода по топливу.

- А ... ты Поляков? Садись, это тебя надо искать днем с фонарем ...

Поляков не сел на указанную скамейку, но только на шаг приблизился к столу.

- Давай уголь! — все еще строго, но уже мягче произнес комиссар.

- Уголь будет завтра утром, товарищ комиссар.

- А мне сейчас давай!

- К сожалению, карманы мои малы, потому с собой и не ношу.

- Вон ты к-какой! — и на лице Гаугеля появилась улыбка. — Не до шуток, Поляков. Уголь нужен мне, как хлеб, как масло. Садись и думай, как добыть его сегодня.

- В заводе нет. Даже патью всю замочили и сожгли.

- А не врешь?..

- Нет, не научился. Срочно собираю платформы, шаланды, вагоны. Не желаете ли прокатиться со мной?

- А далеко?

- Станции Ильино, Мстера ...

- Еду. Но один вагон угля беру себе

- Этого разрешить, товарищ комиссар, не могу, это будет преступление с нашей стороны.

- А я и не послушаю, возьму и все! Преступление взять один вагон угля для фронта? Да я тебе сейчас же приказываю, забронировать один вагон угля для меня. Вот и все. Не выполнишь — посажу. Не погляжу, что ты уполномоченный.

Поляков шагнул ближе и присел на скамью.

- Такого поступка ни мне, ни вам, Иван Христианович не простят. В топливе нуждаются все фабрики и заводы края.

- Фабрики, фабрики... Это те, что мыло варят, гвозди делают, но умыть-ся и постирать нечем. Да и гвоздь, если на пути поднимешь — считай за счастье. Пусть дрова находят те фабрики. Фронт прежде всего!

- А фронту разве мыло не требуется? — чуть с ехидцей спросил Поляков.

- В этом ты прав, Поляков. Мыло солдату необходимо, но дровами его вари!

- Тогда надо конструкции топок и котлов изменять — опять лишнее время, лишние расходы, уважаемый товарищ.

- Да ты меня, Поляков, не уговаривай. Приказ я для тебя напишу, как приеду с углем, и послежу, если только не будет забронирован уголь для фронта — в первую очередь арестую тебя, Поляков. Еду с тобой. Сигналь мне, как составишь поезд.

Поляков потупил взор, что-то соображая, а потом тихо проговорил:

- Если вы помимо моих рабочих нагрузите платформу, которая у меня лишняя...

- А-а! Ты хочешь, чтобы я украл уголь? Ну-ну! Деляга! Теперь я тебя лучше понимаю. Значит, ты и сам ворует уголь... и меня подталкиваешь на воровство. Этот номер не пройдет, Поляков. Так и наматай на свой черный ус.

- Не воровал я, товарищ комиссар, а нужно признаться, прихватывал малость. Завод наш — такая огромная и растрепанная машина. А только на патье и держится, не пылает жаром, а еле-еле теплится. Ну, как тут не прихватишь побольше? Нужда ведь. Рвут меня на части, словно я хозяин всех угольных предприятий.

- Так вот и надо усилить, прежде всего, нашу Красную Армию, разбить врагов, быстрее восстановить наши угольные бассейны. Самое тяжелое время переживаем, товарищ Поляков. И это не грех, если мы для нашего завода побольше угля возьмем. Грешников следует искать в другом месте — там, где вредят нашей молодой Родине.

- А что там на этих станциях, всегда бывает уголь? — спросил Гаугель, поднявшись с места, смотря в упор на Полякова. — Не будет так, приедем, а угля и пылинки нет?

- Нет, уголь всегда на этих станциях в большом запасе, но волюнтят, не дают, ссылаются на то, что мы съедаем свои нормы раньше, чем полагается.

- Поедем!

И вечером Гаугель поехал вместе с Поляковым в теплушке вагона в Ильино и Мстеру.

Семен Иванович Поляков приятно вспоминает ту ночь. Она прошла в дружеской обильной воспоминаниями беседе за кружками горячего чая. И когда под утро представитель транспортной чрезвычайной комиссии арестовал Полякова за то, что он, якобы, несколько раз отвозил уголь на свой завод без разрешения, Гаугель не покинул Полякова, а побежал к ближайшему телефону, разбудил директора завода, и неистово прокричал в трубку:

- Николай! Беда стряслась... Я из Мстеры... Поляков арестован. Выручай, давай.

На рассвете директор связался с Центром, а утром Поляков пришел к погруженному углем эшелону, поблагодарил комиссара, и опять до пота чай пили в теплушке, тепло и много разговаривали.

Прошли многие годы после того времени, - вспоминает Семен Иванович Поляков. — Мы пережили тяжелый топливный кризис, побили врагов, развеяли их прах по ветру. И вот я часто думаю о том прошлом. Если бы не «прихватывали» тогда угля? Мы бы содействовали врагу, как те - распределители его, что называют в народе: «Собака на сене. Сами не жрут и другим не дают». Значит, надо было «прихватывать» угля, чтобы осуществилась наша победа.

13

Наконец-то Иван Ильич с Иваном Христиановичем нашли время навестить Николая Алексеевича Лебедева. Это был летний августовский вечер, когда охотники много говорят о прошлой и предстоящей охоте, кропотливо наполняют патронташи заряженными патронами, вешают все на видном месте — и спят и видят свое снаряжение, подобно невесте, срывающейся днями и неделями с любимым под венец.

Иван Ильич ввел друга по узкой лестнице на второй этаж и постучал в дверь.

- Входите, - прозвучал мужской голос.

Вошли. Хозяин поднялся от стола, на котором лежали в беспорядке части от разобранного охотничьего ружья.

- Просим милости, гости дорогие, - приветствовал хозяин, здороваясь с Волковым, но с улыбкой смотря на незнакомого гостя.

- А это мой друг — Иван Христианович Гаугель. Познакомьтесь.

Они пожали один другому руки. Посмотрели в лица, поулыбались и, не зная с чего начать разговор, хозяин попросту, не выпуская комиссаровой култышки, потянул за нее к стулу.

- Садись, дорогой мой, - произнес хозяин. — Слышал о тебе от других. А у нас ты не бывал. Я в механическом...

- Как не бывал — бывал... Да всех необходимых не сразу увидишь. Надо годы для того, чтобы сродниться с ними.

Гаугель смотрел в лицо Николая Алексеевича, в котором ему, видимо, нравились спокойные серые глаза — не мигающие, не прячущиеся, русые чуть вихрастые волосы, часто спадающие на широкий, желтоватый лоб, и нос, такой прямой и аккуратный.

Гаугель подумал: «Анка очень похожа на него. Только она свежее и моложе».

А Иван Ильич тем временем как хозяин, бесцеремонно собрал ружье, водворил его так же, как и у Гаугеля, на стену с патронташами и той тряпкой, что лежала вместе с разобранным оружием, вытер, как полагается стол, покрытый зеленой клеенкой.

- А где у тебя хозяйка, Алексеевич?

- В разгуле — известно. Общественницы. Одна перед другой стараются как можно больше сделать.

- Вон как хорошо! — воскликнул комиссар.

- Хорошо-то хорошо, но мне бывает скучновато, - ответил хозяин. — За все берись сам и делай.

- Ну, мы тебе поможем, - и подмигнул комиссару, а тот, в свою очередь, ему.

Иван Ильич подошел к порогу, поднял небольшой чемодан, поставил его на стул, раскрыл и выложил из него содержимое на стол.

Когда это все в грудке водворилось на свое место — все трое приятно заулыбались.

- Как говорится, «в Тулу со своим самоваром». А вы даже с выпивкой и закуской! Не могу ослушаться, чтобы не распорядиться. Тут и хлеба каравай! — хозяин молодецки встал, подошел к шкафу, поставил на стол стаканы, тарелки, разложил около трех приборов ножи и вилки.

Друзья сели полакомиться. Было заметно, что и третий — сам хозяин, любил в меру выпить. Да какие охотники на привале не выпивают, чтобы поговорить всласть!

Но они в семейной обстановке за столом. Вот они звонко чокнулись и выпили — все той же буро-бардовой, чуть мутноватой вишневой настройки.

Пока друзья закусывали, комиссар увидел вправо и влево две спальни. В обеих стояли чисто убранные кровати. На перегородках этих спален, оклеенных цветастым, бледно-розовым обоем, висело много фотокарточек: визитных, столовых, будуарных. Как на той, так и на другой лица почти не повторялись.

Комиссар понял, что в квартире живут две семьи.

Выпили по второй, и разговор принял деловой характер. Начал его Иван Ильич.

- Вот что, дорогой друг Николай Алексеевич, люди мы все трое простые, немудреные, хотя он и ответственной большой властью обладает, и без всякой хитрости. Пришли мы к тебе посватать твою сестру Анну... За него, конечно, за Ивана Христиановича. Невесту он видел несколько раз на общественной работе, полюбилась она ему. А он как-то и скажи мне об этом. Да я, говорю, знаю Николая Алексеевича, как родного, мы друзья-приятели с ним. А он, мол, такой же страстный охотник, будете, как два сапога на одну ногу. Вот мы и решили придти к тебе первому и первоначально поговорить с тобой. Христианыч ни единого разу не был женатым.

Если бы он не был комиссаром, его давно бы в святые записали. Вот он какой жених! Нам надо, чтобы ты воздействовал на сестру, поговорил с ней, посоветовал ей. Жизнь теперь тяжелая. Всякую тяжесть переживать легче вдвоем. А он (и опять пальцем в улыбающегося комиссара) не только в твою сестру влюбился, но во весь рабочий класс — в пролетариат и беднейшее крестьянство. Ему больше некуда податься — здесь его Родина. А раз так, следует обзаводиться своею семьей.

- Она мне сестра, но власти над ней я не имею, - ответил Николай Алексеевич, пользуясь передышкой Ивана Ильича. - Во-первых, потому что она член партии - значит вольный казак, что захочет никого о том не спрашивает. Во-вторых, она уже не девушка, вдова, муж ее погиб в первых боях за Советскую власть. И, в-третьих, у нее есть сын десятилетний Вячка. Навряд ли ее уломаешь выйти замуж. Потому что уже не найдешь ребенку родного отца...

Иван Христианович резко прервал хозяина.

- Это неверно! В наши дни среди нас найдешь ребенку родного отца! Я шел сюда и предчувствовал, что ты, как брат ее, и она, которая еще ничего не знает о нашем сватовстве, тоже скажет так, как ты. Но я ее уверю в то, что вполне заменю ее Вячеславу родного отца.

Как раз с криком ворвался в квартиру Вячка. Он встал между колен родного дяди — и черные глазенки его стали зорко осматривать незнатных гостей.

- Ну, нагулялся? — спросил мальчика дядя, поглаживая его тощее тельце и остро выделяющиеся костлявые плечики из под старенькой, но чистой рубашонки.

Мальчик выглядел почти коричневым от солнца. Он смугл. По веселым глазам понятно, что здоров.

- Давай знакомиться с дядями. Не будь невежей.

Вячка подошел к комиссару, тот протянул ему руку. Мальчик хотел было размахнуться и ударить своей, но задержал свою, удивленно смотря на култышку комиссара. Гаугель левой рукой подтянул к себе мальчика, а правой взял с тарелки большой кусок колбасы и предложил:

- А на-ка, поешь, проголодался, поди. Мы с тобой быстро подружимся.

Хлопнув по руке Ивана Ильича, Вячка прошел с колбасой в руке на кухню, там он с нею и управился.

Гости долго сидели, выпивая и закусывая, но хозяек так и не дождались, потому что в этот праздничный день состоялся литературно-музыкальный вечер, на который был приглашен весь женский актив.

Вечер происходил в летнем театре сада 1-е мая.

В следующий выходной день Гаугель встретился с Анной Алексеевной в саду Первого Мая. Собиралось большое, совместно с молодежью общее районное собрание, организуемое райкомом партии.

Собралось так много людей, что театр не смог вместить всех желающих. Комиссар кое-как с трудом протолкался под руку с Анной — и уплотнились с молодежью на первом ряду.

Казалось, что деревянное, ветхое здание рассыплется от песен, раздающихся со всех сторон. Пели группами молодые, пожилые. Пели партийные, сочувствующие. Петь хотелось каждому — и всякий пел во весь свой голос звонко и мелодично. И вдруг в середине зала поднялся на скамью пожилой, стриженный человек «под бобрик». Он молодо, звонко крикнул:

- То-ва-ри-щи! Спойте общую, новую боевую песню «По долинам и по взгорьям».

Зал на мгновение стих, присмирел. Многие уже знали этого регента Ивана Ивановича. В первых революционных демонстрациях он руководил поющими. И вот он запел. По рядам проворно передавались листочки с текстом этой песни. Достался один такой и Анне. Они запели вместе. Читая текст песни, он соединил их, а молодежь сжала, приблизила его к ней. Комиссар любил петь украинские. Но сейчас запел и эту боевую. Пел он басовито. Его приятный голос был мелодичен. Анна подпевала ему. Она тоже любит петь. С детства росла на песнях. А в то время пели и с горя, и с радости.

Но собралась здесь не только петь песни. На повестке дня стоял ряд неотложных дел. Сообщалось об организации Союза молодежи и переходе его в Ленинский комсомол — под крыло РКП(б). Говорилось о том, что наши улицы и переулки требуют мощных дорог и озеленения. И кто-то даже крикнул с места:

- Пусть смеются улицы, им вторят переулки!

Подняли с мест из зала и такой вопрос: «Надо организовать спорт-площадку».

- Где это найдем место? — спрашивает президиум.

- Выкорчем пни в роще — вот где!

Хорошее дело. Соглашается весь зал. Выносятся решение: «Выйти всем сегодня в рощу с пилами, топорами, с заступами-лопатами вечером, чтобы привлечь и гуляющих в роще к большой, неотложной общественной работе».

Гаугель с Анной условились быть на этом деле. И все эти часы до вечера ему показались вечностью. Правда, он выпросил у хозяйки здоровенную мотыгу и тяжелый скребок. Нашел у себя в шкафу слесарный напиль-

ник и так усердно затачивал лезвия этих двух инструментов, что почувствовал, как со лба его покатился капля за каплей пот. Труд всегда для него был радостью. А в этот день и в особенности. Ему хотелось теперь не мечтать о счастье, а самим, вместе с Анкой сделать это счастье.

И вот, наконец, подошел и тот условленный час. Комиссар вышел на улицу в одной рубашке-косоворотке с расстегнутым воротом, с заправленной рубахой в морские брезентовые брюки. На ногах хромовые черные ботинки. На голове широкополая травяная шляпа — «командорская». На плече два инструмента, надраенные им до блеска напильником.

Так выглядел наш жених на первом боевом воскреснике.

Роща огласилась смехом, криком и песнями.

Комиссар не сразу разыскал в этой народной массе Анну Алексеевну. Оказалось, что она примкнула к пожилым женщинам — женотдельцам, устроившимся в зарослях кустарника. Он подошел к ним, поздоровался, положил инструмент и сел с ними, прислушиваясь к разговору.

В этот момент и раздалась команда:

- За работу, товарищи! — Эти слова передавались от одной группы к другой. Заиграл призывно духовой оркестр всем известный «Интернационал». Люди подвигались к центру рощи большими группами с инструментами на плечах, вторя звукам оркестра.

... Это будет последний

И решительный бой ...

В зеленых зарослях состоялся короткий митинг. Молодой человек забрался на сухой сук отжившего дуба и заканчивал свою короткую речь.

- ... Нашим упорством, нашим трудом, мы заложим здесь в память отцов и дедов место развития сил нашей молодежи, место культуры и отдыха для всех.

Нашлись прорабы и техники. В несколько минут распределили всю людскую массу на группы по имеющемуся в наличии инструменту. Кто-то с пилами стал срезать отжившие деревья. Кто-то с лопатами зарывать неровности, срывать буераки, переносить в носилках землю. Большинство приступило к корчеванию пней, корней, к переноске их в одну сторону.

Работа началась под звуки оркестра и песен. Этому общему небывалому веселью аккомпанировали взвизгивающие пилы, грохот и шум падающих деревьев, стук мотыг и топоров, разрубающих столетние корни — их хруст и скрип.

Комиссар с Анкой были в одной паре, он корчевал пни — она относила их в сторону.

Лица людей стали румяны, глаза искрились. Смех становился все звонче, радостнее. Смеялись больше над неудачниками: кто-то неумело рабо-

тал топором, какая-то ударила своего знакомого по сырой от пота красной майке и на ней стал, заметен отпечаток девичьей руки. Смеялись и над падающими.

Земля на этом большом участке роши вздыбилась. Люди прыгали через ямы, срезанные деревья. Условия этой работы становились трудными и опасными. Вот какой-то паренек сильно поцарапал руку. Девушки сделали ему перевязку. И опять-таки со звонким смехом провожают его в строй: «Иди и работай, до свадьбы все заживет».

Уже стемнело, когда участники воскресника расходились по домам. Они оставляли огромную площадь, выровненную, утрамбованную, готовую для спортивного поля.

Комиссар вел Анну под руку. От усталости она прижалась к нему. В эту приятную минуту он и решил сделать ей предложение.

- А мой сын? — спросила тихо она.

- Он будет и моим сыном.

- Я тебе верю, Ваня ...

А на следующий день они зарегистрировались в Загсе. Гаугель усыновил и ее сына.

В регистре речного флота при нашем заводе работает Вячеслав Николаевич Гаугель. Живет он со своей семьей в квартире отца, на входной двери до сих пор не снята никелированная дощечка, на которой выгравировано: «Иван Христианович Гаугель».

Вот как рассказывает их сын Вячеслав Николаевич Гаугель о женитьбе своих родителей.

- Мне было десять лет, - вспоминает он, - когда моя мать, Анна Алексеевна Лебедева, решила выйти замуж за Ивана Христиановича. Я был вольный парнишка, любил шалости и мало интересовался судьбой матери, да и собственной. Все мне тогда казалось в ярком свете. И то, что предстояла свадьба, а мать почему-то то и дело тяжело вздыхает, то улыбается, - меня удивляло. Я глядел в ее вдохновенное лицо и недоумевал, «Ну настанет свадьба, пойдут люди по улицам, приплясывая, разукрашенные ленточками, зеленью, с песнями ... Что в этом вдохновляющего? ... Есть о чем вздыхать и бессмысленно улыбаться».

Дня через три, смотрю — идет моя мама под руку с дядей Ваней. Оба нарядные по-праздничному, хотя и будни, улыбаются. Остановились. Подошел я к ним, смотрю им в глаза и удивляюсь: «Чего они так смеются, как дети?» А Иван Христианович потрепал вихор и проговорил:

- Поздравь нас, сынок...

- Какой я тебе сынок, дядя Ваня, что ты? ...

- Настоящий сынок с сегодняшнего дня. Ты теперь уже не Лебедев, а Гаугель.

Такое сообщение меня удивило, вернее, я ничего не понял.

- Так вот, сынок, - улыбаясь, проговорил мой новый отец, - пойдем сейчас домой, умоешься почище, оденешься в новенькое — придут гости. У нас с мамой свадьба.

Сажу, смотрю: «Вот так свадьба! Ни пьяных, ни ленточек на головах и одежде, никто не приплясывает и песен не поет. Сидят, правда, степенно выпивают, закусывают, и говорят, говорят без умолку. Ну, какая же это свадьба?».

Ничего не понял. На другой день опять происшествие! В школьном журнале мою прежнюю фамилию «Лебедев» жирно замазали чернилами, а сверху написали «Гаугель».

- Так вот и живу под этой фамилией, храня образ приемного отца в душе бережливее, чем хранил бы память о настоящем. После свадьбы в нашей семье началась иная жизнь. Много стало веселья в квартире, много рассказов об охоте, много стало друзей у моего нового отца. Частым гостем стал брат моей мамы Николай Алексеевич. Оба они с отцом страстные охотники. Преобразилась и мама. Она стала веселой, жизнерадостной. Она радостно угощала гостей своей стряпней, садилась с ними, чутко и внимательно прислушивалась к их разговорам. Но какой это был разговор! Все о кораблях, о бронепоездах, о танках, о нашей победе над белогвардейцами.

Какие-то имена иногда проскальзывали в их разговорах, но они быстро покрывались дружным густым смехом и как будто таяли в нем. И мать моя дружно смеялась с ними. Она все узнавала от отца, рассказывающего ей о своих делах на заводе, районе и о своих мыслях, о будущем. Ее тянуло так же, как и ее мужа, к его беспокойной заводской жизни.

Постепенно и я пристрастился к отцовым рассказам и мыслям. Стал чаще рисовать его корабли. А отец, видя это, снабжал меня красками, карандашами, бумагой. Одним словом, мы с отцом стали быстро близкими.

А сейчас я веду такую же работу в заводе по приемке кораблей, какую вел и отец в годы гражданской войны.

Работой своей я очень доволен.

15

Гаугель переселился с семьей в новую квартиру. Заводуправление обставило его жилье лучшей мебелью, как подарок молодоженам. Место его жительства стало рядом с заводом, именуемое заводским парком. До Октябрьской революции этот парк назывался народом «Царским селом». У

ворот его стоял бородатый швейцар и пропускал в парк только тех, кто живет в нем. С наступлением советской власти все изменилось. Швейцара от ворот отстранили. Вход в парк стал свободным для всех. Изменились в парке и жители. Лучшие квартиры заселились почетными людьми завода.

В семье Гаугеля также все изменилось. Анна Алексеевна принесла с собой чистоту и порядок. Ее сын стал иметь свою комнату. В ней он спал, учил уроки, занимался «строительством» из кубиков и «конструкторов» зданий, машин, кораблей. Вячеслав быстро сдружился с отцом и заимствовал у него страсть к кораблестроению.

Молодые просыпались рано. У обоих были большие заботы. У мужа — завод, у жены — женотдел райкома. Домашние работы выполняли сообща. Гаугель нередко помогал жене мыть полы, стирать, бегал с ведрами по воду к качку, выносил помой, мусор. Помощью жене он выражал к ней свою любовь. Его помощь создала для нее условия больше и дольше отдавать себя общественной жизни района.

Анна Алексеевна в новой обстановке быстро посвежела и пополнела. Вечером, как собиралась ее семья за стол, было оживленно, она рассказывала о своей работе, он делился с нею всеми неполадками на производстве, радовались вместе и успехам.

Он не скрывал от нее никаких секретов, она мыслила вслух.

Вячеслав прислушивался к их разговору, болтал ногами за столом, пошвыстывал, напевал песенки и часто смеялся с ними вместе, заряжаясь их весельем и радостью.

В этот вечер Иван Христианович рассказывал жене о первой встрече с токарем Васильевым Василием Михайловичем.

- Входит он в мою «резиденцию», а сам такой опухший. Под глазами мешочки ... думаю, голодающий, но такой крепкий, кряжистый, хороший мастеровой. Смотрит на меня исподлобья, хрипловато говорит:

- Дали вы мне выточить палец полтора аршина длиной — ни чертежа, ни эскиза. Оглоблю тешут, и на нее размеры дают.

- А ты по месту, толщину по отверстию впритирку, - объясняю ему.

- А какая должна быть головка этого пальца? — кричит.

- Головка, головка! - раздражаясь, кричу и я. — С мозгами должна быть головка.

- Я тоже думаю, что с мозгами. Тогда зачем же только на мои рассчитывать? А свои-то у вас как? — ехидно так, щелками глаз смотрит на меня и хихикает.

- Мои — не твои, чаще устают, - виновато оправдываюсь.

Гаугель на остроту ответов не сердился, а всегда после них задумывался, старался разобраться, что вызвало их, что и кто был причиной колкости и ядови-

тости вопросов и ответов. И после этого он был мягче к тому человеку, старался сдружиться с ним, в особенности, если тот хороший специалист своего дела, исполнительный, точно и аккуратно выполняющий задания.

- Чувствительно он тебя кольнул, - улыбаясь в штопаемое белье, проговорила Анна Алексеевна.

- И ты не обиделся?

- На что обижаться, если он прав? Я не додумал, дал ему указание и убежал, другое требовало моего присутствия. А человек, получивший задание, встал в тупик. Вот он и ворошит мои мозги: «Надо найти подходящую болванку. Не скоро подберешь ее. Нашел, но с нее необходимо содрать пуд металла и превратить его в стружку. А это преступление! - возмущается он.

- Отвечаю за это я сам! — опять кричу я на него.

- Отковать надо палец! — резко приказывает Васильев.

- Понимаю! Но когда я откованный получу? — через неделю, а может и дольше, а его надо завтра утром. Понял ли, друг мой?

- Растопырил свои уставшие серые глаза на меня Васильев и еще сердитее укорил меня.

Сидите, говорит, вы в кабинетах и от скуки пальцы свои сосете, вместо того, чтобы каждое дело обмозговать так, чтобы оно искрилось от ясности. С этой болванки надо драть стружку за стружкой. Я сделаю ее только через день, если завтра приступлю к работе.

- Я тебе дам завтра! Я тебе дам ... - Но уже не могу кричать на него сердито; какая-то симпатия внутри меня зарождается к нему, утомленная его физиономия напоминает мне о большой усталости.

- Да я двое уже суток не был дома, глаз не сомкнул ... видишь, слипаются?

- Вон что -о! — так я и ахнул от своей опрометчивости.

- И отпустил ты его домой? — спросила Анна.

- Нет, Нюра, он сам остался на третьи сутки.

- И что же с ним произошло? Заснул у станка?

- Ничего, кроме хорошего. Я попросил его по-товарищески сесть за стол. Он сел. Вынул из шкафа краюху хлеба, кусок колбасы, налил в стакан чистого спирта. Он жадно выпил, сытно поел, поблагодарил, и говорит:

- Ладно! Пойду сейчас подберу потоньше болванку, чтобы меньше драть стружки, — и ушел.

«Покачал я тогда головой, - вспоминает Василий Михайлович, - и пошел искать подходящую болванку. Нашел быстро. Поставил ее в станок, закрепил резец, точу. Стружка из под резца вьется синяя с дымком. Суппорт вздрагивает от усиленной нагрузки. Хочется сделать палец как можно скорее и лучше. Шел к нему, чтобы отругать, отказаться от дела, а вышел от комиссара обласканный, согретый, накормленный.

Подошел ко мне комиссар и улыбается. Посмотрел я на него и тоже не смог не улыбнуться. Поулыбались так молча, потом он спросил: «А как, мол, твоя семья живет?»

- Плохо, - отвечаю. — Замучилась жена в разъездах по деревням за продуктами. Все барахлишко на еду променяли.

Приятнее мне стало его присутствие, как о семье моей вспомнил.

- Да-а... тяжелая жизнь, - ответил сочувственно.

- Закончишь палец — принеси его ко мне.

Я этот палец очень быстро выточил. Несу его в кабинет, думаю обрадовать чем-то комиссара. Вхожу, кладу палец на стол и, улыбаясь, показываю на него: «Смотри, чисто выглядит или нет?»

- Хорошо, говорит, себя в нем вижу. А ты, гляжу, крепко устал, садись...

Смотрю, опять приготавливает закуску, наливает в стакан выпить, хлеба нарезал ломтей столько, сколько хватило бы на пятерых. «Ешь, говорит, не стесняйся».

Какое уж тут стеснение! Выпил, да еще попросил. Он добавил пол-стаканчика. «Мне, говорит, не жалко, лишь бы в пользу». Придешь - и спи весь день, но не забудь про семью. Вот возьми талончик один на пшено, другой на мешок картофеля. Да не мучай жену, сам сходи в общество потребителей — в потребком к Петру Сажину.

«Как не знать! — знаю русский, такой, с плешинной, - отвечаю».

- Ну вот, к нему и войдешь. Да эти куски хлеба возьми за пазуху ребятишкам.

Запичкал мне за пазухи вместе с хлебом недоеденную селедку и крупный кусок колбасы. «Если, говорит, тебя сторож задержит, скажи ему, чтобы позвонил мне. А то тебя, пожалуй, «развезет» с такой большой порции». А я и на самом деле уже крепко опьянел и покачивался.

- Нехорошо это, Ваня, когда ты любимчиков своих спиртом угощаешь!

- Нельзя, Аня, без этого. Люди такие отдают себя всего целиком, забывая семью. Их надо время от времени подогреть, чтоб не гасли.

Молодожены поздно ложились спать. Разговоры длились, растягивались. Иван Христианович шутя, повторил:

- Как бы я хотел, чтобы и ночь растянуть так, как Вячка растягивал сегодня конфету-тянучку.

В затоне все сильнее и трескучее стучали молотки клепальщиков. Гремело и стонало листовое железо, сгружаемое с платформ. Вооружалась огромнейшая баржа «Сережа», одеваемая в бронь. На палубе ее ставили

пушки и пулеметы. На ней уже бегала и команда моряков, осваивая управление всеми видами вооружения.

Комиссар часто вбегал по сходням на этот стальной форт, его скромно встречал высокий, сгорбленный старик, седой, как лунь, но с такими еще яркими светлыми глазами, во взгляде которых отражались спокойствие, прямота и дружественная, согревающая теплота. Это был Глеб Яковлевич Кокушкин, ответственный за выпуск на фронт огромного вооруженного форта «Сережи»

Комиссару рассказывали рабочие разное о своем начальнике. Смеялись, когда тот с большим трудом выводил на бумаге каракулями свою фамилию «Кокушкин». Представляли из него архимандрита в острой черной монашеской камиллавке, с большим распятием, с кувалдой, клещами, зубильями за поясом. В правой руке - лом, в левой - дымящаяся ладаном кадильница.

Глеб Яковлевич был членом церковного совета. Он был богомолен. Слышали и видели, как он приходил в цех, истово крестясь, благословляя день и начинаемую работу. Так же рьяно он крестил и форт «Сережу», готовящееся судно на бой с врагами.

Рассказал один и о том, как он подошел к Глебу Яковлевичу, чтобы выручить себя от затруднения. Рабочий приступал к расточке цилиндра. Не было указано размеров. В стороне лежал шток. «Если протачивать по нему — по штоку, как бы не ошибиться», - думает рабочий. Дай-ка лучше спросу — и спросил. Начальник, не грубя, нашел железный прут, отмерил от него, отрубил, приставил к цилиндру, примерил и подает рабочему: «Вот тебе точный размер». И выточил. Точно получилось!

Гаугель подошел к Кокушкину и, пожимая его жилистую крупную руку, спросил:

- Как здоров, Глеб Яковлевич?

- Благодаря Богу попрыгиваю еще, Иван Христианович.

- Что тормозит, чего не хватает?

- Вот и поспешил к тебе навстречу. Думаю, как бы не забыть. Броневые листы на палубной надстройке мягковаты мне кажутся. Не насмешили бы врагов наши металлурги.

Гаугеля напугало это сообщение. Он нервно схватил култышкой еще раз руку Кокушкина, и благодарно потрясая ее, сказал:

- Я верю тебе, Глеб Яковлевич. Если ты сказал, значит, точно проверил. Хватит нам время, если заставим листы перекалить?

- Уложимся в срок. Только это надо не откладывать в дальний ящик. Я их все проверил: напильничком, чувствую - мягкий. На свет гляжу — синеваты! Молоточком постукаю — звук репы! Да какой это их нечистый дух в такое пакостное дельце впутал?.. Ну, думаю, нас грешных, в такой страшный грех не впутаете. С нами Бог! Дорогой Иван Христианович! Не

мешкай, пожалуйста, встряхни их. Пусть у них от твоей встряски животы разболются.

Иван Христианович прибежал в свою «резиденцию», спешно позвонил в гараж и потребовал немедленно машину. Рассказал Ивану Ильичу о дефектах в броневых листах, приказал взять из них несколько штук самых мягких. И когда машина подошла к воротам цеха, мастер успел проделать над броневыми листами те же операции, что и Кокушкин, удостоверился, что старик прав, а мы, мол, прохлопали, проморгали гляделками, совы пучеглазые.

Гаугель приказал Волкову взять с собой молоток, поручить работу заместителю, а Ивана Ильича взять с собой. Выехав из завода, они остановились у Райкома РКП(б). Комиссар вбежал на второй этаж. Он пробыл у секретаря партии не менее тридцати минут. Говорили с директором по телефону, чтобы на полигон были присланы все ответственные лица за броневые листы, а также и за все детали термически обработанные.

Комиссар вышел к машине с карабином на плече. Взгляд его был воинственный. Иван Ильич думал, смотря на него искоса: « Будет буря».

Машина несла их по пыльной дороге — в лес. Дорога тяжелая, их трясло и встряхивало. Они приехали первыми. Предъявили пропуск. Военная команда знала «широкий мандат» комиссара. Въехали и сгрузили их листы солдаты... До приезда начальствующего состава Гаугель неистово набросился на груды деталей, приготовленных на сдачу после испытания. Он выхватил из рук Ивана Ильича молоток и с полного размаха стал бить по зубьям каленых шестерен. Некоторые зубья от ударов отламывались, другие мялись. И только частицы шестерен при ударах брызгались яркими струйками искр, не поддаваясь удару. Годных оказалось мало. Однако, вот и въехали во двор полигона два представителя, от которых зависело качество термообработки.

В народе в то время их называли генералами. Ходил рассказ о них: «Как Гаугель им носы утер». Этот случай я и представляю в действии.

Первый — это офицер старой армии Алексеев, тучный, с заплывшими жиром глазами, цвет которых различить было невозможно, потому что смотрел только в щелки их. Он находился при заводе как приемщик снарядов, оставшийся тут от империалистической войны, ничего уже не делавший, ни за что не отвечающий, но прославивший, как сочувствующий Советской власти.

Второй «генерал» - главный инженер, металлург завода Бобрицев, коренастый, с крупной головой, стриженной под ерша, с серыми холодными глазами, временами взгляд которых казался застывшим. В старое время он был не только верховодом во всех видах производства завода, но и акци-

онером его, одним из крупных влиятельных хозяев завода Акционерного Общества «Сормово». В те дни, о которых идет речь, Бобрищев группировал вокруг себя некоторую часть инженеров, направляя их усилия в сторону противоположную задачам Советской власти.

Они подошли важно к месту, где стояли комиссар с мастером, и кивками голов приветствовали.

- Не годится такая бронь! — произнес Гаугель, показав на лежавшие стальные листы.

- А почему? — спросил Алексеев, склонив голову слегка вправо.

- Потому что это не бронь, а репа-а! — наступая на офицера, крикнул еще громче комиссар.

- Откуда вам это известно? Кто вам дал право называть крепкокаленную сталь репой? — Почти оба вместе выкрикнули «генералы».

- Я бракую эту бронь. И уже приостановил навеску ее на бронепоезда и форт «Сережу». Даю вам двое суток на перекалку. Сейчас же давайте распоряжение по цехам. Не доставите доброкачественную бронь через два дня — отдам вас в распоряжение ЧК.

- А что это значит - «доброкачественную»? — сузив глаза, спросил Бобрищев.

- Таковую, из которой враг не смог бы сделать терку или решето.

Оба «генерала» звонко засмеялись.

- Шутить изволите, товарищ комиссар? — ехидно смотря Гаугелю в лицо, спросил офицер.

- Как это можно сделать терку, из такой крепкой стали? — пожимая плечами и смотря умиленно в лице солдат, сгруппировавшихся чуть поодаль от груды листов.

Но солдаты двум «генералам», видимо, не сочувствовали. Они поворотились к ним спинами и повели разговор о чем-то, только им понятном.

И комиссар резко приказал солдатам:

- Товарищи солдаты! Поставьте один из листов для прострела.

Солдаты мгновенно приступили к постановке. Мнимый «генерал» сдвинулся было с места, чтобы приостановить действие солдат, но только переступил с ноги на ногу, застыв на месте, лишь глубже уйдя каблуками сапог в рыхлую землю.

Комиссар поймал намерение его и, подойдя к нему так близко, промолвил чуть не в лицо:

- На вас это уже не распространяется — распоряжаться. Вы здесь только в качестве гостя, без совещательного голоса. — И ни слова больше не произнеся, комиссар отошел подальше от стоящего листа брони, снял с плеча карабин, скомандовал:

- Р - разойдись!

Все отошли в сторону. Комиссар прицелился — и выстрел за выстрелом всадил в броню пять пуль, опустошив всю обойму.

Мнимый генерал подошел к листу первым. Он увидел на листе пять отверстий — дырок, так ровно проколотых одна от другой, что говорило о хорошей, меткой стрельбе комиссара. «Генерал» пожал плечами, попробовал холеным ноготком на обороте листа скосырнуть с отверстия заусеницы, но, видимо, уколол палец, всунул руку в карман, сморщив лицо в смешную обрюзглую гримасу, подошел к Бобрищеву и проговорил:

- Лист не то из свинца, или из латуни!

Бобрищев не ответил. Он прошел в кабинет и стал звонить по телефону, чтобы немедленно приступили к прокалке брони.

17

Сигналы к Гаугелю теперь стали поступать чаще. Их приносят письменно и устно. На двери квартиры № 20 хозяин ее привернул шурупам металлическую никелированную дощечку с гравировкой на ней: «Гаугель Иван Христианович». (Эта дощечка до сих пор на своем месте). Она-то и привлекала внимание тех, кому надо было что-то рассказать о своем цехе, о своей нужде, пожаловаться на администрацию, посоветоваться о своем новом, возникшем в его уме мероприятии, с которым не соглашается начальник. И каких только вопросов не приносили через эту никогда не запираемую дверь жилья комиссара! В позднее время, в воскресные дни в квартире его дневали и ночевали товарищи из завода. Тут обсуждались планы на предстоящие новые дела, тут решались вопросы о перестройке цеховых порядков, тут много было и охотников, ружья которых уже давно не пахли порохом. И вся радость их была только в воспоминаниях о прошлых временах охоты.

Но жалобщикам Гаугель старался предоставить большее внимание и особенное удобство. С этой постановкой была согласна и Анна Алексеевна. И когда входил в квартиру уже известный ей товарищ, к которому питал особое внимание ее муж, она провожала его в комнату мужа — и тот ждал, просматривая газеты и журналы, когда освободится комиссар.

В особенности Гаугель был страстно влюблен в одного из таких «жалобщиков» - в сталевара, приносящего в квартиру комиссара так много дум и прекрасных желаний — «с полной светлой головой мёда и разных сладостей», как говорил комиссар о сталеваре своей Ане в поздние часы их одиночества.

Этот сталевар лет тридцати пяти. Высокий, стройный, с развитыми мускулами. Его голова без растительности, красиво круглая и потому что на ней нет ни одного волоска — всегда блестящая ярко-розовая.

Андрея Ивановича Лаврентьева в цехе звали больше по прозвищу «Извини — подвинься». Эту фразу он повторял и в окна печи, когда та не подчинялась ему, пофыркивала, плевалась брызгами стали, сжирала много нефти. В этих случаях сталевар всегда сердито ворчал и произносил: «Ну уж, извини — подвинься, сударыня! Такой роскоши я тебе не позволю!». И когда очень резко обострились у Андрея Ивановича отношения с цеховым начальством, он одиноко призадумался, а потом вмиг просветлел, что-то вспомнил и весело сказал на ветер — в воздух, но по адресу обидчика: «Извини — подвинься, уважаемый! Я пойду к комиссару жаловаться!».

И он пришел. Как-то быстро сдружились. Разговаривали долго и много, а мечтали и еще больше.

Гаугелю было так приятно слышать от большого мастера - сталевара поток его новых мыслей, хозяйственных расчетов, скупой бережливости материалов, расходуемых по варке стали, что не утерпел и дал согласие бывать в цехе в его — Андрея, смену, и помогать ему в его благородных передовых делах, на славу Родине.

Вот Гаугель около мартеновской печи № 4. Смена Лаврентьева. Ночь.

Андрей не отходит от крышек печи. Крышечница точно замерла. Она заметна только по красному платочку на голове. Черный цвет спецодежды ее сроднился со стеной печи, и поэтому только голова отсвечивалась в лучах мартена.

Лаврентьева она понимала по движению его рук. После каждого взмаха его она моментально поднимала одну из крышек. Тогда из высокого Лаврентьев преображался в сутулого, с оскаленными челюстями — гибкого, увертливого охотника.

Пламя вспыхивает со своеобразным оханьем и мгновенно умолкает, отдавая молочным, с золотистым блеском, жаром. Лаврентьев смотрит в кипящий металл через синие очки и расплавленную сталь, он видит как безоблачное небо. Но вот он чувствует в стороне комиссара, подбегает к нему, надевает на его кожаную фуражку свои сини очки и подводит ближе к печи.

- Удивительно красиво зрелище! — в восторге вскрикивает Гаугель.

Металл кипит спокойно, не брызгаясь, потому что каждая его капля тяжеля. Он как будто вьется в веревки, переплетающиеся между собой. Цвет металла то и дело меняется: то он кажется фиолетовым, то синеватым, как ясное небо, то вдруг побегут по нему розовые полосы.

Ослепительно яркий огонь — золотой, с проблесками розовых жилок, колыхается все сильнее и сильнее. Вот язычки его уже облизывают крышки окон печи. В разноцветном спектре появляются полосы зеленоватого и желтого цветов — это выгорают ненужные вещества - сера и фосфор.

Андрей объясняет комиссару все особенности своей профессии. Он уже чувствует себя с ним как с другом, держит за плечи, легко поворачивая легкое тело комиссара то вправо то влево. Андрей, как и всегда, говорит громко, точно ругаясь с кем-то:

- Плавка на выходе! Но мне надо бежать к телефону — ругаться с начальством. Почему нет шихты, нет известкового камня. Разве это обязанности сталевара? А вы видите, плавка готова.

Надо использовать каждую минуту тепла печи. Надо болеть душой и телом о каждой минуте простоя, о лишней медной копейке, брошенной на распыление.

- Сочувствую тебе, дорогой Андрюша, и вместе с тем радуюсь, что такие старатели нарождаются и быстро множатся. И правильно, что ты о том не плачешь под свой нос, а громко кричишь. Надо кричать, — надо! Будить следует многих не только криком, а может, даже расталкивать, встряхивать. Травинкой, едучим дымком спящему в носу пощекотать.

Гаугель так сильно обрадован дружбой с Андреем Лаврентьевым. Теперь им удастся расшевелить общественность в этом мартеновском, где труд был так тяжел, где не было почти никакой механизации, где завалку печи шихтой производили вручную, где в цехи-сарай дули бешеные ветры, врывались снежные вьюги, поливали дожди. Теперь они сумеют это производство поставить на твердые ноги — и крепко шагнуть вперед по пути большей производительности.

- Нам много надо металла, Андрюша! Ты видел, сколько стоит кораблей в затоне? Все они дожидаются ваших ускоренных плавков. Спичку зажженную в нос каждому, который не поймет этого!

В этот момент подручный сталевара почерпнул разливной длинной ложкой из печи искрящейся стали и вылил ее на железный настил пола. Огромный сноп искр взметнулся в стороны, озарив радостные, румяные лица Андреевой смены. Сталь мгновенно стала на полу жесткой серой лепешкой. Она прилипла. Ее отковырнули ломиком, замочили в холодной воде. Сталь из серой превратилась в белую и звонкую. Это признак хорошей плавки.

Андрей отошел от комиссара и скомандовал смене:

- Гони ковш!

Но в этот миг кран уже двигался под сводом цеха-сарая, волоча на тяжелых цепях огромный ковш.

У Андрея расплылось в улыбке широкое и разрумянившееся лицо, и он крикнул одному из смены что-то, что и дошло до слуха комиссара:

- Боятся присутствия комиссара. Смотрите, шихту и камень подвозят!

В этот миг на самом деле расхлебались главные ворота цеха, в которые паровоз подавал платформы с шихтой и белым камнем.

Комиссар отошел в сторону и с большой жадностью закурил. Курил он по обыкновению через 10-15 минут, а тут, около Андрея, пробыл с час и забыл о куреве. Это его удивило. Но не только это. Его обрадовало, что его присутствия в цехе побаиваются. Значит, думает он, не бесполезно ночь провел в гостях смены Андрея. Стану навещать его чаще. Проникну во все уголки завода, в щели его и буду знать завод, как свою новую квартиру.

Плавку выливали в этот сказочный ковш, блестящий мириадами разноцветных искр, звезд и ленточек цвета радуги. Металл еще идет, но ни на минуту не прекращается подготовка к завалке. Быстрота необходима для того, чтобы сохранить жар в мартене, использовать его как можно полнее.

Раздается новая команда Андрея:

- Прочистить летку!

Металл прошел. Смена начала заправлять печь: заднюю стенку магнитом, переднюю — доломитом. Подручные сталевара быстро очищают летку от накипи металла и наглухо заделывают отверстие.

Начинается завалка печи вручную. Молодцевато один за другим, подбегая к окнам печи, смена кидает в нее камень за камнем. Андрей, как бригадир, не уступает в ловкости и силе ни одному из смены. Прошло так минут двадцать. Казалось, что вот-вот вспыхнут рубахи и волосы на людях. Но нет! От каждого только плыл вверх густой пар — все были мокры от горькосолоного пота. Однако надо спешить с завалкой шихты. Кран сгружал ее на площадку медленно, потому что это была шелуха — ломаные кресты и ограды с кладбищ, связанные проволокой, листовые отходы от штамповки и всякая рухлядь.

Смена стала утираться от пота полотенцами. А комиссар все истово курил одну за другой и размышлял:

- Зачем выносить наказание Бобрищеву и этому мнимому генералу? Послать их вот сюда к мартенам и дать им возможность поработать на завалке шихтой печей, так, примерно, недельки две-три. И тогда они мягче станут, чувствительнее.

С Андреем комиссар простился утром, когда уже вторая смена принимала у него печь. Они пожелали друг другу полного успеха в деле. До скорого свидания.

Мартеновский цех работал с большими, длительными остановками из-за недостатка шихты. А между тем эта шихта — обрезки железа, старые, уже столетней давности чугунные и стальные детали лежали крупными грудами на складах, во всех цехах, около них. Пешие спотыкались о не-

нужные железные завалы. Берега затона порыжели от превращающегося железа в ржавчину.

Комиссар кричал в трубку телефона то одному, то другому начальнику цеха:

- Нагрузите две шаланды имеющегося у вас ненужного металла и отправьте в мартеновский.

В трубке слышен ответ:

- При все моем желании сделать этого не могу, не я его складывал, надо поручить это авторитетной комиссии. Пусть она опишет и всю ценность спишет в шихту.

Комиссар негодовал. Звонил директору. После разговора с ним бежал по цехам, уговаривал начальников, обвиняя их в пассивности, в перестраховке, в холодном отношении к делу. Стыдил их, называя трусами. Агитировал, напоминая о трудностях на фронтах в борьбе с врагами. И после всех его приемов мартеновский цех оживал.

Шихта поступала, но как подачка, горстками, недогруженными шаландами. Ссылались: «Некому грузить. Не хватает рабочей силы».

Звонил в цехи судоверфи, где по берегам затона гибла не одна тысяча тонн металла, превращаясь в ржавчину. Комиссар укорял начальников цехов в нерадивости и бесхозяйственности. Он сердито напоминал им, что всего три года тому назад существовали «грушники». Они ездили всюду: зимой на розвальнях, летом — на телеге, крича нараспев: «Груши, пареной груши!». Парни, девки, хозяйки и ребяташки несли этим «грушникам» тряпки, кости, железо. Все это они приносили за ничтожные подачки сластей. А накоплялось ценное и шло по заводам.

- Почему же вам, бессовестные, не придет это на ум, не встанет острым, пятидюймовым гвоздем поперек вашего горла?! — ядовито кричал комиссар в трубку телефона.

В трубке был слышен отзвук хрипоты, откашливания и вежливая грубость. Но комиссар не унимался. Он подыскивал ответ вежливой грубости. А получалось не совсем гладко. И он им напоминал:

- Ведь всего три года тому назад в ваших цехах работали артели «крючников». Это были чернорабочие, с ручными крючками, которыми они выбирали из земли металл, нагружали им ведра и ссыпали в одно общее место, откуда металл грузили на платформы, а потом отправляли их в мартен.

- Где у вас все это? Почему металл в землю хороните? Что это такое у вас? Цех или похоронное бюро?

Трудно было таким разговаривать с комиссаром. Он лепил ихней же грязью им в глаза. Наступал своими тяжелыми словами на их любимые мозоли, желая больно уколоть их самолюбие, привести их сознание к новому, строящемуся порядку.

И опять после такой перебранки ненадолго оживал мартеновский цех, а потом опять замирал, как голодающий, едва поблескивая малиновым отсветом печей.

Гаугель в эти дни перекочевывал к этим остывающим печам и ночевал около них с Андреем «Извини — подвинься» и с его бригадой

Дожидались подачи платформы с шихтой. Комиссар и Андрей сидели в двух шагах от бригады. Им было слышно все, о чем разговаривали рабочие. А Гаугель любил их слушать. Из этого разговора он узнавал о многих неполадках цеха, запоминал характеристики о некоторых руководителях и чувствовал рвение людей к делу, которое плохо шло не по вине их, а кого-то других, выше стоящих.

Подошел к бригаде нехотя — вразвалку Конюхов Иван Иванович. Он с одутловатым лицом и черной широкой бородой. У него крупный и тугой живот. Когда Конюхов в хорошем настроении, то и при завалке он бегаёт приплясывая. А освободив руки от шихты, барабанит пальцами по животу. Все его приемы в деле потешны, вызывают смех, делают любую работу веселой. Его любят в бригаде. Она встретила его дружным смехом.

Андрей шепнул комиссару:

- От безделья сейчас его «подзаведут».

Наклоняясь, Конюхов крякнул и уселся на лестнице. Его сосед, лет тридцати, застегивая ворот синей блузы, улыбнулся ему и подмигнул левым глазом.

Все опять громко засмеялись. И разговор начался на веселую тему. Сидящий на полу, поджав ноги под себя, начал:

- Вчерась иду это я по Пионерскому переулку, глядь, крадется кто-то сторонкой. Вглядываюсь и узнаю: батюшки! Да это ведь Конюхов Иван Иваныч.

Конюхов улыбнулся и, несмотря на пятидесятилетний возраст, щеки его округлились и зарумянились, как пышки. Подумал: «Начинается. До прихода шихты, видимо, еще долго, а за это время все мои потроха обсудят. Пусть повеселятся. От веселья и к работе сподручнее встать».

Все молчали, дожидаясь ответа. Иван Иванович соскочил с лестницы, растолкал сидящих, и сев у них в середине, сказал:

- Нам с Константином, - ткнул локтем соседа справа, - поставь сейчас хоть литру, и не крякнем. Только подай на закуску «собачьей радости» на пятак.

- Это что еще за «собачья радость?» - тихо спросил комиссар Андрея.

- Сердце, печенка, легкое и сычуг. Все вместе взятое мы называем «гусаком». Из сычуга хорошо раньше хозяйки приготавливали рубец. Промоют эти сычуги на речке, свернут в толстый жгут, перевяжут бечевочкой, посолят и варят в больших котлах. А потом это варево выложат в большое

корыто, покроют плотно теплым ватником — и на базар. Вот это все и называется «собачей радостью»

- Так-так, - прошептал комиссар и опять слух наострил к разговору бригады.

- У тебя на уме только жратва, Иван Иванович. Не торговал ли ты той «собачьей радостью?» - спросил Константин, и, взглянул на него пристально, шевеля ноздрями, желая уловить запах вареной печени, рубца и легкого.

- Торговал. А ты моим приказчиком был. Что, или забыл, как меня обворовал. И в одних подштанниках пустил меня на свет божий?..

Все зычно загоготали.

- Все было, друзья мои, и все польнью поросло. А теперь хоть в «дрезину» напой, но все равно трезвый, на смену выйду. Из меня, друг Константин, ни ширамыжника базарного, ни прогульщика не смастеришь. Я теперь представитель передового в мире пролетариата. Часовой на посту. Месяц тому назад с голодухи еле-еле брюхо таскал, но по зеленому бюллетеню не пошел.

Андрей шепчет комиссару, что Конюхов ничего не соврал, а говорит истинную правду, что его следовало бы примером ставить, что с него надо бы портрет нарисовать и поставить на видном месте в заводе.

Мысль Андрея так сильно понравилась комиссару, что немедленно записал ее в свою записную книжку. А как зашнуровал ее и положил в карман, поспешил другу рассказать о парнишке из котельного, который ярко нарисовал лентяев - козлами, мечущими стога сена. И написал под картиной:

«Заботились бы сильнее о паровозных котлах, а не о сене».

Комиссар обнял Андрея и поведал ему, что он уже поставил такой вопрос перед райкомом партии, чтобы таких передовых людей всеми способами ставили в пример, писали бы с них картины, рассказывали бы о них в газетах, в книгах, старались бы показывать их опыты работы, их реальное отношение к труду, их бережливость к материалам в любом деле.

- Да, - дошел до слуха комиссара ответ Константина. - Я бы, кажется, не вытерпел — сдох, таскаячи такую огромную брюшину даже пустую, - а сам ласково похлопал Ивана Ивановича по огромному животу, прикрытому синей блузой, на которой выделялись белые полосы соли от пота.

Стоящий рядом с Конюховым рабочий, с маленьким носом и слишком ярким румянцем на щеках, ни разу не улыбнувшись, предупредил Ивана Ивановича:

- Крановщица, смотри, не прогуляла бы. Рыскает по цехам, как шалая...

- Я за нее ручаюсь... Пошлындает и прибежит. Где-то у нее невдалеке

дружок... Вот она и проверяет его. У всякого своя забота. А вот я тебя спрошу: гребочки сменил ли?

Краснощекий только мотнул головой в сторону. А Конюхов посмотрел туда и увидел: в груди длинных железных прутьев с загнутыми концами «глаголю» лежат сверху их такие же по длине прутья с привернутыми к концам деревяшками. Гребочки служат для очищения металла от шлака.

- Мы им докажем теперь... Штаны-те конкурсные отберем, - воскликнул Иван Иванович.

Все опять гулко засмеялись, а комиссар тихо спросил Андрея.

— Это что еще за штаны?

И Андрей объяснил ему:

- Организовали молодежную смену при руководстве опытного сталевара Теплякова Петра Ивановича. Он, зная дело, не только успешно передаст им свой опыт по сталеварению, но и душу свою, кажется, переложил в ребят. И вот стараются мою бригаду опередить, и что же, хорошее дело! Так нате-ка вам! Учли победителя и премировали Теплякова штанами! Не нашли ничего подходящего, кроме них! Мои этот факт превратили в насмешку. И вот подтрунивают..

Но комиссар мгновенно ухватился за слово «молодежная». Стал расспрашивать Андрея о том, как она работает, есть ли в ней комсомольцы, и намекнул ему, что хорошо было, если бы они кинули первыми клич по заводу о массовом сборе металлоотходов.

Андрей взял на себя охотно это поручение, и обязался завтра же переслать в райком партии протокол общего молодежного собрания.

Комиссару было приятно, что каждый разговор с Андреем и его бригадой приносил в его записную книжку что-то новое, которое он внесет в общее заводское дело.

19

Была ясная золотая осень. Иван Христианович с Анной Алексеевной по вечерам решили гулять по улицам Сормова, но гулянки эти быстро нарушались. Лишь только появлялись они на улице, как их разъединяли ее товарки и его товарищи. На Главной улице шла горячая оживленная посадка молодых деревьев. В переулках мостили дороги булыжником, посыпая их желтым речным песком. И уже на самом деле: «Смеются улицы, им вторят переулки», как крикнул один товарищ на общем собрании в саду 1-е мая.

Анна Алексеевна, не смотря на свой праздничный наряд, вступала в строй женщин-домохозяек, помогала подносить на носилках камень, щебень, песок. Ей было стыдно отказаться из-за того, что она вышла с мужем на прогулку. «Что скажут тогда в райсовете про свою передовую активистку. Если

она потянется за мужем, а товарки ее со смехом и баловством мостят дороги, оживляют улицы зеленью? Да разве это не веселье?» - размышляла она, работая лопатой так умело и проворно, не уступая в любом деле подругам.

Ивана Христиановича отвлекла от жены группа людей из Райсовета и Райкома партии. Шло обсуждение, на каком расстоянии от построек, какие деревья садить на той и другой стороне Главной улицы. Спорили и кричали, что тополя по весне хламят дорожки аллей белым, надоедливым осыпающимся цветом. Многие стояли за то, чтобы рассадить как можно больше березы, но ее как раз оказалось так мало. Сошлись на том, что пусть садят все подряд. Разнообразие не портит вида улицы.

Шли по улице, оживленно разговаривая кто о чем. В середине группы шел высокий, с крупной головой уже седеющий Секретарь Райкома РКП (б). Левая его рука у груди на черной подвязке. Заинтересовала тема: «Где ставить памятник Владимиру Ильичу Ленину». Единогласно решили, на месте баррикад 1905 года. Секретарь придерживал правой рукой локоть комиссара. Они о чем-то тихо разговаривали. Гаугель передавал свои впечатления о знакомстве с мартеновцами. Это, видимо, сильно заинтересовало секретаря и, отрываясь от общего разговора, советовал комиссару продолжить это знакомство с передовыми людьми завода, передавать все новое как можно быстрее. «А дело со сбором металлолома — шихты, поставим внеочередным» - уже громче, отчетливее сказал Секретарь. Эта фраза дошла до каждого. И многие подтвердили ее кивком головы и словом: «да-да».

- Но ты, дорогой наш, Иван Христианович, частенько опаздываешь на бюро Райкома. Много разгуливаешь с молодой женой?

- Какое разгулье! Как ни задумаешь, все равно срывается, - ответил Гаугель.

- Что - ж, не велика беда! Разве это плохая гулянка сейчас у нас? — спросил Секретарь. И все подтвердили, что такие гулянки необходимы каждый день. Вместе с народом надо быть сейчас, в любую минуту.

- А вот и Проходной переулок! — сказал, улыбаясь, Секретарь, сжимая крепче локоть комиссара. — В этом крайнем доме, товарищи, впервые был поселен наш уважаемый комиссар Центроброни Иван Христианович Гаугель. Надо на этот переулок обратить особенное внимание и побыстрее его вплоть до рынка благоустроить. Следует предполагать, что в недалеком будущем наши улицы и переулки будут называться именами тех товарищей, которые тут жили и проявляли много передового и общественного.

Взглянув на противоположную сторону улицы, один из группы, уже пожилой, с румяным лицом, с крупным прямым носом, с бритой головой, покрытой расписанной татарской тубетейкой, промолвил:

- Вон тот переулок, что ведет к «Обществу потребителей», второй от аптеки дом Ивана Чугурина. Этот переулок знаменателен тем, что каждая первомайская демонстрация была разгоняема полицией около этого переулочка и передовая группа большевиков вместе с Иваном Чугуриным скрывались в его доме, а потом задом уходили от полиции.

Вся группа повернулась лицом к переулочку. Секретарь сказал:

- Очень было бы хорошо восстановить это в памяти, привлечь нижегородских художников. Пусть пишут картины. У нас есть фотокарточки всех первых наших товарищей. А живые участники помогут художникам.

Это предложение принятое на ходу, гуляючи, осуществилось так быстро, словно художники только и ждали, когда им скажут об этом нужном деле. Их приехало в Сормово человек десять. А один из них — наш сормович, товарищ Мартынов, стал их вожаком и вдохновителем. В перерывах длительной работы художников их эскизы картин мы обсуждали в райкоме партии.

Гаугель увлек художников в завод. Поручил им ряд картин написать на производственные темы. Познакомил Васю Пряслова с ними, чтобы они взяли над ним шефство. Что они и сделали. Работая над картинами: « Паровозокотельный цех» и « Паровозо—механический», их подшефный был незаменимым им помощником. Он говорил им:

- Когда заводская труба дымит густо и черно — это бесхозяйственно. В дыме летит в небо неперегоревшее топливо. Надо рисовать дымок бледненьким — сероватым.

Художники удивлялись замечанием подростка, исправляли свои ошибки. А когда Вася Пряслов увидел на одной из картин нарисованных рабочих всех в синих блузах, высоких, с засученными рукавами по локти, он сказал художнику: «Таких великанов у нас нет. Мы рождались от разных мамок: малых и средних, больше чахленьких и тощих... Откуда же эти богатыри?! А рубашки на нас всякие...»

Я сам (автор этих записок) участвовал в обсуждении картин в Райкоме партии неоднократно и вместе с другими выступающими поддерживал мнение Васи Пряслова.

Группа во главе с Секретарем, в которой был и я, уже подходила к дому пионеров (имени П.А. Заломова) я решил напомнить: «В день шествия демонстрации 1905 года, вот тут (указав на дорогу) налетела конная полиция, чтобы смять первые ряды. Демонстранты не дрогнули. Боевая дружина дала несколько выстрелов. Лошади у полицейских вздыбились, покружились на задних ногах — и бешено унеслись в рощу».

Секретарь спросил меня:

- Сколько было лет тебе тогда?

- Двенадцать. В это утро нас отпустили из школы в тот момент, как демонстранты стали подходить к школе, (теперь школа № 80). Я и бежал около первых рядов до столовой — до первых выстрелов по нам из рощи казаков. А жил я рядом со столовой в доме Петухова.

Секретарь согласился, что и этот момент можно запечатлеть на картине... Но мы тогда наговорили столько, что и целому полку художников хватило бы работы на десятилетие.

Группа прошла к стадиону, на котором уже построено деревянное одноэтажное здание. Вошли на общее футбольное поле, порадовались на молодежь, тренирующуюся по всем видам спорта.

- Давно ли, — воскликнул Гаугель, - тут были пни, да овраги, а теперь глядите-ка что — о!..

Этой радостью были захвачены и другие вместе с секретарем Райкома.

Ходили гуляючи так долго. Начало уже темнеть. Но Секретарь увлек всех по желтеющей тропе в Дарьинский бор — место сборищ революционной молодежи. Сосновый бор прекрасен и в этот вечерний час.

Постарше из группы вспоминали о том, где и когда происходили общие митинги сормовичей, как спорили с меньшевиками и эсерами, какими путями уходили из бора на Московское шоссе от нагрянувшей полиции.

Улыбаясь, Секретарь прервал спорящих.

- Мне кажется, что этот бор — самое лучшее место для парка культуры. Но когда нам деньги дадут на такое прекрасное дело — трудно ответить. Давайте-ка вооружим общественность на субботники, воскресники. Очистим бор от валежника, зароем овраги, наделаем скамеечек. Пусть в этом полезном деле станет застрельщиком комсомол.

Никто не стал возражать, потому что такая мечта сразу перерождалась в полезное дело. А как вышли из бора, Секретарь опять с другой мечтой:

- Рядом с парком должен быть и Дом культуры. Где еще найдешь лучшего места, кроме этой ровной поляны? — восхищенно он сделал круг правой рукой.

- Отсюда начнется центр Нового Сормова.

Комиссар пришел с этой гулянки поздно. Анна Алексеевна разогревала ужин на кухне. Вячеслав сидел и рисовал разноцветными карандашами кораблики. Отца это пристрастие радовало. Ему казалось, что в приемном сыне есть много гаугельского: упрямого, настойчивого, трудоспособного. Отец старался развить в сыне любознательность, объяснял, толково рассказывал, спрашивал, просиживая с сыном до тех пор, как мать скомандует:

- Пора на боковую!..

И уже в постели молодожены много разговаривали. Ну, как не рассказать жене о новых планах и мечтах секретаря Райкома партии. Что

будет через пять-десять лет в Сормове! Зацветут новые деревья, фруктовые сады. Будет парк культуры с прекрасным Дворцом. Люди тысячами войдут в это новое святилище и увидят в нем новый свет и приобретут культуру и знания.

- Вот я тебе забыл рассказать, как мы сегодня утром проводили на фронт форт «Сережу». Это вооруженную стальную баржу, помнишь, я тебе о ней говорил... Ну, вот. Возглавлял ее вооружение старичок Глеб Яковлевич Кокушкин. Сдали ее командованию без сучка и задоринки — на отлично. Подошел я к Глебу Яковлевичу поблагодарить его, поздравить с успехом, жму крепко его руку, а сам чувствую, как из моих глаз капля за каплей по щекам слезы скатываются. Смотрю — и у него тоже! Батюшки мои! Обнял его и приласкал. Потом вынимаю из записной книжки приготовленной ему талон на дополнительный паек и говорю:

- Вот, дорогой мой, Глеб Яковлевич, тебе помощь от Советской власти. Стыдится. Не берет. И отвечает мне:

- Ошибся я в тебе. Считал тебя бессердечным, но общее дело — честное и безупречное сроднило нас.

20

Комиссар Гаугель стал ежедневным гостем в мартеновском. Он теперь заходил и к печи № 3, на которой работала молодежная бригада. Ему хотелось, как можно крепче сдружить Теплякова с Лаврентьевым, чтобы планы последнего быстрее проводились в жизнь. «Оба бригадира коммунисты, как у того, так и у другого, большие опыты работы по сталеварению, честные, безотказные партийные работники по цеху. Кому, как не им, начинать налаживать в бригадах социалистическое соревнование?» - размышлял комиссар.

И первому об этом намекнул Андрею Ивановичу Лаврентьеву.

Видя, как хорошо пошло со сбором шихты по заводу и всему району, Андрей охотно согласился и на это новое мероприятие. Сел и мгновенно составил вызов на социалистическое соревнование молодежную бригаду Теплякова.

Когда этот вызов был приклеен около печи № 3, Тепляков сначала сердито морщил лицо, нервно подергивая густыми седыми усами. Но молодежь обступила его, уверяя, что они не уступят ни в чем лаврентьевцам и докажут им, как надо работать.

И соревнование началось без ведома администрации, при содействии профсоюзной организации цеха.

Лаврентьев хотя и заручился полным согласием всей своей бригады, но понял, что некоторые члены недружелюбно приступили к этому благоприят-

ному делу: язвят молодежную «конкурсными штанами», стараются пере-хватить лучшую шихту, сгрудить около своей печи материалы по заправке, одним словом, стараются подставить ножку — как препятствие в деле соци-алистического соревнования. И тут же, прямо в глаза, он сказал своим:

- Извини — подвинься, друзья мои! Будем работать честно. Лучше дать молодым больше, чем обделит их. Приятнее взять себе худшее, чем обобрать их. Мы не торгоши на базаре. Мы передовые люди труда. На нас должен смотреть весь мир.

- Правильно! — поддакнуло несколько голосов сразу.

«Правильно, правильно», - передразнил молодой, без усов, сидящий на карачках парень. — А я сам видел и приметил на часах. По-моему, завалку кончили в два часа десять минут, а Тепляков написал: в 1 час 40 минут.

- Ну, ты погоди врать-то. У тебя, наверное, вместо часов в штанах луко-вица была. Надо тогда и говорить, а не теперь, за углом, - вступился за Теплякова рабочий с маленьким красным носом.

- Вот это верно! Не шипи про товарища на стороне, что он плох. А скажи ему об этом в глаза, - промолвил Лаврентьев. — Честно следует смотреть на дело. А оно у нас общее. Тепляков пойдет передом, двигайся за его следом не отступая. Обогнать его желаешь — жми, давай, но не подставляй ему своей ноги, чтобы он не опрокинулся о твою и не упал. Обгоняя — свою дорожку прокладывай, но так, чтобы она была видна и понятна, эта дорожка, другим, соревнующимся с тобой. Зло и ехидство над Тепляковым прекратите. Будем жить со стариком и с его молодыми в дружбе. Мы более опытные в деле, никто у нас этого не отнимает. Но зачем нам им мешать, если они нас в деле догонят и хотят обогнать? Луч-ше помоги им в этом. Вот что дороже и приятнее! И если мы будем так поступать, как я советую, на нас и другие посмотрят с уважением.

Бригада уважает своего Андрея, хотя и не все ясно понимает, чего же-лает своим «разглагольствованием» достичь. Хочет, мол, из нас «смастря-чить» каких-то новых святых, по особым святцам, только ему — Андрею понятным, нарекает Конюхов.

Комиссар Гаугель был более понятен. Он являлся к ним как толкач. То печь поможет быстрее восстановить, то шихту застрявшую из железнодорожного тупика протолкнет к мартеновскому, то выявит «холодное» отно-шение администрации к поставке печам заправочных материалов — вдре-безги разругает начальство, обяжет его, а потом проверит: «Лучше ли ста-ло?». Забежит к Андрею, спросит его. С нами посоветуется: «Как дальше поступать? Не следует ли что-то новое придумать?». А раз у нас не окажется того нового, которого хочет комиссар, он больше и вьется около нашего Андрея. А он, как бочка со свежим пивом, все время бурлит, делится с бригадиром своим мнением Иван Иванович Конюхов.

- Вот теперчи комиссар больше ухаживает за Тепляковым. Хочет из него смастерить седоусого комсомольца. И Андрей ему в этом деле помогает! Какую-то «молодежную кавалерию» придумали. Посадят седоусого на жеребца, дадут в старческие руки щит и саблю — возглавляй рыцарь начало профсоюзного движения. Войой с грибами мухоморами, расплодившимися под прилавками магазинов, ресторанов, пивных.

А молодежная кавалерия и на самом деле зародилась у мартеновской печи № 3. Ее возглавил не Тепляков, а комсомолец Леша Петров, русский с голубыми ясными глазами, плечистый парень. Кавалерия начала проявлять свои действия по вечерам в магазинах. В этом деле первые сигналы ей подавали женщины-общественницы. Анна Алексеевна Гаугель знала от подруг о всех неполадках в торговле. И как только услышала от мужа об этом новом боевом детище, решила помогать им: куда и как надо нагрнуть, кого следует взять в оборот в первую очередь. И так каждый вечер, помогая кавалерии, незаметно вклинилась в их ряды и стала сама кавалеристкой...

Видя ее в рядах этой боевой молодежи, женщины-домохозяйки в первую очередь подступают с жалобами к ней — Анне Алексеевне Гаугель.

- Аннушка, дорогая, выслушай меня спервоначалу! — кричит тетя Анфиса с «Болота» (ряд переулков и тупиков к рынку Сормова) пожилая женщина, покрытая серой шалью.

- Ну, говори, говори, не стесняйся, Анфиса Ивановна, - успокаивает Анна Алексеевна женщину, стараясь выслушать ее первую. И тетка Анфиса кричит на всю улицу:

- Варфоломеев, это тот, что усы свои ставит торчком, стервюга, дом строит каменный. На чьи деньги? Ларек мясной обворовал! Примите к нему строжайшие меры. Таким только в остроге жить.

- А потом за Граньку Косолапову возьмитесь. За хохолок ее — за тот, что на голове ее рыжей гривой взбухлен и гребнями дорогими, со светящимися камнями, поддерживается. Она, эта Косолапова, пять пар ботинок с высокими каблуками и столько же калош к ним без всякого череду получила, а нам вот — ни единой пары. Ей, лярве, прости Господи, не могу подобрать пакостнее слова — каждый раз мякоть без всякого череду отрубают в мясном отделении. А кассирша этого магазина — та, что с красной толстой рожей, таскает каждодневно по огромному узлу, видно у нее брюхо уемисто!..

Так Анна Алексеевна по вечерам на улице, а днем в женотделе выслушивает жалобы женщин-домохозяек, а потом передает такой материал Алеше Петрову, и вместе с его бригадой кавалеристов делают налеты на магазины.

В мартеновском цехе, в особенности у печи № 4, мгновенно создалась слава этой молодежной кавалерии. О ней говорили во всех трех сменах. Ее приветствовали. Налетами кавалеристов восхищались.

Гаугель сидел у печи № 4 вместе с Лаврентьевым. Они обсуждали новое мероприятие, которое родилось в голове Андрея уже давно, но без помощи комиссара, как мыслил, провести его в жизнь одному, было трудно. Вот Андрей и пригласил комиссара к печи, чтобы около нее наметить план действий.

Был вечер одного из ноябрьских воскресений. Бригада сходилась на смену по одному, и каждый приносил новость.

Первым пробежал мимо комиссара и Андрея комсомолец Никитенко, здоровенный парнище, не умеющий ходить шагом. Он все бегом, вприкочку, прокричал сидящим:

- Арестовали!..

- Кого? Скажи толком, - спросил Андрей.

И уже от печи № 3 Никитенко крикнул:

- Рыжую бабу с буклями на голове! Тащила большой саквояж с продуктами. Ее взяли на дворе магазина.

Вошел степенно человек с маленьким красным носом, который у него от холода стал синим. Не спеша, разделся у ящика, а потом сел на пол около бригадира и также не торопясь, проговорил:

- А-яй! Она, такая-то, всех жуликов на кулан посадит...

- Про кого это ты? — спросил Андрей.

- Да говорят, приехала из Москвы Землячка. Будто нашей кавалерийской на помощь. Баба мне моя рассказывала. Волос нее стриженный «под горшок», чуть-чуть седоватый. Хватка такая увертливая — не бабья, а мужицкая. Черными глазами по величине с малую луковицу, норовит каждому в нутро проскочить...

Подошел к разговаривающим Иван Иванович Конюхов и, наострив левое ухо, спросил красноносого:

- Про кого это ты?

- Да о Землячке говорю!

- Чьей?

- Знамо, не твоей, а московской. Землячка — фамилия такая — из центра.

- Не ври. Не плети околесицу. Смешал ты «панихиду с плясовой песней». Все говорят не про какую-то «землячку», а про Анну Лебедеву, которая будто недавно вышла замуж за крупного начальника. Вот она сейчас и командует торговцами: кого, значит, надо на месте оставить, а кого под суд представить. Вот так, дорогой мой Панфил Матреныч. Сначала поверь слух тобой услышанный, а потом уже и звони во все колокола.

Иван Иванович восторженно поглядел на бригадира и комиссара, которые стыдливо улыбаясь, смотрели в светлый, отполированный ногами стальной пол и, видимо, смотря, как в зеркало, сдерживались, чтобы не расхохотаться.

Один только Панфил Парфенович, которого Конюхов называет всякий раз «Матреничем», потому что, мол, у него не мужской, а бабий нос, сидел, силясь найти оправдание, вспотел от усилия, но слов веских так и не нашел в себе — поднялся, махнул рукой и отошел в сторону.

Комиссар с приятной улыбкой на лице также поднялся с места, потянув за собой и Андрея. Они ушли в сторону от людей, чтобы одним решить надуманное Лаврентьевым мероприятие.

21

В мартеновском собралось первое производственное совещание.

В низенькой комнате-коробушке, прилепившейся к цеху, было темно-то. На потолке мерцала двадцатипятисвечевая лампочка, загаженная мухами. В единственное окно бросал яркий глаз мартен № 4. Окно лиловело. Но чем пристальнее смотреть в стекло, тем убедительнее кажется, что оно расплавилось и вместо стекла — отверстие.

На стене крупный портрет Владимира Ильича Ленина во весь его рост. В отсвете лучей мартена лицо вождя кажется сильнее вдохновенным, взгляд прищуренных глаз весело устремлен в даль.

Под портретом сидит Лаврентьев. Он партгрупорг и по праву это его место. Слева на кончике деревянной скамьи поместился Гаугель. Он пришел на это первое производственное совещание как член бюро Райкома КП (б), как комиссар завода по вооружению бронепоездов и флотилии и, как защитник новшеств, проводимых Андреем Лаврентьевым в жизнь.

От большого людского скопления в комнате стало тесно и душно. На скамьях жались люди, стараясь уместиться как можно больше. В ногах, на полу сидели и полулежали те, свыкшиеся с мартеновской пылью.

Лаврентьев открыл производственное совещание. Коротко разъяснил собравшимся, что оно родилось в наши дни в борьбе со всеми неполадками на производстве. Оно — это совещание, дает возможность каждому работающему высказывать свои мысли, планы, надежды на будущее. Здесь же всякий может предложить более полезное, обсудить его, получить правильный совет, товарищескую помощь в продвижении в жизнь его полезного. Здесь же могут созреть и ценные изобретения...

Когда он спросил собравшихся: «Будем ли голосовать за то, чтобы ежемесячно собирать такие производственные совещания?», ему разноголосо ответили: «Разумно это нововведение». Но следует чаще его собирать: посменно — десятиминутками».

- Вот это очень хорошо! — воскликнул Лаврентьев.

- В ближайшие дни мы перестроимся. А сейчас я вам расскажу о том, что у меня назрело и просится в жизнь.

- Всем вам известно, что я не первый год работаю рука об руку с вами. Всем нам ясно, как тяжел наш труд. Однако наша надежда устроить его так, чтобы он протекал в радости, с полным успехом, с должным обеспечением наших материальных благ.

Не следует забывать, что мы теперь хозяева, что мы работаем на себя, на свое родное социалистическое отечество. Припомните для примера, хоть одного старательного домохозяина. У него каждая щепочка на своем месте. Каждый гвоздик вбит с экономным расчетом. У него ничего зря не пропадает. И на основании таких вот старательных людей и наш вождь великий Ленин говорит нам: «Каждая пылинка металла в печь — в месяц лишняя плавка. Каждая сбереженная копейка — составит рубль». Это хозяйственный расчет. Нам следует кое-что перенять у наших жен, у тех, которые умеют вести свое хозяйство хорошо. Но не у таких, как у жены Сеницына.

Все звонко засмеялись.

- Он просит пол-литра у нее, а она ставит на стол литр. Ну, как тут муженьку не стать прогульщиком? Но, кстати, я вам сообщу: Сеницын теперь взял себя в руки. Он уже несколько месяцев не прогуливает. И дай бог ему силы и мужества преодолеть свои недуги!

Так вот я о чем хочу вам сказать — о введении в сменах хозяйственного расчета. Это даст возможность сберечь каждую минуту рабочего времени. Уничтожит наши простои. Мы составим такой договор (проект его я написал), преподнесем такой нашей администрации — подпишись и обеспечивай. Мы в этом договоре все укажем, ничего не забудем. Доставь во-время к печам заправочный материал. Поставь к ним учетчика или поручи эту обязанность экономисту: снимать оставшиеся материалы и передавать следующей смене. А то у нас получается так: «Плавок печью сделано столько-то, вес плавок одинаков, а расход материалов суммой рублей превышает все смены! Нет, друзья мои, извините-подвиньтесь». Я видел у некоторых: ночная смена. Дремлется. А печь изрыгает космы ярко-черного пламени. Дремлешь, друг, вместо того, чтобы посмотреть за форсункой и подвернуть винтилек. Попусту жжешь черное золото! Я не хочу обвинять в этом бригадиров. Не сердчай, Мамонов! И не крути второй крючок. И так

всю нашу хату задымил — дышать нечем, но я хочу напомнить им, что доля вины ложится и на них. Строго надо следить за расходом топлива. Мы еще не всех побили врагов. Но уже там, где их уничтожили, залечиваем раны своих местностей, восстанавливаем разрушенную и разорванную ими промышленность.

Мамонов бородатый, лет сорока пяти, обросшее лицо которого заросло черной щетиной волос и тем напоминало еще больше о его упрямстве, не утерпел и прервал докладчика:

- Эка, наговорил!.. — хрипло кричит он. — Разве во мне и в моей бригаде суть прорыва, что металл не додаем? Ты нас снабди всем, как положено. Чтобы мы не бегали, задрав штаны, и за шихтой, и за доломитом — гарантия должна быть во всем.

- Не бегали, значит, не беспокоились. А теперь будем бегать. Вдоволь дашь — вдвойне потратишь. А так не всегда бывает хорошо. Я уже говорил об этом. Необходимо следить самим бригадирам за учетом всех расходимых сменой материалов. А за экономию по установленным нормам смена будет получать премии.

Старший мастер Лысов, с большой светлой лысиной посредине головы, окаймленной густой седой растительностью, решился выкрикнуть по адресу Мамонова:

- И чего ты, Мамонов, выкомариваешь? Лаврентьев тебе о полезном говорит, а ты не поймешь суть дела, норовишь полезному ногу подставить. А ты вдумайся в то, что излагает в своих мыслях Андрей Иваныч, и вставай в ряды хозрасчетников. Не словобреханием мы сошлись здесь заниматься, а ценные мысли свои перед товарищами выкладывать. Вот так надо — по разумному, а не с придурью бесшабашной, пустой и бестолковой.

У всех присутствующих заиграли улыбки на лицах, смотря на Мамонова, свертывающего четвертый крючок из газеты и набивающего его махоркой, которую он доставал из кармана штанов.

Лаврентьев продолжил свою речь. Собравшиеся теперь смотрят на него, как полный кувшин с деревенским пенистым пивом.

- Вот что происходит у нас со скрапом. Его и сейчас мы грузим на платформы. Потом покатают-покатают скрап по заводу, да и опять привезут к нам же: «Принимайте, мол, покатали!». А за катанье соизвольте заплатить по семнадцати рубликов за тонну. Моя же бригада не допускает к несвоевременной масленице. Мы на такое сердито смотрим. Всякие дурацкие традиции, оставшиеся в нас от старого прошлого, искореняем. Как только остынет скрап, мы его к печи, потом и в печь. Денежки чистоганом в бригаде. Извини-подвинься, железнодорожный отдел, не устраивай нам масленицы!

Это сильно понравилось комиссару. Он захлопал в ладоши. Правда, звук получился от удара правой култышки по ладоне левой слишком слабый, но зато это был повод другим. И все собравшиеся звонко зааплодировали Андрею.

- Но самое главное в хозрасчете, - продолжил Лаврентьев. - Это взаимное обязательство, товарищеская помощь отстающим. Тянуть будем на канате слабых! Если администрация в чем-то станет не успевать, и ее потянем к установленному порядку. Раз подписал такой договор о хозяйственном расчете, хоть ты и адмирал, но выполняй. И для тебя это закон.

- Когда мы все перейдем на такой, примерно, хозяйственный расчет, мы потребуем культурную столовую, красный уголок, в котором станем газеты читать, в шашки играть. Мы сэкономим много денег, товарищи! Будет их достаточно на то, чтобы украсить место нашего отдыха.

Так вот, друзья мои, все. Решайте: кто за мной? — говорите, запишу. — И Андрей сел на свое место.

Мамонов опять погрузился в свертываемую сигарку. Рядом сидящий с ним усатый Тепляков поднял руку, проговорил:

- Андрюша! Запиши меня.

Комиссар попросил слова. Он коротко повторил полезность этого нового мероприятия. Поздравил бригадиров, пожелал им полного успеха в работе на новых началах и дал слово, что он, как член бюро Райкома партии встанет на страже интересов работы первых ударников социалистического труда.

22

Через несколько дней Гаугель ушел в ночь в мартеновский, чтобы своими глазами увидеть, как работают две хозрасчетные смены на печах № 3 и № 4.

У четвертой Иван Христианович встретился с Лаврентьевым. Поздоровались. Андрей не замедлив, стал рассказывать комиссару о первых успехах хозрасчетных.

- Надо напрягать силы, чтобы производственные совещания жили полной творческой жизнью. Только посредством их все предложения наши могут осуществиться. До хозяйственного расчета печи работали плохо. Много было простоев. Мы недодавали металла. С момента перехода на новый вид работы мы потребовали поплавленную калькуляцию: сколько идет на выплавку материалов и стоимость их. Таким образом мы имеем теперь представление о стоимости заваливаемого материала, имеем возможность установить снижение стоимости болванки. Сейчас уже весовщик не запишет, чего нет на самом деле. Если мы не сумеем оживить производствен-

ные совещания, перенеся наш опыт и на другие смены пяти печей, грош нам будет цена! Мы обязаны перед партией, как настоящие коммунисты, возглавить соцсоревнование и ударничество. Для этого я предлагаю: прикрепиться каждому к какой-либо смене, чтобы быть неустанным вдохновителем ее. Как вы на это смотрите, Иван Христианович?

Гаугель взял под руку Лаврентьева и повел его к печи № 3. На ходу он дружески похлопал Андрея по вспотевшей спине и сказал ему еще раз: «Все, что делает Андрей — достойно похвалы, что люди такого сорта, как он — Лаврентьев, на виду у партии и правительства.

Они подошли к Теплякову. Последний был похож на вареного рака. Вскинув фуражку с очками на затылок, он стал стирать мокрое и парившееся лицо полотенцем. Он как будто только что вышел из парной бани. Подавая им руку — влажную и теплую спросил:

- Читали в «Нижегородской коммуне»?

- А как же! Повоюем, значит? — сказал, улыбаясь, Андрей.

- С большой охотой, Андрей Иванович, при содействии и участии в наших битвах уважаемого нами Ивана Христиановича, - ответил Тепляков.

- Я целиком весь в вашем распоряжении. Думаю просить Райком партии о переводе себя на учет в вашу ячейку. Как вы на это смотрите? — и Гаугель посмотрел в лицо каждого. Но они оба враз сказали:

- Это очень свежо и ново! Добро пожаловать!

- Повоюем без драк, без злопыхательств — рука об руку, плечо — в плечо, со всеми неполадками, — повторил Гаугель, пожимая обоих своих друзей в объятии его крепких, мосластых рук.

Тепляков поднял с полу брезентовую спецовку и вынул из кармана брюк потертую уже газету.

- Молодец ты, Андрюша! И в газете успел напечатать...

Он развернул ее, и друзья еще раз прочитали:

«Привет ударникам социалистического труда, рабочим печи № 3, решившим вчера на хозрасчет.

Учитывая хорошие результаты, которые достигла печь № 4 после перехода на хозрасчет и сменно-встречный, печь № 3 последовала их примеру. Сталевар Тепляков и его молодежная бригада сами заявили о желании перейти на хозрасчет»...

Пока разговаривали бригадиры с комиссаром, молодежь печи № 3, развалясь в стороне на скамейках, отдыхала.

Вася Сергеев, широчайший в плечах, со скучающей розовой физиономией, вразвалку, как моряк после шторма, подошел к товарищами, и утирая пот с лица полой своей рубахи, сказал:

- Через три дня годовщина. Назовем этим именем свою бригаду?

- Неплохо. Я согласен, - ответил Саша Тарасов, разомлевший, как малина, после авральной завалки печи. — А то мы только объявились ударной, а инициативы у нас никакой.

- Успеем еще. Нехай они нам сначала покажут темп, - и Никитенко кивнул головой на печь № 4.

- Они-то покажут! Но не худо бы нам наперед. Придумал чего — выкладывай, пока есть время, обсудим, - поворотясь лицом к Сергееву, - проговорил Тарасов.

- Надумал, - ответил Сергеев, но боюсь, сладим - ли? Назваться бригадой имени МЮД» а, составить рапорт, кому-либо из нас прочитать на общем комсомольском собрании, потом этот рапорт передать в газету — пусть и про нас напечатают.

- Вот это здорово! — разом подтвердили ребята и уселись все грудкой составлять рапорт.

Видя эту приятную картину, комиссар потянул за рукав Андрея, чтобы оставить Теплякова с молодежью, которой никто так умело не сумеет помочь, как их бригадир.

А в это время на четвертой печи шла завалка. В шутку всякий раз Иван Иванович Конюхов командует:

- Эй, молодчики, соколики. Давайте!.. Направо — вперед! Разом — раз! Держи-и!..

«Блям, блям, блям!» — неистово бьет один железкой по висящей рельсе. Кто-то из бригады замешкался. Одного недочет — заметно всем.

Печь ежеминутно проглатывает чушки чугуна, издавая чавканье — «чиш-ш, чиш-ш, чиш-ш»... Она как будто хочет сказать: «Мало, мало!»

- Давай, давай повеселей побегивай! Молодчики, потуривайтесь! — покрикивает Конюхов.

Его разобидела весть, что комсомольцы хотят их победить. Иван Иванович стоит у лопаты. Это так близко около открытого жерла печи. Кажется, что вот сейчас пламя огня облизнет его голову, плечи. Но ничего! С него льет обильный пот, рубашку хоть выжимай. Она усиленно парит. Человек десять вприпрыжку подносят чугунные чушки, кладут на лопату по две — «лягушкой». Печь открывает рот, и в жаркий прожорливый зев ее под возглас Ивана Ивановича «Ой, раз!» летит подачка за подачкой.

Один из подносчиков новичок. Ему не сразу приходится определить центр «чушки». Положенная неправильно, она скользит, как живая, с лопаты на пол и норовит ударить в ногу...

- Эй, али по зеленому бюллетеню хочешь погулять? — предостерегает Иван Иванович.

Костя, друг Конюхова, ловок, каждый взмах его меток и красив. Взяв в руки кусок железа, он молодецки взмахивает им через свою голову и, как хороший молотобоец, кидает поочередно то через правое, то через левое плечо, посылая кусок за куском, с каким-то ухарством, с молодым задором, схожим с ребяческой шалостью.

Кипит в Косте буйная, молодая кровь, игривая, шаловливая, как у годовалого ребенка. Он и ругается не так, как все. Ругань его забористая, словно растертый хрен. А ругнется, и сам как будто не на радуется, что вышло звучно, смачно, сердито до слез. И всякий раз в этом вредном и неприятном занятии он хочет перещегоолять Ивана Ивановича Конюхова. Ему бы работать с молодежной бригадой. И ему предлагали идти на печь № 3. Но всякий раз он отказывался, не стыдясь, повторяя свой мотив:

- У них и выругаться нельзя.

Услышав такой ответ, Гаугель сказал Лаврентьеву:

- Уж не так велико зло. Такая ругань — ухарская, не ядовитая, но всякая она грязнит человеческое достоинство. Все мы русские люди любим ругаться. Грешны мы в этом, а отстать трудновато. Ты бы, Андрюша, подтолкнул молодых, чтобы они организовали при печи № 3 маленькую рукописную стенную газетку. Вот через нее бы, рукописным словом и жечь всякого, который лается матерно, делает не так хорошо, как другие. Да мало ли что можно было бы изживать через газетку на производстве...

Андрей записал предложение комиссара в свой блокнот.

Печь № 4 насытили. Иван Иванович вытер лицо подолом своей рубахи, ругнулся слегка в адрес комсомольской бригады:

- Еще тоже - «победим, победим!». Да мы их в лепешку приплюснем!

Крышечница Ольга Веденина, с несчетными морщинками на лице, собрала их, как мехи гармошки и, подступая к Ивану Ивановичу, упрекнула:

- Твоя ругань всегда громче всех и поганее! Можно бы и без лаянья.

Иван Иванович похлопал ее по плечу и, пройдясь перед ней «фертом», как петух вокруг курицы, подмигнул ей, задевая бок ее локтем:

- И-эх, молодка-а!..

Раздался оглушительный хохот.

- Ах ты, старая бестия, еще мижет! Я вот тебе так помигаю, что по гроб помнить будешь! — рванулась за ним Веденина и под общим смех засновала по площадке, как молодая, бойкая и шумливая, стараясь догнать Ивана Ивановича, чтобы хлопнуть пятерней по его широкой и потной спине.

- Ты бы, Ольга, лучше за Мамоновым ухаживала, а не за мной. Он постарше, повялее, а я для тебя петух с прискоком, - кричит Конюхов, увертываясь от удара Ведениной.

- Заткнись своей молодостью, Фефела! Из тебя только гущу квасить, а из брюшины «собачью радость» варить.

- Ах ты, разъядрена — зелена!..

Обрадованный всем виденным в эту ночь, комиссар уходил под утро домой, но не мог не остановиться, проходя мимо печи № 3. А в эту минуту комсомольцы окружили своего бригадира, упрашивая его выступить на общем комсомольском собрании с рапортом от бригады.

Тепляков взял на себя и эту, как он доказывал ребятам, «непосильную» задачу стать оратором.

А комиссар радостно пошел спать.

23

Спешно производя ремонт пришедшему бронепоезду «Победа или смерть», Иван Христианович не расставался в эти короткие дни с братьями Якимовыми.

Их было четверо: Николай, Василий, Иван, Петр — сыновья сормовского портного Андрея Васильевича Якимова.

Тяжелая подневольная жизнь при царском строе рано их приучила к ненависти, научила познавать врага и драться против него не на жизнь, а на смерть. И когда вышел из ворот завода второй бронепоезд «Победа или смерть», все четверо, крепьши в отца, с единой мыслью родителя, решили быть бойцами в передовых рядах Красной Армии.

За короткое время службы на бронепоезде «Победа или смерть» они закалились в жестоких схватках с врагом и уже выглядели возмужавшими, сильными парнями.

Один из них, Иван, которому исполнилось двадцать лет, решил остаться на бронепоезде и после ремонта его, а трое ушли в отряды моряков на реку Каму и Волгу.

Иван Якимов рассказал о первых сражениях бронепоезда Гаугелю и его другу — мастеру Волкову. Оба слушателя с такой страстью и с жгучим желанием слушали своего рабочего-сормовича, что и не заметили, как сгустились сумерки, как умолкли молотки клепальщиков на судах. Бронепоезд, который они делали, вкладывая в него свою душу, как будто предстал перед ними живым существом, их детищем, и смотря в лицо парня, словно ждали: «А вдруг и промолвит свое слово сам бронепоезд».

- В Ярославле вспыхнуло белогвардейское восстание, - рассказывает Иван Якимов. - Для подавления этой сволочи Советское правительство послало отряды добровольцев, под прикрытием нашего бронепоезда. Мы расстреляли эти банды, а наши отряды уничтожили их по полям и дорогам.

В этот вечер и уехал на восстановленном бронепоезде Ваня Якимов. Его провожали комиссар Гаугель и мастер Волков. Они пожелали сормо-

вичу, их рабочему и бойцу: «Крепче бить врага, не давая ему пощады. Письменно сообщать чаще об успехах на фронтах, не забывая упоминать о всех дефектах машины, вооружении и брони, если они появятся».

- И, если, что увидишь доброкачественное, стойкое — тоже сообщай» - обнимая Ваню, сказал комиссар.- Для нас это равносильно крупнейшей радости.

Ушел бронепоезд в темную ночь. Через два-три дня встретился с врагами. На фронтах дни и ночи томительнее и длиннее, чем на производстве. И вот уже от Вани Якимова Гаугель получил первую весточку.

Как радостно, с жгучим трепетом, встречаются и на производстве письма с фронтов войны! Гаугеля и Волкова окружают рабочие. Подошел и вклинился всегда серьезный и молчаливый Михаил Иванович Телогреев. Гаугель начал читать:

« Дорогие Иван Христианович, Иван Ильич и все прочие товарищи! На Украине разбойничают банды гетмана Скоропадского. На Харьковском направлении наш бронепоезд «Победа или смерть» встретился с белогвардейским бронепоездом. Завязался жаркий бой, но московские, екатеринославские, нижегородские рабочие-добровольцы, составлявшие команду нашего бронепоезда, не дрогнули, мы выстояли и победили.

Я стрелял из орудия и видел, как наши снаряды выводили из строя вражеский бронепоезд. Качество нашей брони отличное. Ни трещин, ни вмятин, видимо, его снаряды попадали вскользь. После боев я тщательно осматривал свой бронепоезд.

Однако время такое: из одного боя — в другой. Мы прошли с боями города Орел, Курск, Белгород! Бьем врага в хвост и в гриву. Нас с хлебом и солью встречают жители. Душа трепещет от радости, товарищи! Только что после жаркого боя за Белгородом, нас сменила другая — свежая часть. Она бьет врага, а мы отошли в город на отдых. Выпарились в баньке. Сижу вот и пишу вам на радостях. Поздравляю и вас с победой над врагами, но и у нас бывают потери. Не забыть боя под Старым Осколом. Вражеский снаряд попал в одну из наших бронеплощадок. Вспыхнула наружная окраска и смазка. Огонь подбирался к снарядам. Рискуя жизнью, старый коммунист, пятидесятилетний товарищ Литвешков, вместе с другими бойцами отцепили площадку от бронепоезда. В этот момент Литвешков тяжело ранен. Умирая на наших руках, старый коммунист шептал нам: «... Бейте беспощадно гадов, не щадя своей жизни. Защищайте свое родное отечество стойко».

С этими словами он и умер...

Какие у нас люди, товарищи! Молиться надо на таких...

Завет товарища Литвешкова мы выполнили. Под Осколом и Таганрогом, под Лозовой и у станции Просиная, где бы ни появлялся наш бронепоезд,

поезд, он наводил ужас и панику на белогвардейцев. Не все давалось нам легко. В деревне Михайловка махновцы захватили начальника нашего конного десанта Апина, помначхоза бронепоезда Новикова и наводчика орудия Кислюка. Зверски издевались над красными бойцами банды, а затем изрубили их.

Страшна была наша месть за погибших товарищей. Многие банды наши себе смерть от снарядов и пуль бронепоезда, остатки их порубила наша лихая конница.

Заканчивая свое письмо, об одном прошу вас, товарищи: делайте как можно больше таких прекрасных бронепоездов, как наш «Победа или смерть!». И посылайте их под управлением добровольцев-сормовичей, чтобы поскорее добить оставшиеся банды белогвардейцев, чтобы побыстрее нам взяться за мирный, восстановительный труд».

- Ай-да Ивашка! — добавил к окончанию письма комиссар, - правду ты сказал, Иван Ильич, что «Иваны» не только умеют за Родину постоять, но и сделают ее — матушку самой богатой и славной.

Михаил Иванович Телогреев предложил:

- Письмо надо прочитать по бригадам...

Все согласились. Поручили это дело самому молодому из них — Телогрееву. Не возражая, он взял из рук комиссара письмо и направился с ним в свою бригаду.

После прочтения письма в среде молодых рабочих, некоторые из них пожелали поддержать пожелание Ивана Якимова: «Уйти добровольно на фронты гражданской войны на следующем, сле-

данном руками сормовичей, бронепоезде». Другие дали обещания, что они не допустят в своем деле недоброкачественных изделий, примут все меры к тому, чтобы ускорить продвижение каждой детали бронепоездов от станков к верстакам и на места сборки.

Телогреев в любом деле выглядел аккуратным и предусмотрительным. Перед тем, как начать письмо, он припас чистый лист бумаги и карандаш. Выразивших желание добровольно идти на фронты гражданской войны, он записал в список. Однако, записывая, он предупреждал, что об их желании будет сообщено администрации цеха, согласовано с партийной и профсоюзной организациями. «Некоторых, возможно, и не пустят, постараются их убедить, - оговаривался Михаил Иванович — потому что завод не может остаться без квалифицированных мастеровых. Завод сейчас — это тоже фронт, самый тяжелый, ответственный. Обессиль нас теперь людьми — почувствуется эта слабость и на всех участках борьбы с врагами. Станет ощущаться недостаток в присылаемом вооружении, снизится его качество. Так что, товарищи, не все должны быть там, надо кому-то быть и здесь. Но наши души, все благие помыслы, наши братские чувства обяза-

ны быть вместе с нашей доблестной Красной Армией», - так говорил Михаил Иванович Телогреев каждому, записывая его в список добровольцев. А когда он передал этот листок комиссару, тот, улыбаясь, сказал:

- Прибережем списочек. Когда будет особая нужда, ответим делом и посылкой людей.

24

Мы - добровольцы сормовичи: Алексей Андронов, Георгий Платонов и я, находясь в первом десантном отряде моряков, оперирующим на Каме против колчаковцев, не забывали своего завода, своих в нем друзей, часто посылая им письма, написанные сообщая на отдыхе, после битв с врагом.

Вот одно из них, посланное нами из города Осы на Каме, где мы отдыхали и праздновали победу об окончательном разгроме колчаковской армии.

Мы адресовали эти письма на имя комиссара Центроброни потому, что будучи в рядах рабочих своего завода, каждый из нас был тесно связан с ним не только по специальности, но и по общественной, профсоюзной и партийной работе.

«Дорогие товарищи Гаугель, Телогреев, Волков! Сообщаем вам о полном разгроме белогвардейцев на реке Каме. Остатки этой рвани добывает Азинская дивизия, большая часть ее — плененная нами, лежит сейчас на берегу реки вшивая, оборванная, изголодавшаяся. Она ждет своей участи, суда нашего народа, а потом изоляции... Мы ходим вокруг этой серой грязной рвани и выщупываем в них их начальство. Оно скрывается в отрепьях, в этих когда-то зеленых, английских, теперь потерявших цвет, во вшивых шинелишках.

Нас всюду сопровождает молодежь города Осы. Она показывает и рассказывает нам о всех ужасах, чинимых белогвардейцами над жителями города. Перед тем днем, как нашей части войти в город Осу, белогвардейцы согнали к берегу сочувствующих Советской власти жителей, потолкали их прикладами винтовок в две деревянные баржи, облили их из шлангов керосином, вывели эти старые сгнившие посудыны на середину реки и поздним вечером зажгли.

Всю ночь слышны были вопли сгораемых. Многие, как огромные факелы, кидались с бортов барж в воду. С берега в них стреляли из пулеметов, винтовок, кидали в подплывающих гранаты.

Жуткая картина переживалась почти в каждом доме города. По улицам всю ночь рыскали пьяные офицерские орды, стреляли из револьверов в лающих собак, в подозрительные стекла окон, в которых белогвардейцам представлялась «красная ненависть», схватывали встречных, избивали, пристреливали, сажали в холодные, при их штабе казематы

На второй день нашего пребывания в городе Осе, наше командование совместно с новой властью в городе, организовало поход на «остров смерти». Это не так далеко от города — живописный зеленый уголок. В мирное время в нем собирались на отдых. А теперь мы двинулись туда с оркестром, с похоронными маршами, на сотне подвод лежали более сотни гробов, обитых красной материей.

Когда мы вошли в этот зеленый бор, нас опажнуло мертвечиной. Мы спугнули тысячи крупных, отъевшихся ворон и галок. И вдруг перед нашим взглядом предстала поляна, усеянная голыми человеческими трупам.

Когда наша процессия подъехала ближе — нечем стало дышать. Над всей поляной царствовал смрад. Тела лежали своими частицами. Убивали тут, видимо, смакуя свое мастерство: у женщин отрезали груди и откидывали их в стороны, у мужчин выжигались глаза раскаленными на костре железными прутьями. На животах многих выжжены пятиконечные звезды, похабные надписи. Составить хоть одно тело — нам не удалось. Видимо, в дикой оргии, белогвардейцы отрубали руки, ноги, головы у мертвцов, разбрасывали их в разные стороны.

Мы задыхались от гнева и ненависти сильнее, чем от смрада разлагающихся тел. Мы складывали в гробы все то, что попадало в наши руки. Это были останки человеческих тел. И в каждом гробу мы старались положить одну голову. Однако при полном нашем желании, сделать это человеческое нам не удалось. Гробов оказалось недостаточно. Очистив от трупов поляну, мы находили их еще и еще. И были вынуждены класть в гробы теснее, подбираемые части тел.

Наше погребальное шествие двинулось к городу. Было воскресенье, полдень. Когда мы въехали на главную улицу, на широкой площади ее была уже вырыта братская огромного размера могила. Все жители города сошлись тут. Было сплошное рыдание тысяч обездоленных семей, кидających на закрытые наглухо крышками гробы. Открывать крышки гробов не представлялось возможным. Военные оркестры играли траурные похоронные марши. Гробы быстро спускали в могилу. Безветренный день сгустил смрад над братской могилой. Сознывая, что плачем, клятвами такому несчастью мало поможешь, все мужское население вооружилось лопатами, стали зарывать могилу. И уже на могиле, после коротких речей нашего командования и выступления членов вновь организованной в городе Осе Советской власти, стали раздаваться клятвы: «Мстить за погибших! Идти в ряды Красной Армии».

После этого скорбного дня, городские парни ближе, теснее сдружились с нами. В свободное время мы вместе гуляли по берегу реки, вглядываясь в пленных. А пленные понимали свое безвыходное положение, стали

выдавать из своей среды тех, которые губили людей, сочувствующих Советской власти, обличая таких общим криком, выволакивая их за ноги к ногам нашего командования.

В гневе наши парни намеревались разорвать на клочки таких. Но мы успокаивали их, объясняя, что вся эта серая людская масса служила в руках повелителей только орудием исполнения всех злодеяний белогвардейского командования. Всех будет судить наш народ.

Мы пишем вам об этом для того, чтобы вы, товарищи, прочитали наше письмо в среде отсталого нашего населения, в особенности, женщинам - домохозяйкам. Многие из них думают, что христианин, мол, верующий во Христа и богородицу, на войне не бесчинствует, подает пример скромности и благочестия, с пленными обращается, как с братьями, идут в бой на «красных», защищая веру православную, идут в бой со святыми иконами и хоругвями, с пением молитв, славя всевышнего.

Бывает так. На нас наступал белогвардейский полк психической атаккой. Впереди шли попы, кулаки, толстые тетеньки с пением молитв: «Коль славен наш господь в Сионе...», «Боже, царя храни» и с многими подобными молитвами и истерическими выкриками, чтобы обессилить нас, внушить страх, устроить в наших рядах панику. В таких случаях мы били всех беспощадно. Мы знали, что пощади их первые ряды, нас сомкнут белогвардейские банды и уничтожат всех до одного.

Наша вторая рота попала в такое положение. Ее окружили, многих перебили, некоторых увели в плен. Мы не успели выручить из окружения наших товарищей и спасли их менее половины.

И вот ночью того дня мы отошли ближе к реке, чтобы встать под прикрытие наших боевых судов.

Мы готовились, чтобы снова ударить на белогвардейский — офицерский полк.

Меня срочно вызвал к себе Алексей Андронов — командир первой роты. Я видел у него, сидящим на земле, поседевшего парня, в черной сатиновой рубахе-косоворотке, но ворот не застегнут, потому что не было пуговиц. Штаны на нем были коротки. Ноги голы. На ступнях царапины и запекшаяся кровь. Я узнал его. Это был моряк нашей второй роты... Он стал рассказывать:

- Я не помню, как меня взяли. Опомился я в тот момент, как меня сбросили на землю с телеги. Было уже темно. Но я скорее почувствовал, чем увидел, что рядом со мной лежит еще один. Я стал догадываться, что это такой же, как я, моряк. Захотел пощупать его, но руки мои были крепко связаны веревкой. Мгновенно почувствовал боль во всем теле... и грубые возгласы: «Эй-эй! Поддай пару гнедых!» Подошли страшные, одетые

грузно, несколько бородатых рож. Они сорвали с нас бушлаты, форменки, тельняшки. Осветив нас голых электрическим фонарем, они увидели на теле моего товарища татуировку... Они громко заржали. Я почувствовал фыркание лошадей, негромкие возгласы. «Этот настоящий. На другом — никакого признака. Видимо, не моряк, а, «сопляк». При свете их фонарей я увидел, как бородатые привязывали к ногам моего товарища две веревки. Потом концы их привязали к двум повозкам. Я догадался, что они хотят делать, и уже старался крикнуть. Но в это время один из них дал мне пинка в бок, и я покатился под гору. Но я слышал, как они гикнули на лошадей. Бешено лошади рванулись в разные стороны и разорвали на две части моего товарища на моих глазах...

Он провел правой рукой по своей жесткой голове и некоторое время молчал.

- Очнулся я от холода. Стал соображать — где я? Прислушиваясь, я расслышал странные шорохи. Как будто кто-то рядом грыз землю. По этим слабым звукам я дополз до стены и ощупал ее: то были обыкновенные доски-горбуши. Звуки участились. А через минуту-две я расслышал так близко около себя человеческое дыхание. Я воспрянул духом и стал рыть руками землю в том месте, откуда шло до меня теплое человеческое дыхание... Но вот и шепот: «Дружище, жив?» — «Жив, пока, - отвечаю.-

Помогай, если можешь». И я усиленнее стал царапать землю. Через несколько минут я просунул руки, и меня вытянул через эту нору деревенский парень. Наскоро накинул на меня рубашку, помог надеть штаны, и прошептал, протянув руку: «Беги, беги, вот так». Я обнял его, поцеловал в потный лоб — и побежал...

Вот вам, товарищи, наша борьба, вкратце, за нашу дорогую Родину. Прочтите это письмо, как мы просим вас. И мы будем счастливы, если оно поможет кому-то из наших усилить гнев против врага, помочь нам уничтожить всех врагов на нашей, кровью отвоёванной земле».

Комиссар прочитал письмо своим друзьям, а они подсказывали ему: «Передать письмо Анне Алексеевне Гаугель».

25

Рукопись моя об Иване Христиановиче Гаугеле заканчивается. Все то, что я знал о нем из личных встреч с ним, из бесед о нем с его сослуживцами, - рассказано мною на этой сотне страниц.

Прочитывая их, я всякий раз убеждал себя, что всего этого мало о человеке, имя которого знает всякий пожилой, помнящий первые годы Советской власти. И я ударился в поиски за дополнительным материалом.

Это происходило таким порядком. Я выходил ежедневно на главную улицу Сормова. Прогуливаясь по ней, я всматривался в лица встречаемых, в надежде встретить (прежде всего) персонального пенсионера. Остановив его (кстати, я всех их очень хорошо знаю), начинаю с ним разговор на тему, беспокоящую меня, по одному, примерно, запомнившемуся мне шаблону:

- Ты помнишь Ивана Христиановича Гаугеля?

- Как же! Очень хорошо помню: этот тот, что наганом всех попугивал.

- Были такие дела у него, нечего греха таить, но он делал и очень много прекрасного, передового, работая ночи и дни, не считаясь с собой, - отвечаю встречному, защищая своего подшефного мне героя. И еще задаю вопрос:

- Встречались ли вы с ним?

- К сожалению, не приходилось...

- Может быть, вы слышали о нем что-нибудь от товарищей?

- Право, не помню...

- А переулок имени Ивана Христиановича Гаугеля знаете?..

Мой собеседник, некоторое время смущенно окидывает взглядом богато озелененную, с многоэтажными зданиями улицу и никак не может найти, встречавшийся ему переулок.

Опросив таким способом почти всех персональных пенсионеров, я повстречался с Николаем Гавриловичем Курицыным. К счастью моему, я узнал от него, что он также, уже не первый год, занимается делом о сборе материалов о комиссаре Центроброни Иване Христиановиче Гаугеле.

Николая Гавриловича Курицына я знаю с юности. Это прекраснейшей души человек. С первых дней Октябрьской революции он с винтовкою в руках защищал от меньшевиков и эсеров молодую Советскую власть. Теперь он также, как и все мои первые встречные на улице, персональный пенсионер. И вот мы, сидя на железных перилах около райкома КПСС, поговорили о том, о сем, вспоминая нашу молодость, горячность, страстную любовь к своей Родине — и, наконец, подошли к той теме, которая обоих нас интересует.

Он мне рассказал о том, как тяжело у него подвигается дело со сбором материалов о комиссаре Гаугеле. Взял он автобиографию, написанную самим Иваном Христиановичем у сына его — Вячеслава Николаевича Гаугеля. Потом передал ее в райком партии. Как-то спонадобилась она кому-то из писателей, но биографии не нашли. Теперь вот стараюсь сделать мемориальную дощечку покрасивее с надписью, что здесь, мол, в этом доме Проходного переулочка, переименованного и названного его именем, жил Иван Христианович Гаугель. При каких обстоятельствах, когда был переименован Проходной переулок и назван переулком имени Га-

угеля — также документов не сохранилось. Приходится догадываться, что после похорон, в 1933 году, учитывая крупные заслуги Ивана Христиановича Гаугеля в области вооружения и бронирования судов, бронепоездов, а также изготовления первого советского танка, сделанного по заданию Владимира Ильича Ленина, на одном из заседаний бюро райкома КПСС было вынесено такое решение.

- Я все собирался съездить в областной архив. Не соберу ли я в нем каких-либо документов о нашем герое, - рассказывает Николай Гаврилович. - Но на днях входит в мою квартиру молодой человек и представляется мне работником областного архива, которому поручено разговаривать со стариками о Гаугеле, добывать от них все ценное, проливающее свет на жизнь нашего героя. Я, между прочим, посылал его и к тебе.

Я тоже, в свою очередь, рассказал Николаю Гавриловичу о посещении моей квартиры этим сотрудником архива, показал ему свой очерк «Комиссар Центрброни», напечатанный в 9-ти номерах газеты «Красный сормович», но вырезки очерка не мог ему дать, потому что они у меня в единственном экземпляре. Но ему дал мой очерк сын Гаугеля.

Как Николай Гаврилович, так и я — интересовались судьбой материалов о жизни Ивана Христиановича Гаугеля, спрашивая сотрудника архива:

- Каким же материалом у вас можно пользоваться, чтобы глубже осветить жизнь нашего героя?

Он ответил нам:

- Мы приступили к сбору этого материала и думаем получить его от вас.

Долго мы так разговаривали с Николаем Гавриловичем. Я поведал ему о своем способе добычи сведений о Гаугеле путем бесед со встречными на улице. Он одобрил мой пример. Все равно, мол, надо же нам — старикам гулять. Правда, гуляя, заводить разговор все об одном и том же, некоторые могут подумать, что рехнулся, с ума спятил. Но я ему возразил. Разве, мол, у нас мало таких стариков, которые целыми днями судачат о футболе, простаивая у гостиницы, смотря вверх на рупор, дожидаясь сообщения о том, как сыграла наша команда? Почему их сумасшедшими не считают?..

И так, я продолжил свой прием. Но уже метил не на престарелых, а на среднюю старость, ушедшую на пенсию два-три года. И вот встречаюсь я с Николаем Васильевичем Дрожкиным. Бодрый еще человек. Общительный. Дня не сидит без общественных поручений. Часто и деловито пишет в газетах. Начали разговор с излюбленной темой: кто и о чем написал. Я это ему о своем: «Кто о чем болит, тот о том и говорит». Я, мол, пишу крупную рукопись о Гаугеле. Он посмотрел на меня очень серьезно, почесал затылок под кепкой, что-то, видимо, припоминая, и, просветлев, промолвил:

- Вот что, Степаныч. Сходи-ка ты к моему двоюродному брату... По-знакомься. Живет он на окраине Варихи, окнами на речку Парашу. Яки-

мов Иван Андреевич. Вспоминается мне, что он был тесно связан в годы Гражданской войны с этим твоим Гаугелем.

Выпало на этот раз пасмурное, холодное утро. Потом брызнул мелкий, осенний дождь. Окраины у нас еще не все благоустроены. Кое-где нет асфальтированных дорог. Глина размокла, ноги вязнут в ней. Как, думаю, с такими грязными ногами войду в квартиру? Однако, хозяйка встретила приветливо, с улыбкой: «Ничего, говорит, ничего, - входите». Вошел и сел на кухне. Она начала чистить картофель. Я говорю ей о цели своего прихода. Она говорит, что Иван Андреевич сейчас войдет. «Да жива ли, - спрашивает, - ваша сестра Анна Степановна?». «Нет, - отвечаю, - три уже года, как похоронил». А сам рад! Чему? Да тому, что меня везде знают. Но вот и хозяин! А я же его знаю с детства! И всегда, встречу на улице, мы вдоволь наговоримся, стыдась спросить: как тебя звать и величать по отчеству. Одним словом, пришел знакомиться к давно знакомому.

Разговор стал дружеским. Иван Андреевич рассказал мне о своих родителях, как отец портняжил на торгашей, избираемый ими, а мать воспитывала большую семью, из которой выделили четверых молодых-парней, ушедших добровольно на Гражданскую войну в ряды Красной Армии.

Оказалось, что все четыре брата Якимовы знали хорошо Ивана Христиановича Гаугеля, когда был в ремонте на нашем заводе бронепоезд «Победа или смерть», которым ведал наш комиссар Центроброни.

Из четырех братьев Якимовых остались в живых только двое: Иван и Петр.

Я записал адрес Петра. Казань, улица Карла Маркса, д.54, кв.11.

И вот что они мне рассказали о жизни и деятельности нашего героя, комиссара Центроброни Ивана Христиановича Гаугеля.

26

«Я знаю Ивана Христиановича Гаугеля с тех пор, как он пришел на наш завод. В особенности я хорошо его узнал тогда, как поступил к нему на службу в Центробронь. Это было в 1921 году. Я занимал должность артиллериста по обстрелу орудий на строящихся бронепоездах и танках.

Гаугель был чутким и отзывчивым начальником. Сам дисциплинированный и исполнительный, требователен был и к другим. Я знал, что он старейший член партии большевиков — с 1903 года. На партийных собраниях я встречал его первым. Он, улыбаясь, оправдывался: «Лучше придти раньше, чем проталкиваться вперед». Его всегда выбирали в президиум. Но садился он сзади. Это потому, как он нам говорил чтобы незаметнее можно выйти за кулисы покурить. На собраниях я встречал его аккуратно одетым, чисто побритое лицо выглядело свежим, черные глаза ласково свет-

лы. У него были два парадных костюма: первый — одежда моряка, смотря по времени года, второй — гимнастерка с малиновыми петлицами на груди, скромные черные брюки, заправленные в кожаные сапоги, начищенные ваксой до блеска. Он был активен. Говорил с юмором, мешая русские слова с украинскими, насыщая свое выступление фактами из заводского быта. Его встречали и провожали аплодисментами.

Приходил он раньше всех на собрания еще и потому, что любил петь песни. А было заведено: перед тем, как начать собрание, бывало, споют не одну, а десяток песен. Группами пели: тут поют, там поют — зал гремит от голосов. И Гаугель поет густым басом. А заводилами этих концертов была молодежь и женотдел. К ним можно причислить Гаугеля с женой.

Он не забывал своих друзей. Так, познакомившись с экипажем бронепоезда «Победа или смерть», с товарищами Литвешковым, Данченко и Кислюк, которые участвовали в ремонте бронепоезда, он неоднократно расспрашивал меня об их гибели. А во время моего рассказа, у Ивана Христиановича глаза заволакивались слезами.

Первый раз я ему об этом рассказал при случайной встрече с ним в Нижнем Новгороде. Повоевав более двух лет, я приехал в командировку.

Погоревав по товарищам, он спросил меня:

- Кем ты числишься на бронепоезде?

- Артиллеристом, - ответил я. — На зенитных орудиях.

- А пушку хорошо знаешь?

- Да, - отвечаю — неплохо.

- А не хочешь ли на эту должность ко мне? — предложил Гаугель.

Не раздумывая долго, - я ответил, что охотно бы принял предложение, но меня не отпустит командование.

- А я сам съезжу к инспектору бронесил Республики Котовскому, - ответил Гаугель. И в этот же день написал отношение об откомандировании меня в завод «Красное Сормово» на работу в Центроброни, и уехал в Москву.

И, через несколько дней, я в распоряжении комиссара Центроброни Ивана Христиановича Гаугеля.

И вот мы поехали на обстрел орудий, чтобы определить крепость тумб, на которых стоят орудия. Комиссар, как всегда, первый выстрел делает сам. Я заложил снаряд. Гаугель дал выстрел. И хотел, видимо, повторить, но замок заело. Комиссар никак не откроет его. Правая рука у него культшка. Я попросил разрешения открыть замок. Он сказал: «Открывай». Я сильно размахнулся и ударил так крепко по рукоятке — замок подчинился моему удару... Еще бы не подчиниться! Я был здоров и крепок, как дубовый кряж. Мне исполнилось двадцать семь лет. Но в спешке упустил из виду, что комиссар стоял сзади меня так близко, я локтем задел его подбородок. Он, морщась от боли, проговорил:

- Вот это удар! Чуть зубы мне не вышиб...

Я извинился. Несколько минут я ругал себя за свою оплошку. Лицо мое покрылось испариной, но комиссар уже улыбался. Он мягко сказал мне:

- Стреляй сам. Ловко стреляешь. С одного выстрела две цели взял.

И уже успокоясь, я выпалил еще сорок снарядов, осмотрел оружие, тумбу — все оказалось прочным и качественным. И довольные испытанием, уехали на завод.

Однажды мы ездили с Иваном Христиановичем в Москву в Главное военно- инженерное управление. Сели в поезд в городе Коврове. Удобно устроились. Надумали попить чаю. Я принес кипятку, вынул из вещевого мешка два граненых стакана, и уже хотел было налить чаю, но Иван Христианович внезапно крикнул: «Стой! Немного надо промочить горлышки», - и налил в стаканы из алюминиевой фляги по сто граммов спирту. Флягу он берег в вещевом мешке, как зеницу ока, считая содержимое в ней лекарством от простуды, которые его одолевали, а он уже часто прихварывал.

Выпили, хорошо закусили, что греха таить. «От малого человек не портится, а только краше, энергичнее становится», - оправдывался Иван Христианович. И мы в удовольствие попили чаю, проразговаривали до Курского вокзала города Москвы. Потом по матушке-столице колесили на трамвае. А как сделали свое дело, мой начальник достал мотоцикл с коляской, посадил меня в коляску, положив свой багаж рядом со мной, и приказал мотоциклисту доставить меня на Курский вокзал. Сам же пошел пешком. Это была его страсть — ходить пешком, не только по лесам, с ружьем наготове, но и по городам, которых он много видел, будучи в заграничных плаваниях с юношества.

Иван Христианович был скромным человеком. Не имел в квартире дорогой обстановки, не желал ее. А стоило бы только заикнуться ему об этом, и его бы квартиру обставили хорошей мебелью, на стенах красовались бы прекрасные картины известных художников. Но на стенах у него несколько фотоснимков отправленных на фронты бронированных судов, бронепоездов, первый танк, несколько фотокарточек, а на противоположной стороне крупный, во весь рост Владимир Ильич Ленин. Потом ковер с рисунком, изображающим охотника, стреляющего по дичи, с такой умной собакой, так внимательно смотрящей за полетом птицы. И рядом с ковром его охотничьи принадлежности: двухствольные два ружья, патронташ с патронами, вещевые мешки, а на полу длинные охотничьи сапоги. Все как будто приготовлено на охоту, но когда он бывал на ней — не знаю.

Иван Христианович собирался в командировку в Москву. Его секретарь Захаров К. А. заготовил ему все бумаги и на прощанье предупредил:

- Иван Христианович, будьте осторожны. Берегитесь от «шпаны». В особенности на вокзалах. Не носите свой вещевой мешок на плече — снимут, и не услышите.

Иван Христианович обидчиво ответил:

- Не было еще такого случая, чтобы Гаугеля обворовали.

Но когда он возвратился, сердитый и утомленный, мы догадались, что с ним что-то произошло. Стали допытываться, и он сказал нам, что у него вынули из кармана именные часы.

Гаугель был строг к таким, которые занимались «шлыгой» - работой для себя, а не на производство. Он узнавал таких быстро. Входя в цех, он видел издали их, подходил, увещевал, покрикивал, припугивая револьвером: «Застрелю! — кричал он, - если увижу тебя за изделием зажигалок». И рабочие прекращали делать то, что считалось тогда воровством, крайне преступным занятием, обкрадывая только что оживающее свое социалистическое хозяйство.

Отремели годы Гражданской войны. Родина уничтожила врагов, а остатки их выгнала за пределы своей земли.

Все мы занялись мирным трудом. И Гаугель Иван Христианович стал заместителем начальника утильотдела завода «Красное Сормово». Он взял меня к себе, не взирая на несогласие своего начальника Рогушкина А. Н., который сказал:

- Твой Иван, ничего не смыслит в профилях железа.

Гаугель ему ответил:

- Ничего, ничего... И медведей учат...

И я взялся за новое, незнакомое мне дело. Я стал агентом по выявлению излишков металла. Привезли с какого-то завода пять тонн пряжек. Их там забраковали и направили нам в литье, как шихту, за тридцать рублей тонну. Я взял несколько пряжек в карман и часов пять подряд любовался их красотой, точностью штамповки. И думал: «зачем же их в переплавку? Решил посоветоваться с Гаугелем, предложить свое мнение: продать кому-то эти пряжки.

- А ну, наловчись, сбывай... Хорошее дело сделаешь. — Ты ведь как-то с одного снаряда две цели поразил, - улыбаясь, проговорил Иван Христианович.

И я уехал в Нижний Новгород, с надеждой найти покупателя на металлические пряжки. В общем я быстро их распродал Нижторгу, который и увез их на другой же день, использовав пряжки для упаковки кип брезента, уплатив нам по 450 рублей за тонну, а всего 2.250 рублей. Наш же завод принял их на сумму 150 рублей.

Отчитываясь на собрании отдела, Рогушкин торжественно упомянул:

- Иван Андреевич Якимов, произведя очень удачную операцию с пряжками, оправдал себя в зарплате на два года. Вот как надо работать, дорогие товарищи!.. А я еще его считал пустым местом. Прошу извинения, товарищ Якимов.

Он меня назвал молодцом, пообещал мне подарок. Но не это все было ценно для меня, а его признание, что он не постеснялся признать свою ошибку и извинился перед общим собранием.

Я все же и за этот случай благодарю Ивана Христиановича Гаугеля, потому что и в этом отделе торжествовал дух справедливости, чуткости и скромности нашего комиссара Центроброни, старейшего коммуниста нашей ленинской партии».

27

«Сормово — это слово дорого мне во многих отношениях: во-первых потому, что оно является крупным пролетарским центром революционного движения в прошлом, во-вторых — оно родина советского танкостроения, в-третьих — оно и родина крупного советского судостроения, наших «Ракет», «Спутников», «Метеоров», «Вихрей».

Лично для меня дорого еще и тем, что в рядах сормовских рабочих я начал свою сознательную жизнь. Из Сормова я пошел добровольно на Гражданскую войну защищать молодую Советскую власть. По возвращении с фронтов войны сормовская партийная организация послала меня учиться в коммунистический университет имени Я. М. Свердлова — в Москву, где я и получил высшее партийное образование.

Поэтому я всегда гордился и горжусь Сормовом, давшим мне путевку в жизнь.

На Сормовский завод я поступил работать учеником модельщика в Модельный цех в 1914 году. До 1918 года приобрел специальность модельщика. Великая Октябрьская Социалистическая революция дала мне понять, что ленинские большевики являются единственными выразителями интересов рабочего класса, что это тот самый путь, на который следует вступать каждому рабочему парню, каждому взрослому и старику, не имеющему при себе ни кола, ни двора. И я встал в плотные ряды большевиков.

В то горячее время и в модельном цехе кипела политическая жизнь. Шла ожесточенная борьба между большевиками, меньшевиками и эсерами за влияние на рабочих. Ряды большевиков крепили, множились с каждым днем, рос в них и новый приток рабочих, уже сознавая, кто подлинные их друзья и кто их враги. Сормовичи правильно выбрали свой путь — они пошли за партией Ленина — за большевиками.

После подавления ярославского восстания, в Сормовский завод при- был на ремонт бронепоезд «Победа или смерть». Организацией брониро- вания и вооружения судов, поездов, а также и изготовления первого отече- ственного танка руководила Центробронь в Москве. Владимир Ильич Ле- нин, партия уделяли огромное внимание техническому вооружению Крас- ной Армии. Управлением Центроброни было поручено организовать на Сор- мовском заводе свое отделение, откомандировав его представителем Гау- геля Ивана Христиановича.

Создав соответствующий аппарат, он быстро организовал работу по вос- становлению бронепоезда «Победа или смерть». Заново отремонтирован- ный, окрашенный в зеленый защитный цвет, бронепоезд был отправлен в распоряжение Главного командования Красной Армии в конце 1918 года.

На этом бронепоезде и мы три брата: Василий, Иван и я — Петр, уеха- ли добровольно защищать свое молодое Отечество. Мне было тогда де- вятнадцать лет. Прибыли в Москву для дальнейшего следования на юж- ный фронт. Главное командование нашло необходимым сократить штат бронепоезда, и я был откомандирован в распоряжение бронесил южного фронта, а мои братья Василий и Иван остались на бронепоезде.

После разгрома Красной Армией деникинских полчищ, в котором ак- тивным участником был бронепоезд «Победа или смерть» и бронепоезд № 22, где я был председателем коммунистической ячейки бронепоезда, мы вернулись с фронта в Сормово и поступили на работу в отделение Цен- троброни под руководство комиссара Ивана Христиановича Гаугеля, брат мой Иван в качестве артиллериста, а я политработником.

В 1920 году Центробронь была переименована в Главное военно-инже- нерное управление (ГВИУ). Этой организации, ведающей ремонтом и бро- нированием судов и поездов, по поручению Владимира Ильича Ленина было передано изготовление первых отечественных танков. Руководство производством их ГВИУ возложило на Ивана Христиановича Гаугеля.

Красная Армия остро нуждалась в этом виде вооружения. ГВИУ днем и ночью беспокоило Гаугеля о срочном изготовлении первого опытного танка. Гаугель и его сотрудники дежурили в цехе суточно, не отходя от производ- ства и от прямого провода с Москвой. В изготовлении танка участвовали все цехи завода. Большинство рабочих работало по-боевому на этом деле: не уходили домой по несколько смен, каждую деталь делали аккуратно и точ- но, проявляя в этой работе вдохновение и бодрость, желая выполнить зада- ние Владимира Ильича Ленина в данный срок и как можно качественнее. Но в некоторых цехах были и такие «работнички», которые ухитрились все- ми нечестными способами задержать изготовление той или иной детали: они умышленно ее портили, умышленно теряли, забрасывая в мусор, проявляли

протесты о беззаконии в удлиннении рабочего дня. «Мы, мол, должны работать не больше восьми часов, а нас заставляют по две смены подряд»...

Из таких цехов Гаугель приходил в свою конторку раздраженным. Он опускался на стул. Его лицо становилось серым от усталости и гнева. Он хрипло произносил:

- Ну и сукины же сыны, как ухитряются саботировать!..

Он выкидывал на стол револьвер, рукоять которого была стертой и светила своей отполированностью. Было понятно, что он вдоволь постучал ею о верстаки, станки, металл, уговаривая делать быстрее и лучше сопротивляющихся. Он был беспощаден и грозен к таким. После встречи с ним — многие не решались еще раз встречаться и выполняли его задания в назначенный им срок. Так было с колеблющимися, неустойчивыми людьми. Враги же Советской власти его боялись, стараясь не попадаться ему на глаза. Мы же, ближайšie сотрудники, любили его и высоко ценили его прямоту, сердечность и преданность Советской власти и партии. Это был действительно негибачимый, железный пролетарий-революционер. В своем кожаном костюме, в фуражке матроса, с перебитыми осколками снаряда пальцами на правой руке, уже страдающего тяжелой болезнью желудка, бледного, истощенного, но никогда не жалующегося на свои недуги — мы видим его и днем и ночью, руководящего и наблюдающего за тем, как создавался первенец советского танкостроения.

Трудности, связанные со строительством первого советского танка были огромные. Недостатки продовольствия, плохое снабжение сырьем, топливом, металлом. Отсутствие опыта по строительству танков — все это требовало усиленного напряжения силы и воли со стороны рабочих, инженерно-технических работников, особенно со стороны руководителей. Но, несмотря на все эти трудности, строительство танка быстро продвигалось вперед. Сборка его производилась в дизельном цехе. Ею руководили механик Волков И. И., инженер Чепурнов А. А. и Елистратов Ф. А. В сентябре 1920 года танк был готов. Его окрасили в зеленый цвет.

Гаугель был в восторженном настроении. Он, казалось, помолодел, шутил, смеялся, забыв о своем недомогании.

Собрались все вместе в его конторке и стали думать о том, какое наименование присвоить первому танку?

Иван Христианович предложил дать ему имя вождя Советского государства и коммунистической партии Владимира Ильича Ленина. Все мы поддержали его предложение. Тогда Гаугель дал распоряжение: написать на броне: «Борец за свободу товарищ Ленин». После испытания танка Гаугель предложил нам сфотографироваться около танка.

Наряду с работой по ремонту, вооружению и бронированию судов, поездов, а также изготовлению танков, ГВИУ возложил на Ивана Христи-

ановича Гаугеля руководство и наблюдение и за производством артиллерийских орудий.

Сормовский завод выпускал боевые суда, бронепоезда и танки, успешно справился с изготовлением артиллерийских орудий. Сотни эшелонов уходили из ворот завода с этим видом вооружения, оснащая нашу Красную Армию новой боевой техникой.

Приемкой орудий занимался сам Иван Христианович Гаугель. Будучи в прошлом артиллеристом, он рассказывал нам, как с одного выстрела сбивал купола с церквей, на которых находились вражеские пулеметы.

Еженедельно мы погружали на платформы готовые орудия и выезжали за Сормово на пробный обстрел. Гаугель сам, вместе с моим братом Иваном Андреевичем заряжали орудие и по команде «Полундра!» - давал выстрел.

Боевым организатором и руководителем всей этой революционной работы была наша родная Коммунистическая партия во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Гаугеля Ивана Христиановича окружали старые большевистские кадры — опытные специалисты, честные, отзывчивые товарищи: Данилов, Чугурин, Семагин, Егоров, Сажин, Проскуряков, Квитковский и другие. Это они нас, молодежь, обучали в частях особого назначения, как держать оружие в руках, как защищать от врагов молодую Советскую власть.

В настоящее время Сормово стало неузнаваемо. Оно прекрасно озеленено. Построено много огромных жилых зданий, театров, школ, заводов, фабрик. Тянутся от центра на окраины асфальтированные дороги и тротуары. И нет никакого сомнения в том, что Сормово будет в первых рядах строителей коммунизма.

Персональный пенсионер Петр ЯКИМОВ».

28

Как только я узнал адрес места жительства Ивана Ильича Волкова, поспешил к нему.

Он живет в Копосове, в своем маленьком одноэтажном домике, окрашенном голубой краской.

Иван Ильич вот уже год, как самостоятельно передвигается только по своей квартире. У него болят ноги. Осторожно шагая на клюшках с кухни в переднюю комнату, он, приветливо улыбаясь, указал мне на стул, а сам устроился на другом против меня. Ему приятно поговорить о прошлом и потому он поспешно вынул из стола кожаную папку с документами, раскрыл ее и, листая странички записной книжки, стал мне рассказывать о

том, как работал вместе с Гаугелем Иваном Христиановичем по вооружению и бронированию судов Волжской военной флотилии.

«Государственный Сормовский завод. Акционерное общество оставило его в запущенном состоянии. Старые цеха, устаревшая техника. Акционеры ухитрялись выжимать прибыли, выезжая на вековой «дубинушке». В годы Гражданской войны особенно трудно было устанавливать порядок на заводе, очищать его цеха, улучшать технику производства. В городе не хватало продуктов, цены росли, а курс рубля с каждым днем падал», - и он прочитал из своей записной книжки следующие строки:

«Заработал за месяц 240 рублей. На эти деньги можно купить только два стакана махорки. Если поехать куда-нибудь в хлебное место, то на деньги привезешь полпуда муки или пуд овса».

«Жили мы на картошке, на жмыхе, на овсе, иногда доставали конину. За десять пудов муки можно было в то время купить двухэтажный дом с усадьбой».

Многие рабочие ушли с завода, разъехались по деревням, по хлебным губерниям. Оставались на заводе коренные пролетарии, спаянные с Сормовом давними семейными традициями».

Именно в это время завод получил боевое задание — оборудовать и вооружать суда Волжской военной флотилии.

«Зимой и в начале весны девятнадцатого года, - вспоминает Иван Ильич, - в заводском затоне стояло до 40 разнообразных судов. Все цеха работали для флотилии. На одних судах нужно было подновить борта. На этих работах были заняты котельщики, сборщики, клепальщики. На других судах следовало сменить коленчатые валы. Их изготавливали в ковочном и кузнечном цехах, а в механическом долбили, строгали и обтачивали, и слесари-монтажники ставили на место готовые части, обновляя судовые машины. На следующих судах навешивали броню. Листы толщиной в 10 мм. прокатывали из болванок, отлитых в цехах нашего завода, здесь же закачивали и ставили на суда».

- Я помню, - продолжает Иван Ильич, - как на нескольких морских катерах мы меняли дизели. Это были мелкие суденышки. У них даже названий не было, а только номера: 301, 302, 303 и так далее. Однако мы имели дела и с очень серьезными и сердитыми именами: «Рысью», «Пантерой», «Ягуаром». На этих крупных катерах мы меняли кое-что из оборудования и ставили новое вооружение.

- Стояли у нас в затоне и подводные лодки. — Иван Ильич перелистывает старенькую с пожелтевшими листьями записную книжку — в ней его производственный дневник. — Вот «Окунь», «Минога», «Карась». На них мы меняли вооружение, укрепляли корпуса, ремонтировали машины и минные аппараты.

Ждали своей очереди несколько буксирных пароходов. На них мы навешивали броню и ставили вооружение. Стояли среди судов два английских катера, захваченные в плен на Волге в прошлом году.

- Заказы по цехам давались самые разнообразные. Я работал мастером в пушечном цехе, - скромно упоминает Иван Ильич о себе. — Вся обязанность моя заключалась в том, чтобы «сколотить» вокруг себя крепкий, сознательный коллектив, высококвалифицированных слесарей, любящих машинное дело. А дело это сложное. Машина — сердце судна. Но вокруг нас были и инженеры: Чепурнов Алексей Алексеевич, Елистратов Федор Александрович, которые оба были душой нашего коллектива.

Такая работа требовала от всех нас большого напряжения. В это время и пришел на завод Иван Христианович Гаугель — старый моряк-черноморец, присланный из Центроброни на должность комиссара по бронированию и вооружению судов, поездов, а также и по изготовлению первых отечественных танков.

Иван Ильич снял с лица очки и, протирая их носовым платком, добавил к этому:

И как раз оказался таким, которого нам не хватало! Однако мое знакомство с комиссаром состоялось после легкого скандала. Он кричит: «Вези бронь на берег!». А я ему спокойно отвечаю: «Как ее повезешь, когда она недоделана?». «Да что ее «мусолить»... Раз-раз — и на судно!». «Нет, - говорю, - друг мой, так нельзя: лист к листу должен плотно подойти, чтобы в незначительный просвет между ними комар не смог проскочить». И так это: приложив палец к пальцу, сжимая их плотно, показываю ему: «Вот так, чтобы пылинка не прошла»... Отошел. И уже спокойно спрашивает: «А ты кем здесь будешь?» — «Старшим мастером», - отвечаю. Познакомились. И с этого же дня стали неразлучными.

Мне понравилась в комиссаре его беспокойность, его настоящая хозяйственность. Увидел беспорядок: он так вспылит, так крепко наругает виновников, а те думают: «Вот покричит и выдохнется. А потом, мол, и забудет»... Но он опять к ним на следующий день: не выполнено. Пишет распоряжение об аресте на несколько суток...

Горячий, как племенной конь, вздыбится и понесет, аж с переборок штукатурка посыплется, но быстро отходчивым был. В эти моменты я и стал для него успокоительными валериановыми каплями.

- Криком, - говорю, теперь, при современной технике, города не возьмешь. А вот настойчивость твоя: изо дня в день в то место бить и бить, глядишь — и просвет появится. Это мне в тебе, комиссар, сильно нравится.

Правда, некоторые крика его побаивались.

Весна на носу. Вода прибывает, вздымает лед. Он уже потрескивает. Флотилия должна быть готова к открытию навигации.

Квалифицированные мастеровые, душой и телом принадлежащие Советской власти, вместе со своим комиссаром Гаугелем совершали в то время незабываемые дела. Гаугель был душой этого дела и грозой для тех, которые по каким-либо причинам старались увильнуть от работы.

Горячая работа у нас на уме: поскорее закончить, на отлично сдать командованию. А тут, как клин в быстро катящееся колесо — стоп! Козинские, ляховские, высококовские клепальщики перестали работать! Почему? Какая собака их укусила?..

Комиссар побежал к ним, махая револьвером. Они назад на судно. Но ведь невольник — не работник. Надо спросить, в чем дело? Чего вам, мужики, не хватает? Оказалось — устали. Тяжело справляться по домам после работы.

Взял я комиссара за плечо и стараюсь отвести его в сторону. Послушался. Отошел уже и от гнева. Я ему и говорю:

- Вот что, Христианыч, а мужики-то ведь и на самом деле устают. Походи-ка каждый день по двадцать верст, да с таким-то питанием... попутешествуй-ка...

- А что надо сделать? — спрашивает комиссар.

- Ум, - говорю, — хорошо, а два ума — еще лучше. Давай-ка позвони директору, чтобы разрешил доставлять этих рабочих на пароходе «Монгол» по их деревням.

Понравилось это предложение. Побежал к телефону. А оттуда, смотрю, идет веселый — и на ходу просит меня: «Передай клепальщикам, что с сегодняшнего дня «Монгол» станет доставлять их по деревням».

И только я сообщил им об этом, как они застрекочут молотками, точно барабанной дробью огласились луга, леса и доли.

- Вот, - говорю, - смотри Иван Христианович, как взялись за работу — вперегоньшки. Сознание-то не только надо вбивать, но и втолковывать, да помогать в их нужде.

А на помощь он всегда старательным людям шел охотно. Помогал много семейным картошкой, пшеном, жмыхом. А, курящим — махоркой. Махорка была самым дорогим продуктом. За нее, бывало, самые лучшие мастеровые, только им пообещай, всю ночь проработают. Когда комиссар приезжал из губпродкома, то всегда казался расстроенным: «Мало дали курева! Как будем работать?» - горевал он. Ну, уж зато в такие «тяжкие дни» было его удовольствием угощать курящих - куревом. Он, бывало, смеясь, говорил: «Сам курю и другим не отказываю. Курите, но дело лучше делайте». И работали безотказно. Приходилось трудиться не только по своей прямой специальности. Нередко случалось и так, что вот уже

судно готово к отправке, через два-три часа ему назначен выход, а снаряды на него еще не погружены. Команда одна явно не сумеет это сделать за такое короткое время. Тогда мы все надевали на спины ярмо и включались в погрузку. Слышались окрики, смешки. Кто-то отстал, кого-то перегнали, кто-то крякнул под ношей с насады.

- В то жаркое время, - вспоминает Иван Ильич, - не приходилось считаться ни с чем. Подготовлена броня — грузишь ее на платформы и подгоняешь машиниста паровоза, чтобы быстрее гнал на берег к судам. Разгрузишь артелью и таким же авральным путем производишь навеску брони на судно. Мы уже поняли комиссара, что он дорожит каждой минутой. Этой скупостью ко времени прониклись и мы.

Хотя и тяжело было, но зато уверенности в нас, бодрости — не занимать стать. Под дружные выкрики, иногда с песнями, навешивался лист за листом, бойко стрекотали клепальные молотки, звонко гремели удары кувалд — и судно становилось в стальных листах, грозное своими орудиями.

Я вижу, что мои расспросы и записи утомили Ивана Ильича — и поспешил пожелать ему здоровья. Провожая меня, стуча костылями, он сказал: - Приходите еще. Я многое забыл. Вспомню и запишу.

29

Все, что переживешь, становится через много лет в воспоминаниях более понятным. Вот сейчас мы особенно ясно понимаем, что молодость наша прошла не напрасно. В суровые годы гражданской войны мы искренне и беззаветно отдавали себя борьбе за Советскую власть. На наши плечи легла большая ответственность, но она не согнула нас. Мы только быстрее, чем другие поколения, мужали и крепили.

1918 год. Разгорается Гражданская война. Колчаковцы начинают хозяйничать на Каме, угрожают Казани, Нижнему Новгороду. Войска Деникина стараются взять Царицын. Волга перерезана. Астрахань сжимается в кольце врагов. И куда ни кинешь взор, везде видишь полчища врагов, окружающих молодую Советскую республику. А в тылу злобный шепот недовольных. Они исподтишка вредят и подталкивают на сопротивление колеблющуюся массу, не определившую еще, где правая, где левая сторона.

Я работаю слесарем в арматурном цехе. Мой верстак у широкого окна, в которое я вижу узкий переулок, ведущий к центру завода. Только что начался трудовой день. Но что это?! Бежит плотной стеной народ, орущий что-то дикое и непонятное. В массе этого стадного явления на плечах двоих лежит окровавленный человек. Они несут его в больницу. Узнаем: «Как, и при каких условиях, погиб человек?». Оказалось: час тому назад огромная толпа окружила старую станцию, намереваясь проникнуть в нее и дать

протяжный, заунывный продолжительный гудок. Этот, что лежит на плечах, обливаясь кровью, первым полез в окно, чтобы первому взяться за рукоять гудка. И первый получил пулю в лоб.

Мероприятие меньшевиков и эсеров с треском провалилось. А через несколько дней после этого случая раскрылось и другое, которое дало мне понять, как постыдно поступают противники, старающиеся обессилить молодую Советскую власть, не брезгуя любыми способами. Группа сормовичей-эсеров обокрала кассира государственного банка. Но и эта затея рухнула. Многие грабители отправлены на тот свет.

Во мне созрела ненависть к врагам — к внешним и внутренним. Я стал искать возможности уйти на фронт. Встречаю на улице своего школьного товарища Алешу Андронова. Как в юности, так и в тот момент, он выглядел цветущим и жизнерадостным. Его круглое, румяное лицо выглядело гордо и самодовольно. Я знал, что у него еще не прошел «медовый месяц». Он женился на «симпатии», с которой гулял несколько лет. И подумал: «Вот как любовь окрыляет молодого человека — смотреть на него не насмотришься, счастьем его не нарадуешься!..»

- Что подельываешь? Чем интересуешься? Как мыслишь о настоящем моменте? — закидал меня вопросами начальническим тоном Алеша.

А я, смотря на его самодовольное лицо, уже позавидовал ему и ответил:

- Пожалуй, женюсь и я...

Он с гордостью отчетливо сказал:

- Со вчерашнего дня я командир первой роты формируемого отряда моряков! Не о личном счастье теперь надо беспокоиться, а о Родине, которая сейчас в опасности.

Так вот какой гордостью светилось лицо моего школьного друга! И я опять, уже серьезно позавидовал ему и говорю:

- То же и у меня на душе, Алеша, но не знаю еще, куда обратиться.

- А ты вот что... Пойдем-ка ко мне в роту... Баталером будешь. Коротенькое заявление. Я на нем поручусь за тебя, и больше ничего от тебя не требуется. Я все сам обработаю.

Чтобы не откладывать надуманное в дальний ящик, Алеша подхватил меня под руку и ввел в книжный магазин, где нам предоставили ручку с чернильницей, лист бумаги, на котором я, под диктовку Алеши, изложил свое добровольное желание быть в рядах отряда моряков.

Этот листочек, подписанный мною с датой «2 апреля 1919 года» Алеша Андронов положил в свой карман.

Распрощались мы с другом на улице. Он заверил меня, что через каких-нибудь пять-шесть дней забежит ко мне с положительным результатом. И тогда уже, как он весело выразился, «соберешь свои манатки, и под мое командование явишься на носках».

Это ему вспомнилось, как мы с ним служили в старой армии и как нас, бывало, выкрикивали: «Такой-то, к взводному — «на носках»!

Я шел в свой цех с такой же самодовольной физиономией, как у друга при встрече и радовался тому, как удивится мой старший товарищ, с которым я делился всеми своими невзгодами и радостями, а сегодня скажу ему, что уйду добровольно на гражданскую войну.

Этот мой друг старше меня на пятнадцать лет — Иван Андреевич Ляпин. По профессии он разметчик. Его плита отделяется от моего верстака только стальной сеткой. Однако эта перегородка не мешает нашим ежедневным разговорам. До встречи с Иваном Андреевичем я много времени уделял чтению. Читал даже самые крайние философии: Себастьяна Фора, Шопенгауера, Штирнера. Все прочитанное тяжелым грузом висло во мне — давило, возбуждало, но никуда не звало, кроме как к усовершенствованию своей личности. Но личность моя очень простая. В отделке ее я не нуждался. А вот окружающее меня сильно волновало.

В разговоре с Иваном Андреевичем я часто козырял этой шелухой от прочитанного. Мой собеседник как будто отплеываясь, произносил:

Пора уже видеть «жемчужное зерно» в навозе... Отгреби навоз в стороны — пусть парит и разлагается... А «жемчужное зерно» клади перед собой — изучай его не торопясь, внимательно и упорно.

Иван Андреевич всякий раз говорил загадками. Под словом «навоз» он подразумевал все другие философии, а «жемчужным зерном» называл философию Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Иван Андреевич был для меня поводырем. Он вел меня по тому же пути полузрячего, с накипью во мне от того «навоза», как будто очищая меня от всей нечисти — вел упорно по той же дороге, по которой и сам шел в молодости.

И вот я крепко-крепко жму его сухую, с мозолями руку. Он улыбается в широкие, уже седеющие усы и смотрит на меня сощуренно, не отнимая руки.

- Поздравь, дорогой мой! — шепчу ему влюблено, - уйду на фронт...

И вдруг он чуть с сердцем отнимает свою руку и отчетливо произносит:

- А здесь разве не фронт?! Кто тебе дал право самовольничать? Пришел бы в цех, заявил о своем желании в цеховой комитет, обсудили бы. Ведь стоит только позвонить Гаугелю — и тебя молодчика призовут к порядку...

- Гаугель, Гаугель, - шепчу я виновато. — Да, я знаю этого сухого и шустрого человека с черными густыми усами. С болтающей на боку кобурой для револьвера. Но ведь он не пойдет против моего желания? Поверь мне, дорогой Иван Андреевич, не будет против!

- Не забудь, здесь ведь, повторяю, тоже фронт. Рабочие очень нужны. Да и специалист ты неплохой. Делаешь серьезную, точную арматуру на суда...

Я показал на молодежь, склонившуюся над верстаками и станками, выполняя качественно почти ту же работу.

- Дорогой мой! Не оставляйте ее без вашего отцовского внимания — и у них дело пойдет на отлично.

А на следующий день я уже переселился в Грузинские казармы, где шло формирование первого десантного отряда моряков.

Потом я не раз вспоминал Ивана Андреевича Ляпина, душевного человека и требовательного рабочего. Помню, как он говорил в те времена:

- Да - а... Тяжелые времена, но радость — в преодолении этих трудностей. Надо трудиться упорно, не жалея сил. Придется спать в сутки не более двух-трех часов. Я бы переделал день на пять-десять часов! Солнце бы переставил по-своему, чтобы оно ярче светило нам, потому что мы строим первое в мире Социалистическое государство не только для нас, а для всех трудящихся.

Вместе со мною много молодых рабочих ушло на фронт. Одни попали на боевые суда, другие ехали с флотилией как мастера своего дела, чтобы в случае аварии на месте исправлять повреждения, не требующие заводского ремонта.

30

- Я пришел на завод до Октябрьской революции, - рассказывает Николай Александрович Богдарин, - и мне, как парню неизбалованному, непьющему и некурящему, только одного хотелось: выучиться слесарному ремеслу, подучиться грамоте на вечерних технических курсах, о которых слышал от товарищей, а потом и завестись своим семейством.

Скромные у меня в то время были желания. О многом не замышлял. Но вот когда освоился при электроотделе завода, стал выглядеть уже мастеровым, а в то время как раз свершилась и Великая Октябрьская революция, у меня стали пробуждаться хозяйственные мысли — не личные, я еще не женился, а заводские. Смотрю: тут не так, здесь не эдак. Во всем заводе хаос. Идет человек. Под ногами его обрубки железа, поленья дров, кряжи — бревна, скачет, прыгает через каждое препятствие — и не возмущается! Вот, думаю, люди какие: рады кубарем катиться по дороге, но лишь бы не пошевелить лишний раз руками. А мой отец, бывало, так тот так меня учил: лежит щепка, он ее поднимет и к своему двору поднесет и положит в одно место. И чище стало на улице, и какой-то грош прибавился в его хозяйстве.

Пожалуй, мне некоторые и возразят: «Что отец-то, мол, твой жадный, слюну изо рта без расчета не выплюнет, а до своего огорода донесет. Про

подобных еще знаменитый русский писатель Николай Васильевич Гоголь писал. Так уж извини, пожалуйста, подражать мы таким не станем».

Вот привели пример! Да ведь теперь время-то какое: заводы и фабрики в свои руки взяли, землю передали крестьянам, вся власть стала рабоче-крестьянская — своя, а не барская. Значит, и рассуждать надо с точки зрения радивого хозяина к общественному добру. Мой отец почему, как говорите вы, «жадничал». Да потому, чтобы я и другие в его семье выглядели бы и здоровее всех на улице, и наряднее и умнее. И мне кажется, что мой отец путем строгой бережливости, достиг многого. Мы выросли сытыми, тепло одетыми и обутыми, да и выглядим здоровяками, способными перенести на себе все житейские тяжести.

Хозяйственность, бережливость, да и аккуратность к тому — эти все качества, не в хвальбу скажу, — они у меня есть и переданы они мне в крови от родителей. Не следует нам забывать, что молодое поколение надо выращивать на хороших показательных примерах: делай при детях хорошее, приучай к бережливости, не скупись на слова, а добро береги — не растранижай.

Так я и в цехе своем применил этот отцовский метод. Валяется гайка, болт или какой-то обрезок стали — подниму и положу в уголке на верстак. Однако вскоре я убедился, что этот мой «метод» не подходит. Стали подходить товарищи искать, нет - ли чего подходящего, разворошат и уйдут, оставив все в беспорядке, да и работать мешают. И тут-то я не стерпел и говорю мастеру:

- Сделай-ка, Василий Кузьмич, такой глубокий ящик и поставь его в пролете между верстаков.

- Давно, - отвечает, - думаю о таком ящике, да сделать некому. Плотник крыши чинит, а столяр шкафы для вас делает.

- Так что же?.. Тогда сам сделаю из кровельного железа? — настойчиво предлагаю.

- Ишь, ты! А из какого я тебе кармана платить буду? У меня всего два и оба худые, - отвечает Василий Кузьмич.

- Ладно, - успокаиваю, сделаю по вечерам, благо листового железа везде много.

И сделал! Но только в расчетах ошибся. Надо бы не один, а несколько. Набили мой ящик разными металлическими отходами. И тут только я понял, что для цветных металлов следует иметь особые ящики.

С первых дней Советской власти нам пришлось вводить экономию за уши — силой ее втаскивали в мастерские. До нас акционеры выжимали из нас соки криком: «Выгоню!», «Полицию позову!». Тогда и не беспокоились о какой-то экономии. Прибыль им шла от низкой оплаты рабочих, у

которых мастера — подгонялки стояли над душой каждого работающего. А об экономии металлов плохо думали. Потому нам и достался завод похожий на свалочную яму. И чего только в этой «свалочной яме» не было! Некоторые ловкачи ухитрялись мебель вывозить, тес, кирпич, железо кровельное, дрова. А пьяницы таскали в пазухах инструмент, олово, медь, ежедневно сбывая все при выходе из завода. Многие из этих воров быстро стали богатыми, построили самые лучшие дома на главных улицах, открыли магазины — стали торговцами.

- Но ведь теперь-то, дорогие товарищи, стало все наше. Надо радельнее относиться к своему добру. Приберем все к месту, введем новый порядок в раскройке металлов, материалов, отходы бережно сохраним, а потом сдадим по назначению.

Эти мои разговоры были уже не одинокие. При заводе организовалась такая комиссия, которая стала призывать сознательных к изобретательству и рационализации. В этом благодатном деле я принял горячее участие.

Работал я вместе с другими слесарями на вооружении Волжской военной флотилии. И мы в порядке предложения поставили такую задачу перед собой, а также и перед заводоуправлением: на всех боевых судах заменить керосиновое освещение электрическим.

Пошли разговоры, обсуждения, обещания, а само дело не двигалось. И тут-то мы узнали, что в заводе есть комиссар Гаугель. Мы к нему. Он выслушал нас. Спросил: «Чем могу помочь? Говорите»... Мы — кто о чем: «Нажмите, мол, на отдел снабжения, чтобы он выдавал нам арматуру. А самое главное, нам нужно судно под аккумуляторную станцию».

Через день-два в наше распоряжение предоставили пароход «Иртыш». Закипела работа. На нем мы соорудили слесарную и токарную мастерские, аккумуляторную станцию. Комиссар Гаугель стал нашим ежедневным гостем. Он, бывало, придет к нам, угостит покурить. Курим, окружив его, спрашиваем о делах на гражданской войне, он охотно отвечает, рассказывая нам о победах над белогвардейцами и всякий раз упоминает, что здоровее, ловчее и преданнее Родине нет ни в какой армии, как наш моряк и красноармеец.

Нашим делом комиссар гордился. Забегая к нам на минуту, он громко приветствовал:

- Здорово, братки! Как оно идет дело? Чего недостает?..

Отвечаем, что все доставили. Скоро наша аккумуляторная станция следом пойдет за боевыми кораблями.

- Вот это дела! Вот это будет подарочек нашей славной Красной Армии и флоту! И комиссар радовался вместе с нами.

Потом мы этот подарочек препроводили на фронты Гражданской войны. А вскоре меня откомандировали на одном из недоделанных боевых судов вниз по Волге. Вот и документ мой сохранился:

РСФСР
Государственные объединенные
Машиностроительные заводы
Сормовский завод

20-го апреля 1920

Удостоверение № 383

Выдано настоящее удостоверение Канцелярией Главной конторы Сормовских Государственных заводов БОГДАРИНУ Николаю, родившемуся в 1896 году в том, что он действительно командирован заводоуправлением Сормовских заводов на военное судно, отправляющееся в Астрахань для окончания ремонта машины в пути, что подписью и приложением печати и удостоверяется.

Член коллегии заводоуправления Н. Данилов.

На обороте удостоверения:

СПРАВКА

Тов. Богдарин, как квалифицированный работник Сормовского Государственного завода на основании телеграммы Начвсеросглавштаба от 21-го мая 1919 года за № - 1479/Л от несения военной службы в рядах Красной Армии освобожден.

(печать) Завмобстол — подпись.

На левом углу сверху справки написано:

«Норму получил в Сормове: хлеба 5 фунтов, сахарного песку 1/2 фунта».

31

- Фронту требовалось оружие. Выполняя распоряжение председателя Совнаркома Владимира Ильича Ленина, Сормовский завод приступил к выпуску первых отечественных танков. Однако, не так-то легко было освоить новый вид продукции, - рассказывает Михаил Иванович Телогреев.

- Дело это было поручено комиссару Гаугелю и старшему мастеру Волкову Ивану Ильичу. Я же работал под их руководством слесарем.

Руководители цехов, преимущественно из старых инженеров, стремились доказать, что данные им сроки невероятно коротки. Но Гаугель им скидок не делал. Он всякий раз напоминал им:

- Перестраивайтесь на советский строй! И тогда будете сами торопить других.

Иногда приходилось брать комиссару подобных, как говорится «нахрапом» - окриком, стуком по столу рукоятью револьвера. Это помогало. Через несколько дней оказывалось, что жалующиеся на короткие сроки присылали изготовленные детали раньше срока.

Гаугель был грозой для зазнаек, лентяев, волокитчиков. Он узнавал таких с двух-трех взглядов, и уже не отступал от них. Добивался полной их перестройки или же передавал, как безнадежных, в органы милиции, а то и в ЧК.

В заводе, да и в губернских органах Гаугеля знали не только как комиссара Центроброни, но и как первого представителя по государственным военным заказам того времени, главного контролера по приемке изделий, причем очень строгого.

Стали поступать шестерни из термообработки. «Но может быть, они мягкие!.. И после недлительной пробежки танка сомнутся!.. А могут быть и чересчур крепкими, тогда зубья шестерен крошатся... Как знать?»... Да и можно ли было довериться в то время на слово, когда в темных углах шипели недовольные, скаля зубы даже незначительной нашей неудаче.

Гаугель брал в левую руку молоток, бил по зубьям шестерен с полным размахом, а потом сощурившись, смотрел в забитое место.

Незначительная вмятина, оказавшаяся после удара молотка, отлетевший осколок зуба — давали повод комиссару отшвыривать шестерню в брак. И лишь только те детали Гаугель пускал в сборку, на зубьях которых вовсе не оставалось следа от удара, а этот след был замечен на бойке молотка. Вот тогда Гаугель удовлетворенно произносил:

- Как приказал, так и будет!

Собирая первые коробки скоростей для танка, Иван Ильич Волков работал с нами подряд несколько смен и был не только усталым, но и раздражительным, потому что около нас вертелись многие: и директор завода, и главный инженер и главный конструктор, и представители ЧК, и, конечно, комиссар Гаугель, который больше всех волновался и, вполне понятно, был надоедливее всех.

- Почему так долго не ладится дело с коробкой скоростей? — то и дело спрашивает Гаугель Волкова — и десятый раз влезал в машину, тормозил за плечи друга-мастера зорко смотрел ему в глаза. И уже сотый раз спрашивал его:

- Когда? Когда закончишь? Сказывай!..

- Уйди, Иван Христианович! Я здесь старший, пока машина в моих руках. Вот закончу, сдам — тогда и верховодь. А сейчас — не мешай.

И Гаугель уходил, отругиваясь, неохотно боком влезая в свою конторку, садился на несколько минут за стол, обхватывал свою голову руками и думал. А думал он в эти минуты о том, как тяжело и трудно узнать человека

и определить его верно, чтобы потом никогда не разочаровываться в нем. И как тяжело бывает самому, когда в голову влезет это сомнение, разрушая прекрасное, именуемое дружбой, которая создавалась так кропотливо...

Гаугель выбежал в цех и звонко крикнул:

- Волкова к телефону!..

- Чего еще надо? — недовольно входя в конторку, спросил Иван Ильич.

Гаугель уже потеплевшим голосом проговорил:

- Ивашка, я тебя обманул. Не звонил телефон... Гляжу, устал ты... Подкрепись малость... Вот колбаски с хлебцем.

И нечего греха таить: понемножку с устатку выпивали.

Иван Ильич ухмыхнулся в черные усы и хитро подмигнув другу, прошептал:

- Сегодня поедем или утречком?

- Как только будет исправно — так и в путь! — улыбаясь всем лицом, ответил комиссар.

- Ну, ну, поедем. Слушай, как застрекочет...

- Да? Около тебя буду...

Оба «Ивашки» были неразлучны. И мне их отношения казались детскими. А сам я среди них был так же «Мишкой».

После ухода Волкова Гаугель вскочил и стал ходить из угла в угол, потирая левой рукой правую, возбуждаясь тем невероятным, что казалось сказочным. Ему предстоит ехать на машине, на новом виде оружия и испытывать его!

Поехали к вечеру. За рулем сидел я — Михаил Телогреев, бригадир бригады слесарей по изготовлению первых отечественных танков. Гаугель указывал мне путь и командовал:

- Давай через бревно!

Я убавляю скорость и под гусеницами захрустело. танк опять идет по гладкой дороге, слегка позвякивая пальцами гусениц и шестернями коробки скоростей.

- Давай теперь вон тот горелый дом сшибем, - приказывает Гаугель.

Мне стало страшновато. Я уже хотел, было, возразить комиссару: «Как это врезаться в обгоревший дом?!». Но всмотрелся и убедился, что это одни головешки — направил на них танк. Что-то затрещало, рухнуло на нас. Остатки горелых бревен нависли, а потом сползли, осыпав сажей, углями. Я взглянул в лицо комиссара: оно все черное, смеялось, сверкая белыми зубами.

- Давай, Мишка, бери паклю и три себе морду от угля и сажи... В баню пойдем после...

Иван Ильич не слушал нас и, казалось, вовсе не чувствовал толчков и ударов танка. Он, как и внимательный врач, прислушивался к сердцу машины, улавливал в ее ровном ритме стуков что-то только ему понятное. Иван Ильич лучший знаток дизелей и всех видов машин. В каждом шорохе он определял, откуда он, отчего он, и, найдя причину, тут же записывал в свою записную книжечку.

А Гаугель все командует:

- Давай попробуем вон в тот овраг. Потом полезем в гору...

Танк послушно спустился вниз и поднялся вверх.

- Теперь будем стрелять! — воскликнул Гаугель. - Ивашка! Перелезай на мое место, а я сяду у орудия.

Страстно любил Гаугель пострелять! Он увидел одинокую березу, листьев на которой не было — дерево умирало от одиночества. Навел пушку танка и выстрелил на ходу. Но дерево только покачнулось.

- Плохо, - проворчал Иван Христианович. — Отойди назад, я еще попробую.

Выпалил еще один снаряд. Но дерево по-прежнему стояло.

- Не хочет умирать. Ну, тогда в грудь того сгоревшего дома.

Трубу и печь он разбил в щебень. Гаугель смеялся, глаза его загорелись яркими светлячками, устремленными в цель. Когда снаряд разрушал то или иное, он вздрагивал от восторга.

- Опять попали! Так будем бить и врагов — только еще крепче, без промаха.

Мы приехали в завод уже ночью, грязные, промасленные, охмелевшие от радости. И какой приятной была для нас жаркая баня, в которой мы парились вместе.

В одно из последующих испытаний танка случилась авария. Едва миновали поселок Варю, как вспыхнул трак. Остановились. Оказалось, что палец и отверстие гусеницы были не смазаны. От трения произошел сильный нагрев. И пришлось стоять до тех пор, пока не пришла машина и волоком не отвела танк обратно в цех. Комиссар в тот же день передал молодого слесаря на сутки под арест в милицию.

Но уже к вечеру, сидя в конторке вместе с Волковым, Гаугель начал сожалеть о своей горячности.

- Скажу тебе откровенно, Ильич: жалко Павлушку. Хороший парень. Надо бы поругать его — и только. А я посадил! Сейчас освобожу...

И уже хотел было позвонить в милицию, но Иван Ильич не подержал друга.

- А ему надо было проверить. Ведь спросили его: «Смазал?». Он ответил, да еще с гонором: «Сма-а-зал». Вот те и смазал! Подвел всех — и все дело смазал на нет. Пусть посидит денек. Сам поймет и другим намекнет.

Гаугель лишь грустно улыбнулся словам друга и позвонил в милицию, чтобы Павла немедленно освободили.

Однако часто во время неполадок с коробками скоростей Гаугель вбегал в кабинет начальника цеха и стучал по столу своей култышкой:

- Не уходить! Никого не выпущу из цеха до тех пор, как наладите танк!..

К этим он был неуступчив и о них он не болел душой так, как о слесаре Павле.

32

Яков Серапионович Аверин охотник с юношеских лет. Если бы у него не было еще одного пристрастия к электрике, он бы дневал и ночевал со своею двухстволкой и вещевым мешком в лесу. Однако второе пристрастие оказалось сильнее охоты и привязывало его более крепко к делу, от которого он не мог оторваться даже в выходные дни.

Работая еще учеником у мастера по электрике, Яша задался целью во что бы то ни стало перенять опыт у бородчатого дяди, который был скуп: ни о чем не рассказывал, ничего не показывал и все прятал от надоедливого ученика. Но серые, острые глаза Яши были всегда так веселы и внимательны к делу, что все успевали запоминать, все предусматривать и самостоятельно решать, как надо сделать то или иное дело. И выходило: как не прячь мастер, как не старайся показаться немым перед учеником, последний все разглядел, все усвоил сам, а в чем затруднялся, искал помощи в технической литературе.

Учился Яша всего пять лет в церковно-приходской школе. И уже с первых лет Советской власти заметили способность Яши Аверина: стали посылать на кратковременные курсы, настояли, чтобы он посещал воскресную вечернюю школу. И через три-четыре года Яков Аверин стал известен в заводе всей администрации. Без него не могли включить ни одного крупного агрегата, а мастер его, уже старик, отбывал тюремное заключение.

Яков Аверин стал передовым электриком в таком огромном заводе. Теперь он мог бывать чаще с ружьем в лесу, видаться с охотниками, слушать их рассказы о своих успехах и подружиться с некоторыми. Тут-то он и познакомился с Иваном Христиановичем Гаугелем, который рассказал охотникам о своих двух неудачах, происшедших в субботний день, когда он был на охоте.

- Гаугель мне понравился с первого вечера. Он мне показался ничем не схожим с другими охотниками. Те всегда рассказывают о своих успехах, да и прихвастнуть любят. А этот поведал нам о своих неудачах. Правда, он говорил и улыбался, умышленно вставлял украинские слова, чтобы веселее было слушателям, но самому, как мне показалось, вовсе было не до

смеха. Я заметил на лице его грусть, которая больше отражалась печалью в его крупных, черных глазах. А рассказывал он вот какой случай.

Сидели они каждый в своем шалашике. Ждали прилета дичи. А она как вымерла. Тишина мертвая... Уже наступает рассвет. И ни одного выстрела! И свои кряковые на привязи молчат! Сидели-сидели так, да и сгрудились все вместе у общего костра. Разговорились. И сошлись на том, чтобы отметить эту общую неудачу. Ну, а «отметить» - это значит: выпить и как следует закусить. Выложил каждый свой запас съестного на траву, но все это холодное! «Дичинки бы горяченькой», - обмолвился кто-то. Все обидчиво поморщились. «Где ж ее взять?». Поднимается с места Гаугель, берет свое ружье и медленной походкой уходит к своему шалашу. Через две-три минуты раздается выстрел. Все вздрагивают и недоуменно смотрят на дымок. Но вот возвращается и Гаугель, волоча за собой свою убитую кряковую.

- Нате... ошиплите... Жертвую на общую компанию. Для чего он это сделал? Лишь только для того, чтобы удружить товарищам.

- О втором случае, происшедшем в ту же субботу, он рассказал уже без грусти на лице и в глазах:

- Иду это я по парку с поникшей головой и прячусь, чтобы не встретиться с сынком. Ведь первым вопросом его будет: «А где «Вутка» папа?.. Что я скажу ему?.. Но сын не встретился. Вхожу в коридор. Подхожу к двери своей квартиры. Не заперта и в комнатах ни души. Время полдненное. Жена на работе. Сын гуляет. Но почему открыта квартира? Взглянул на свою стену с моими доспехами — и аж ахнул со страху! Воры утащили мое второе ружье, мелкокалиберное, два старинных пистолета, патронташи, три коробки гильз пустых, два охотничьих ножа и турецкую кривую саблю.

Звоню в милицию. Сообщаю о краже. Жду агентов уголовного розыска. Пришли. Осмотрели двери. Взлома нет. Вошли, как порядочные, в открытую дверь. Товарищи меня успокоили: «Отдыхайте, а мы поищем воров». И ушли. Но какое тут спокойствие?! Вещи все памятные — дареные. Ругаюсь, как никогда не ругался. И через какой-то час времени, примерно, входит один из агентов и приглашает меня следовать за собой. Иду, как арестованный. Переходим через дорогу к «винному» мосту. Взял меня за руки и ведет под мост. Встретили нас товарищи из уголрозыска и говорят мне: «Вот полюбуйтесь!». Смотрю, все мои доспехи развешаны чинно по столбам моста. «А кто воры? И где они? — спрашиваю. «А они в сторожке». Значит, забираем все? — «Да забираем», - отвечаю. Снял все свои доспехи в охапку и идем в сторожку. Сторож стоит, охраняя дверь, и кривит усы и бороду от улыбки. Открываем дверь, вижу: сидят четверо малышей парнишек, пригорюнились, но не режут.

«Воры-ы!» - кричу.-«Одной тюрьмы вам мало — в две посажу-у!».
- Прости, - хнычут, - мы ведь вошли в отпертую дверь, а взяли только поиграть в войну...

- Прощаю. Но больше этого не спрося у меня, ни-ни!

Дали честное слово ребятишки. Отпустили их по домам.

Иван Христианович взял эту вину на себя: он виновато промолвил, что и сам он часто оставляет квартиру свою открытой, а ему стали подражать в этом жена и сын. Но это, видимо, еще рановато. До коммунизма не так-то близко.

Перезакусили. И уже собрались было по своим шалашам, но в этот момент в трех шагах от нас профырчал мотоцикл и владелец его подбежал к нам, спрашивая:

- Товарищи охотники! Не поможете - ли мне разыскать Якова Серапионовича Аверина? В заводе авария...

Не умея ругаться, я всплеснул руками и начал собираться. За мной последовал и Гаугель. Для нас авария в заводе сильнее всех наших удовольствий. И мы тесно сжались оба в коляске мотоцикла. И я жаловался комиссару: «Вот, мол, всегда так. Соберусь на охоту, а за мной приедут и увезут в завод».

33

Советский народ прогнал врагов со своей земли и трудолюбиво стал восстанавливать разрушенное врагами хозяйство. Но остались еще люди, которые не переносили диктатуры пролетариата и всяческими способами старались ее оклеветать. Представителя ее, комиссара Гаугеля, они рисовали как деспота, действующего кулаками и револьвером. На чистке партии в 1929 году было подано два заявления, в которых говорилось, что за недостойные действия Гаугель должен быть исключен из рядов партии.

Председательствовавший на этой чистке в дизельном цехе нашего завода Яков Карпович Кокушкин впоследствии рассказывал:

- Для меня было ясно, что найдутся люди, которые будут стараться оклеветать Ивана Христиановича. Однако, как только начали выступать товарищи, Гаугель предстал перед собравшимися человеком, с чистой душой и теплым сердцем. Каких только примеров не приводили выступавшие, показывая комиссара как упорного бойца с врагами, как лучшего из них, входящего в нужды других и помогающего им.

Клеветники получили дружный отпор, они даже не пытались выступать, а только шептались по углам.

Сам же Иван Христианович был уже в то время сильно болен. Он запустил свою болезнь, находясь две трети дня на работе.

В 1933 году Ивана Христиановича похоронили. Его провожало до кладбища огромное людское шествие. Сормовичи отдавали последний долг коммунисту, гражданину, борцу за общее счастье, честному и чуткому товарищу — одному из лучших сынов молодой социалистической Родины.

НОВОЖИЛОВ Александр Степанович

Об авторе повести нам известно мало. По скудным авторским ремаркам узнаем, что работал слесарем в арматурном цеха, откуда ушел добровольцем на гражданскую войну. На это указывает и фраза в повести, что среди бойцов, приславших на завод письмо с фронта и автор повести.

После войны, продолжая трудиться на заводе, А.С. Новожилов проявил склонность к литературному творчеству.

Он автор нескольких документальных повестей и очерков. Перу А.С. Новожилова принадлежат книги "Сормовский сентябрь" (Профиздат, 1930 г.), "Герои пятилетки" (1931 г.) - о Тихоне Третьякове, ряд брошюр, очерков, воспоминаний в газетах и журналах.

Позднее А.С. Новожилов возглавил заводскую типографию, вместе с Я.К. Кокушкиным участвовал в создании рабочей газеты "Красный сормович".

Документальная повесть о Гаугеле - наиболее крупное произведение А.Новожилова - не была издана. Машинописный текст повести находился в музее им. П. Заломова Сормовского дворца пионеров (ныне Сормовский Центр детского творчества).

В повести наиболее полно отражен сормовский период жизни и деятельности черноморского матроса, легендарного представителя Центроброни Ивана Христиановича Гаугеля. Автору удалось создать живой образ пламенного комиссара не только на основе личных впечатлений, но и благодаря воспоминаниям его ближайших товарищей.

Ценность повести и в том, что в ней показан завод в годы гражданской войны, героический труд сормовичей, вклад их в дело защиты революционных завоеваний и создания социалистического отечества.

НАСТОЯЩИЙ СОСТАВ КСИ.
Сидят слева направо: Красногорский, Плесков,
Панасевич.
Стоят: Новожилов, Кузьмин.

**ДОКУМЕНТЫ
МАТЕРИАЛЫ
ФОТОГРАФИИ**

4

папка №1

поступили 29/IV-87г.

ИВАН ХРИСТИАНОВИЧ ГАУГЕЛЬ
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВ
ЮНЫХ СЛЕДОПЫТОВ

Именем И.Х.Гаугеля названа одна из улиц Сормовского района.

Шел 1918 год. Со всех сторон молодую Советскую Республику окружали враги. В это трудное для нашей страны время в Сормово приезжает тов.Гаугель - моряк Черноморской флотилии. На Сормовский завод он прибыл как представитель Центроброни. Полный ненависти к врагам революции, он с неистощимой силой и энергией взялся за организацию вооружения Волжской военной флотилии, за создание бронепоездов, а в дальнейшем - по указанию В.И.Ленина - первых отечественных танков.

На Сормовском заводе работает сын Гаугеля - Вячеслав Николаевич. Внук - Эвальд - инженер ЦКБ по СПК.

Личные встречи с сыном и внуком И.Х.Гаугеля раскрыли новые страницы жизни этого замечательного человека.

В 1905 году Гаугель был участником восстания на корабле "Очаков", а в 1914г. служил на крейсере "Свободная Россия" Черноморского флота.

"Большую, можно сказать исключительную роль в оборудовании бронепоездов сыграл комиссар Центроброни Иван Христианович Гаугель.

Как сейчас помню этого худощавого черноморского моряка, который сумел побоевому организовать работу Сормовского завода. Преданный делу революции, он настойчиво требовал от всех, чтобы быстрыми темпами готовили для отправки на фронт броневые поезда. Сам он не считался со временем. Дни и ночи проводил в цехах, следил за тем, как готовились листы брони, как они отправлялись в паровозостроительный цех. А когда паровоз был готов, покрыт броней, Иван Христианович лично участвовал в его испытаниях.

Беззаветный труд Гаугеля служил вдохновляющим примером для всего заводского коллектива."

(Петр Канадин "На стальных путях")

Трудные годы подорвали здоровье Ивана Христиановича. Он часто болеет. Лучшие врачи боролись за его жизнь. Четыре раза его оперировали (дважды в Москве).

В 1933 году оборвалась жизнь И.Х.Гаугеля. Ему было 53 года.

Сормовичи отдали последний долг коммунисту, гражданину, борцу за общее счастье, честному и чуткому товарищу, одному из лучших сынов Советской Родины.

Дополнительные сведения:

Фамилия "Гаугель" немецкого происхождения. Это бывшие немецкие поселенцы на Украине. (переводится как "свежее сено").

Родился И.Х.Гаугель около Одессы. Его приемный сын - Вячеслав Николаевич, 1912 года рождения, работает на приемке судов на заводе "Красное Сормово".

Жена И.Х.Гаугеля - Анна Алексеевна, умерла в 1948 году. Неоднократно избиралась депутатом в горсовет.

Места в Сормове, связанные с именем И.Х.Гаугеля.

1. Дом, в котором жил И.Х.Гаугель: Сормово, Заводский парк, дом 1, кв. 21
(Сохранилась дощечка с его инициалами)
2. Улица имени Гаугеля в VII микрорайоне.
3. Дом, в котором помещалась партийная библиотека имени Гаугеля, перенесен на Комсомольский поселок, сейчас это жилой дом
4. Могила И.Х.Гаугеля на старом Сормовском кладбище (найдена учащимися школы-интерната № 4)

Материалы собраны учащимися
Сормовской школы-интерната №4
Руководитель - В.И.Емелюкова.

1987г.

**КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО СОРМОВСКОГО ЗАВОДА в
1918 - 1921 годах**

МАКАРОВ Иван Гаврилович.
Председатель коллегии заводоуправления
в 1918-1919 гг.

**ЧЕРНОВ
Андрей Семенович.**
Председатель
коллегии
заводоуправления в
1920-1921 гг.

**ДАНИЛОВ Николай
Дмитриевич.**
Член коллегии
заводоуправления
1918-1920 гг.
Первый крансый директор
1921-1922 гг

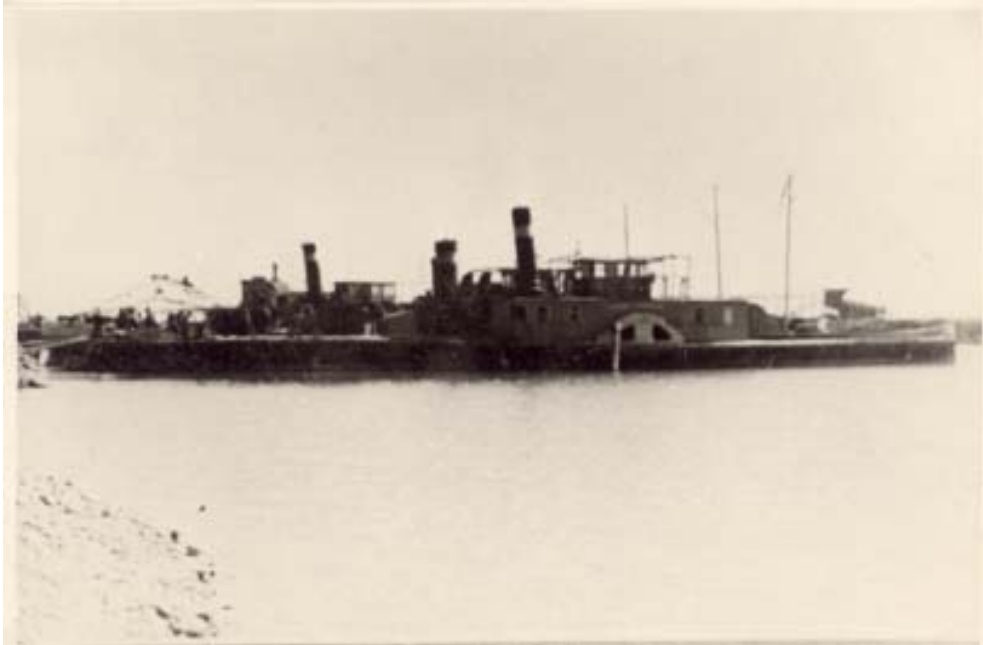

ЗАКАЗЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ПО МОРСКИМ ДЕЛАМ НА ЗАВОДЕ „СОРМОВО“

1. Ремонт парахода „**Кошевар**“.
2. Установка двух 75 мм пушек, 6 пулеметов и бронирование рубки на загородителе „**ТЕРЕК**“.
3. Установка двух пушек на загородителе „**Кубань**“.
4. Ремонт теплохода „**Иван**“.
5. Установка рулевой машины на военном корабле „**Ваня коммунист**“.
6. Установка и укрепление трех пушек на буксирном теплоходе „**ДЕГТЯРЕВ**“.
7. Ремонт п.х. „**Братство**“ и „**Бухара**“.
8. Ремонт канонерских лодок № 4, 6, 8.
9. Установка щитовых орудий и мостиков на миноносцах „**Прочный**“, „**Прыткий**“ и „**Ретивый**“.
10. Ремонт машины и котлов на миноносце „**Поражающий**“ и сделать носовую часть на „**Прочном**“.
11. Исправление пушек и пулеметов.
12. Установка пулеметов на барже „**Тёма**“.
13. Установка девятифутового дальности на миноносце „**Прочно**“.

Заведующий отделом
морских заказов 1918 года

В 1918-1919 гг. на Сормовском заводе прошли ремонт, бронирование, вооружение 98 судов для Волжской военной флотилии.

Буксирный пароход «Ваня-коммунист»

П/х „ВАНЯ КОММУНИСТ” ПЕРЕД ВЫХОДОМ ИЗ ГАВАНИ

Буксир «Дегтярев» вместе с вооружением получил
новое название - «Ваня-коммунист»

В мирное время буксир «Дегтярев» водил караваны барж

Миноносец «Пруткий»

ЭСМИНЕЦ «ПРОЧНЫЙ»

Строители первого танка. Слева - комиссар И.Х. Гаугель

Первые советские танки на Красной площади в Москве. 1920 г.

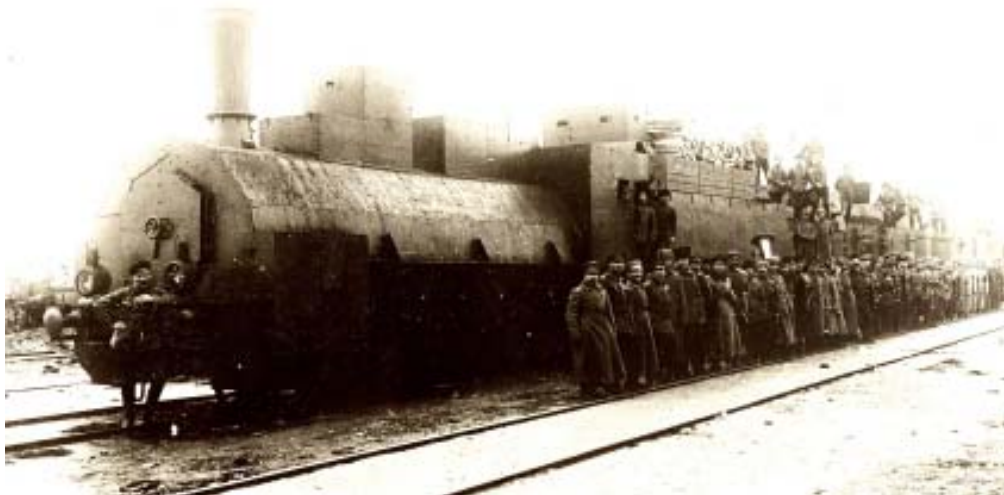
ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ТАНК
Репродукция с картины В. Малиновского. 1974 г.

Жилой дом в Заводском парке. На втором этаже - квартира И.Х.

Бронепоезд перед отправкой на фронт

Бронепоезд № 21 , построенный на Сормовском заводе

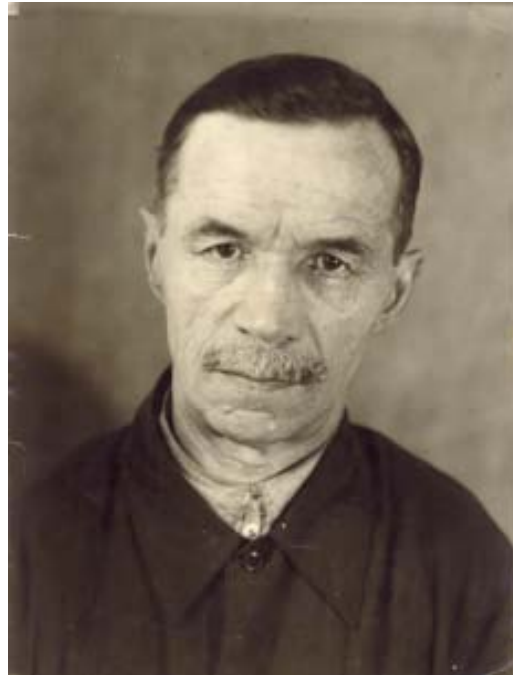
Бронепоезд №15 имю лейтенанта Шмидта

Изготовленные на заводе пушки устанавливали
на железнодорожные платформы

КРЫЛОВ
Григорий Куприянович -
ведущий конструктор
по постройке
первых советских танков

ВОЛКОВ Иван Ильич -
строитель первых советских танков,
друг и сподвижник комиссара И.Х. Гаугеля

ТЕЛОГРЕЕВ Михаил
Иванович -
активный строитель первых
советских танков

М.И. ТЕЛОГРЕЕВ
(сидит справа).
Фронтовое фото.
(1915-1916 гг.)

МЫШИН Иван Степанович
- участник строительства
первых советских танков

НА СТАРОСОРМОВСКОМ КЛАДБИЩЕ
(п. Кооперативный)

Памятник на могиле
И.Х. Гаугеля, установленный
в 1930-х годах

По предложению ветеранов
завода в 2015 году был
установлен новый памятник

Могилы И.Х. Гаугеля сегодня

Организатор
стремительная
на заводе "Красное Сормово"
бронепоездов,
бронированных судов
вспомогательных
и перах стальных
танков

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ЗАВОДА
«КРАСНОЕ СОРМОВО»

Редакционный совет музея:

Б.Л. Балин, В.М. Гершман, Г.А. Илескин,
Ю.К. Меньщиков, Т.В. Корягина, В.Н. Сугоров

Редактор Г.А. ИЛЕСКИН

Компьютерный набор И.М. Пшеницына
Оформление и верстка Г.А. Илескин
Технические редакторы Е.А. Миронова, М.Г. Финюкова